

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Юридический факультет

Современные проблемы реализации прав человека в цифровом мире

**Материалы всероссийского круглого стола
(с международным участием)
20 октября 2022 г.**

Оренбург

2022

УДК 347

ББК 67.4

C56

Рецензент – доктор юридических наук, доцент Е.В. Мищенко

C56 **Современные проблемы реализации прав человека в цифровом мире: материалы всероссийского круглого стола (с международным участием), 20 октября 2022 г., Оренбург / под ред. И.А. Ворониной. – Оренбург: Изд-во Южный Урал, 2022. – 243 с.**

ISBN 978-5-94162-229-0

Сборник подготовлен по материалам всероссийского круглого стола (с международным участием) «Современные проблемы прав человека в цифровом мире», проходившем в Оренбургском государственном университете 20 октября 2022 г.

Круглый стол проведен при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение № 075-15-2022-1051 от 01.06.2022 г.) – грант в форме субсидии на реализацию мероприятий, направленных на поддержку студенческих научных сообществ в рамках государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» для реализации проекта «Студенческий научный центр «Я.С.Н.О.»».

ISBN 978-5-94162-229-0

© ОГУ, 2022

Введение

Сборник подготовлен по итогам состоявшегося в Оренбургском государственном университете 20 октября 2022 г. круглого стола (с международным участием) «Современные проблемы прав человека в цифровом мире».

Открывая мероприятие, декан юридического факультета ОГУ Е.В. Мищенко, отметила, что «выбранная нами тема затрагивает все сферы жизни человека, начиная от экономики, заканчивая образованием. Информация является наиболее значимой категорией в современном мире, которая, непосредственно в нашей рабочей области, является как другом, так и врагом, ведь утечка данных затрагивает права и интересы граждан. Потому нам необходимо найти баланс в процессе внедрения информационных технологий между цифровизацией и защитой прав человека и гражданина».

В работе круглого стола приняли участие депутат Законодательного собрания Оренбургской области, заместитель председателя комитета по местному самоуправлению и вопросам деятельности органов государственной власти Е.В. Афанасова; руководитель первого отдела по расследованию особо важных дел Следственного управления Следственного комитета РФ по Оренбургской области В.С. Сиваев; главный специалист у старшего помощника прокурора области по взаимодействию со СМИ и общественностью прокуратуры региона Е.А. Гвоздева; начальник отдела государственной гражданской службы, кадровой и антикоррупционной политики министерства социального развития Оренбургской области М.С. Бороздин; консультант отдела цифрового развития в сфере государственного управления Министерства цифрового развития и связи региона Н.В. Кустикова; консультант информационно-аналитического отдела аппарата уполномоченного по правам человека в Оренбургской области А.Б. Кузнецов.

В дистанционном формате выступили Академический директор Международного университета Бужумбуры (Республика Бурунди) Жан-Батист Букуру; доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов Аду Яо Никээ; заведующий кафедрой гражданского права и процесса Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова доктор юридических наук, профессор Д.Х. Сайдумов; профессор кафедры уголовного права и криминологии Дагестанского государственного университета, доктор юридических наук Д.З. Зиядова.

Дистанционно приняли участие студенты юридического факультета ОГУ, УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева, СПбГУ, Костромского государственного университета, Прикамского социального института, Оренбургского института МГЮА, Оренбургского филиала РАНХиГС, а также учащиеся 11-х классов школ № 48 и № 79 г. Оренбурга.

**Гвоздева Е.А., главный специалист
у старшего помощника прокурора
области по взаимодействию со СМИ
и общественностью прокуратуры
Оренбургской области**

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ СО СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

INTERACTION OF PROSECUTION BODIES WITH MEDIA

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные направления взаимодействия органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью, определяется их нормативно-правовая база.*

***Abstract.** The article discusses the main areas of interaction between the prosecutor's office with the media and the public, determines their regulatory framework.*

***Ключевые слова:** цифровизация, преступность в сфере информационных технологий.*

***Keywords:** digitalization, crime in the field of information technology.*

Генеральная прокуратура Российской Федерации определяет взаимодействие со СМИ и общественностью в качестве одного из важных направлений деятельности.

Отношения, возникающие при взаимодействии органов прокуратуры со СМИ и общественностью, регулируются комплексом нормативных правовых актов. В первую очередь, это Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», которым устанавливаются общие принципы работы: поиск, получение, передача, производство и распространение информации, применение информационных технологий, обеспечение защиты информации [1].

Конкретизируются основные определения и понятия в деятельности средств массовой информации (далее – СМИ) Законом Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» [2]. В процессе взаимодействия органов прокуратуры со СМИ особое значение имеют такие категории, регулируемые данным законом, как правовой статус и вопросы организации деятельности СМИ, аспекты распространения массовой информации, общие положения об ответственности за нарушения законодательства о СМИ, понятие запроса информации редакцией.

Базовым законом, которым руководствуются прокуроры при осуществлении взаимодействия со СМИ и общественностью, является Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [3].

В частности, в нем регламентировано действие принципа гласности: «органы прокуратуры действуют гласно в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Российской Федерации об охране прав и свобод граждан, а также о государственной и иной специально охраняемой законом тайне». При этом согласно п. 2 ст. 4 вышеуказанного нормативного правового акта органы прокуратуры информируют население о состоянии законности и правопорядка [3].

Более предметно вопросы взаимодействия конкретизированы в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 17.05.2018 № 296 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью» (далее – приказ № 296) [4]. Данным нормативным актом деятельность прокуроров по взаимодействию со СМИ не только регламентируется, но и вменяется в качестве обязанности.

Взаимодействие органов прокуратуры со СМИ и общественностью обеспечивает не только систематическое информирование общества о результатах деятельности прокуроров по укреплению законности и правопорядка, но и обратную связь, посредством которой прокуроры получают информацию о состоянии законности через призму общественного мнения.

При этом приказом № 296 особое внимание акцентируется на необходимости доведения до сведения граждан и организаций информации максимально оперативно. Предполагается предоставление информации и ее последующее опубликование в «предельно сжатые сроки», если же речь идет о направлении дел в суд или вынесении приговора, то устанавливается необходимость предоставлять информацию «день в день», «в возможно короткий срок».

Взаимодействие со СМИ носит обоюдный характер. Данный вывод находит отражение в ч. 4.1 приказа № 296 [4]. Устанавливается, что прокурорам субъектов Российской Федерации и приравненным к ним прокурорам специализированных прокуратур необходимо ежедневно осуществлять мониторинг ведущих региональных средств массовой информации в целях анализа состояния законности и возможного принятия мер прокурорского реагирования. О принятых мерах прокурорского реагирования предписывается оперативно информировать управление взаимодействия со средствами массовой информации.

Именно в результате ежедневного мониторинга новостных лент, основных информационных порталов удастся выявлять ситуации, которые потенциально в себе содержат информацию о нарушении прав граждан и иных категорий лиц для оценки возможности принятия мер прокурорского реагирования.

Так, можно привести ряд примеров проведения проверок в прокуратуре Оренбургской области, организованных в результате мониторинга средств массовой информации. Например, 08 мая 2021 г. на официальном сайте регионального ведомства (единый портал органов прокуратуры (далее – ЕПП РФ)) был опубликован пресс-релиз [5]. Согласно информации в нем, по поручению прокурора области, организована проверка сообщения, опубликованного в СМИ, о вырубке деревьев на улице

Красная Площадь в г. Оренбурге с целью воссоздания на этом месте военно-полевого госпиталя периода Великой Отечественной войны.

Проверки, организуемые в результате мониторинга СМИ, носят многопрофильный характер и касаются разнообразных сфер, в том числе социальных вопросов.

Так, благодаря вмешательству прокуратуры были восстановлены права труженицы тыла [6].

На официальном сайте прокуратуры сообщалось об организованной по поручению прокурора области проверке сообщения СМИ о труженице тыла из поселка Межгорного Акбулакского района.

Прокуратурой были выявлены нарушения в действиях администрации МО Новопавловский сельсовет, выразившиеся в ненадлежащей организации работы по бесперебойному водоснабжению населения, а также бездействию по восстановлению подачи воды в дом жительницы поселка. Незамедлительно были приняты меры по привлечению к работе по устранению выявленных недостатков поднадзорных органов, которые приступили к осуществлению ремонтно-восстановительных работ системы водоснабжения жилого помещения.

По фактам выявленных нарушений прокуратурой принят комплекс мер реагирования. В адрес должностных лиц администрации МО Новопавловский сельсовет внесено представление. В отношении директора МУП «Сельский коммунальщик» возбуждено дело об административном правонарушении по ч.1 ст. 6.3 КоАП РФ (нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения). В тот же день водоснабжение в доме было восстановлено.

Можно привести еще ряд примеров оперативного реагирования прокуратуры области на нарушения, освещаемые средствами массовой информации. Так, прокуратурой города Оренбурга была организована проверка информации об оплате питания родителями учащихся начальных классов [7]. На ЕПП РФ ведомства сообщалось, что размещенная информация подлежит проверке и в случае ее подтверждения будет дана оценка правомерности взимания платы с родителей учеников начальных классов образовательных учреждений за горячее питание, которое в соответствии с действующим законодательством предоставляется бесплатно.

В рамках иного пресс-релиза сообщалось, что по поручению прокурора области было организовано проведение проверки по публикации в СМИ по факту жестокого обращения с животным [8]. Поскольку размещенная в одном из местных новостных источников публикация содержала информацию о возможном преступлении, прокурор области поручил прокурору Промышленного района г. Оренбурга организовать проведение доследственной проверки.

Проверки, организуемые в результате мониторинга СМИ, касаются, в том числе, сферы жилищно-коммунального хозяйства.

Так, прокуратурой Промышленного района г. Оренбурга на основании информации, размещенной в сети Интернет, проведена проверка исполнения требований законодательства в сфере содержания общего имущества собственников [9].

Установлено, что организация при осуществлении управления многоквартирным домом не исполнила обязанность по надлежащему содержанию и ремонту общего имущества, поддержанию его в состоянии, исключающем возможность причинения вреда имуществу физических лиц. Непринятие мер со стороны управляющей компании по надлежащему содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме создавало угрозу жизни и здоровью проживающих в нем граждан.

С целью устранения выявленных нарушений прокуратурой района в адрес директора организации было внесено представление, а в отношении директора общества возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 14.1.3 КоАП РФ (осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами с нарушением лицензионных требований), которое направлено в государственную жилищную инспекцию по Оренбургской области для рассмотрения по существу.

Прокуратурой Дзержинского района г. Оренбурга по итогам мониторинга средств массовой информации была организована проверка исполнения требований санитарно-эпидемиологического законодательства [10].

В сети «Интернет» были размещены сведения об образовании стихийной свалки отходов на улице Театральной города Оренбурга. После вмешательства прокуратуры, администрацией Северного округа г. Оренбурга незамедлительно были организованы мероприятия по устранению образовавшегося на территории площадки для сбора твердых коммунальных отходов захламливания. Свалка была ликвидирована.

В текущем году в сети Интернет появилась видеозапись, свидетельствующая о том, что животные в цирке (белые медведи) содержатся ненадлежащим образом. По поручению прокурора области была организована проверка данной информации [11].

Оренбургская межрайонная природоохранная прокуратура провела проверку исполнения законодательства с привлечением специалистов Управления Россельхознадзора по Оренбургской области, Южно-Уральского межрегионального управления Росприроднадзора. В ходе проверки были выявлены нарушения при содержании в местном цирке четырех белых медведей, в целях устранения которых прокуратура внесла представление в адрес руководителя Оренбургского государственного цирка – филиала ФКП «Росгосцирк». Также Оренбургским межрайонным природоохранным прокурором было возбуждено два дела об административных правонарушениях в отношении должностных лиц филиала ФКП «Росгосцирк» по признакам деяний, предусмотренных ч.10 ст. 8.2 КоАП РФ (неисполнение обязанности по ведению учета в области обращения с отходами производства и потребления), ст. 10.6 КоАП РФ (нарушение правил карантина животных или других ветеринарно-санитарных правил).

Основная цель работы пресс-службы прокуратуры – донести до граждан то, чем занимается прокуратура, каким образом защищаются законные права и интересы граждан и юридических лиц, чтобы они могли понять, в каких ситуациях можно напрямую обращаться в ведомство и как их проблема может быть решена. В рамках

описания обстоятельств уголовных дел, направляемых в суд, с целью правового просвещения граждан также приводится справочная выдержка законодательства о максимальной санкции, назначаемой за совершение подобных преступлений. В данном случае информация действует превентивно, с целью профилактики правонарушений.

При написании пресс-релиза информация подается лаконично, кратко для более удобного восприятия неподготовленному юридически читателю, при этом должны грамотно использоваться профессиональные термины, официальные формулировки, без перехода на публицистический журналистский стиль. В данном случае задача пресс-службы – преподнести официальную информацию максимально простым, но не примитивным языком.

Таким образом, благодаря активному взаимодействию органов прокуратуры со СМИ граждане повышают уровень правовой культуры, начинают лучше разбираться в вопросах юриспруденции, узнают способы защиты своих прав и о том, какая ответственность может наступить за совершение тех или иных неправомерных действий.

Библиографический список

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

2. О средствах массовой информации: Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 14.07.2022) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

3. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1// СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/

4. О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью: Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.05.2018 № 296 [Электронный ресурс] // Единый портал прокуратуры. – Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents?item=1730544>

5. Прокурором области организована проверка по факту вырубки деревьев для военной инсталляции на ул. Красная Площадь в г. Оренбурге [Электронный ресурс] // Единый портал прокуратуры. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_56/mass-media/news?item=61618388

6. Благодаря вмешательству прокуратуры права труженицы тыла восстановлены [Электронный ресурс] // Единый портал прокуратуры. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_pvfo/mass-media/news/news-regional?item=61626613

7. Прокуратурой города Оренбурга организована проверка информации об оплате питания родителями учащихся начальных классов [Электронный ресурс] // Единый портал прокуратуры. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_56/mass-media/news?item=66541445

8. По поручению прокурора области Руслана Медведева организовано проведение проверки по публикации в СМИ по факту жестокого обращения с животным [Электронный ресурс] // Единый портал прокуратуры. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_56/mass-media/news?item=69715405

9. По итогам проверки информации, опубликованной в СМИ, прокуратурой Промышленного района г. Оренбурга приняты меры реагирования [Электронный ресурс] // Единый портал прокуратуры. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_56/mass-media/news/archive?item=70019659 (дата обращения: 26.10.2022)

10. Благодаря вмешательству прокуратуры Дзержинского района г. Оренбурга ликвидирована стихийная свалка на ул. Театральной [Электронный ресурс] // Единый портал прокуратуры. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_56/mass-media/news?item=72526689

11. По поручению прокурора области организована проверка информации о ненадлежащем содержании животных в цирке [Электронный ресурс] // Единый портал прокуратуры. – Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents?item=1730544>.

Кузнецов А.Б., консультант
информационно-аналитического отдела
аппарата Уполномоченного по правам
человека в Оренбургской области

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

PROBLEMS OF INTRODUCTION OF MODERN DIGITAL TECHNOLOGIES

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы цифровизации жизни граждан, внедрения цифровых технологий в различные сферы: социальную, образования, пенсионного обеспечения, работу системы страхования, избирательную систему, судебную систему. Определяются риски цифровой трансформации общества.*

***Abstract.** The article deals with the problems of digitalization of citizens' lives, the introduction of digital technologies in various spheres: social, education, pension provision, the work of the insurance system, the electoral system, the judicial system. The risks of digital transformation of society are determined.*

***Ключевые слова:** цифровизация, электронные сервисы, «цифровые права».*

***Keywords:** digitalization, electronic services, "digital rights".*

Тема проблем реализации прав человека в цифровой мире настолько же интересна и полезна для понимания, насколько сложна, динамична и комплексна.

Права человека развиваются, обогащаются, их состав и содержание расширяются под воздействием различных факторов. Причем если некоторые факторы действуют эволюционно, то Интернет способствует гораздо более ощутимым изменениям права в целом и прав человека в частности.

Цифровизация жизни граждан постепенно привела к появлению «цифровых прав» – права граждан на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, коммуникационных сетей и сети Интернет. Внедрение современных цифровых технологий формирует новые реалии для человека, общества и государства, новые возможности. Технологии больших данных, искусственного интеллекта, беспилотный транспорт, цифровая медицина, виртуальные среды общения создают обширные возможности для развития нового экономического уклада, международного

сотрудничества и конкуренции. Пандемия и дистанцирования людей способствовали резкому ускорению «погружения» человека в цифровую среду.

Социальная сфера. Борьба с распространением коронавирусной инфекции дала мощный стимул для активной цифровизации региона и реализации планов по переводу в «цифру» проектов и услуг. В 2020 году в Оренбуржье начал работу Центр управления регионом. Это принципиально новый подход к работе с обращениями жителей. Направленная на обеспечение обратной связи между органами власти и жителями региона в социальных сетях, работа Центра способствует принятию важных решений на уровне региона с учетом запросов граждан.

Развивая идеи информатизации и цифровизации отдельных сфер и отраслей, Правительством России утверждено положение о Государственной системе электронных сертификатов. Целью создания информационной системы является учет сведений об электронных сертификатах и операциях, совершаемых с их использованием по приобретению отдельных видов товаров, работ, услуг.

Пользу и необходимость использования электронных сертификатов почувствуют и отдельные категории жителей Оренбуржья – люди с ограниченными возможностями здоровья. Новшествами, установленными нормативными актами, предусматривается возможность использовать электронный сертификат для получения информации о наличии протезов, протезно-ортопедических изделий, ортезов, технических средств реабилитации и оплаты расходов по их приобретению (но не более 12 месяцев со дня начала срока действия электронного сертификата).

Кроме того, с 2022 года пенсии, другие компенсации и пособия, в том числе по временной нетрудоспособности, беременности и родам, а также единовременные выплаты при рождении ребенка станут начисляться в беззаявительном порядке, то есть автоматически, в электронном виде.

Электронные каналы связи предоставляют возможность не только обратиться в любое подразделение системы социальной защиты населения, но и высказывать мнение о предлагаемых направлениях её развития. Это позволило определить приоритеты в организации летней оздоровительной компании 2021 года, определить новые направления использования средств регионального материнского капитала.

В текущем году завершены проект «Подключение социально значимых объектов к сети Интернет» и первый этап проекта «Устранение цифрового неравенства». Свыше 1600 социально-значимых объектов области и 330 населенных пунктов, в которых проживает от 250 до 500 человек, обеспечены высокоскоростным доступом в интернет, построено более 300 км волоконно-оптических линий связи.

Образование. Под давлением пандемии система образования также претерпела вынужденную трансформацию. Для продолжения деятельности в период введенных ограничений оренбургские школы разработали свыше 21 тысячи электронных учебных модулей. Педагоги смогли полностью перевести занятия в онлайн-формат с использованием систем видео-конференц-связи. Организациями использовались различные образовательные платформы, самыми популярными из которых стали «Рос-

сийская электронная школа», «Учи.ру», «Яккласс» и др. Особое внимание педагогов было сосредоточено на обучающихся, которым предстояло пройти государственную итоговую аттестацию. Педагогами подготовлено множество видеопрезентаций по предметам. Для помощи всем участникам образовательного процесса создана виртуальная образовательная платформа «Цифровая школа Оренбуржья».

Цифровая образовательная среда позволяет сделать процесс обучения более индивидуальным, а образовательные технологии – в равной мере доступными учащимся из городов и сел.

Пенсионное обеспечение. Развитие социального и пенсионного обеспечения проходит «на одной волне» с внедрением информационных технологий в повседневную жизнь граждан. Уже сегодня оформить пенсию можно с помощью электронного заявления через личный кабинет на портале Пенсионного фонда страны или портале госуслуг. С согласия человека такое назначение может быть сделано полностью дистанционно на основе данных, переданных работодателями в информационную систему. По ним определяются имеющиеся пенсионные коэффициенты и стаж, среднемесячный заработок для расчета пенсии, периоды ухода за детьми или пожилыми людьми, когда человек не работает, но его пенсия формируется, и прочие параметры.

Все виды пенсий по инвалидности и отдельные социальные выплаты оформляются в настоящее время с использованием Федерального реестра инвалидов. При обращении в Пенсионный фонд инвалиду достаточно подать заявление, остальные сведения орган получит из реестра и своей информационной системы. Инвалид при этом может подать электронное заявление и таким образом полностью дистанционно оформить выплату, не приходя за ней лично.

Работа системы страхования (региональное отделение ФСС). Важным направлением в работе является цифровизация системы социального страхования. Застрахованными гражданами активно используется сервис личного кабинета Фонда, позволяющий просматривать информацию о выданных электронных листках нетрудоспособности, отслеживать статус направленных работодателем документов (сведений) для назначения и выплаты пособий, проверять расчет пособий, заказывать справку о полученных выплатах, а также обращаться в территориальный орган Фонда по интересующему вопросу.

Региональное отделение Фонда активно продвигает бесплатное мобильное приложение «Социальный навигатор». Данный сервис позволяет на базе единой коммуникационной платформы объединить все социальные услуги, которые человек может получить в разных жизненных ситуациях. С помощью приложения возможно самостоятельно рассчитать размер выплат, узнать о возможностях и способах подачи документов для получения услуги, ознакомиться с перечнем необходимых документов для ее получения, уточнить адреса ближайших социально значимых объектов, отследить ход предоставления услуги в Личном кабинете.

Реализация избирательных прав граждан. Возможность выбрать удобный избирательный участок была предусмотрена в рамках сервиса «Мобильный избира-

тель». Избирателям представлялась возможность прикрепиться к другому участку через территориальную избирательную комиссию, многофункциональный центр и портал «Госуслуги». Системой «Мобильный избиратель» в Оренбуржье воспользовались около 70 тыс. человек.

Важным новаторским дополнением к работе наблюдателей стала организация онлайн-трансляции с избирательных участков.

В течение всего выборного периода на 550 крупных избирательных участках и в помещениях всех 47 ТИКов установлены видеокамеры и велось круглосуточное видеонаблюдение. Для желающих посмотреть трансляцию в г. Оренбурге работал Центр общественного наблюдения, Наблюдать за выборами с 8 экранов в режиме прямого эфира могли представители партий, кандидатов, наблюдатели, а также избиратели и представители СМИ. Установленная система видеонаблюдения позволила охватить 70% избирателей региона.

Впервые для уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации, в том числе и Оренбургской области, предоставлена возможность (с использованием современных информационных технологий) отслеживать, буквально с рабочего стола, избирательный процесс на специально выделенном портале видеонаблюдения.

Следует отметить, результаты видеонаблюдения свидетельствуют о надлежащем процессе организации выборной кампании, в ходе которой созданы все необходимые условия для реализации гражданами своего активного избирательного права. А это влияет на доверие населения к голосованию.

Работа судебной системы. С начала 2017 года действуют поправки в гражданское, уголовное административное законодательство о том, что участники судебного производства могут направлять в суд документы и доказательства по делу в электронном виде, подписанные электронной подписью через сайт суда. Необходимо также создать аккаунт на Портале государственных услуг для того, чтобы можно было зайти в свою учетную запись в информационной системе для подачи документов в суд.

Согласно новым поправкам, в электронном виде могут быть представлены и судебные решения, подписанные усиленной квалифицированной электронной подписью, за исключением особой категории дел.

Недавно вступил в силу законопроект, который предусматривает онлайн-трансляции судебных заседаний и устанавливает сроки размещения судебных актов в сети Интернет.

При внедрении данной системы будет обеспечена доступность правосудия для общества, но при этом не стоит забывать о безопасности в сохранности информации через защиту логина пользователя личным паролем на сайте Госуслуг и подписание документов личной электронной подписью. С каждым днем растет число личных кабинетов в сервисе «Электронное правосудие», а также увеличивается объем документов, поступающих в электронном виде в суды.

К отрицательным сторонам электронного документооборота необходимо отне-

сти то, что часть текстов судебных актов не публикуются или появляются на судебных сайтах несвоевременно.

Существующие риски цифровой трансформации общества. Безусловно, современные цифровые технологии – полезная и стратегически важная вещь. Они позволяют вывести управление государством, экономикой и развитием территорий на совершенно новый технологический уровень. Однако сейчас в России новые цифровые технологии внедряют безоглядно, без должных обоснований, зачастую принудительно.

Основной недостаток такой «лавинной» цифровизации состоит в том, что она ведется без внимания к праву и защите ключевых конституционных прав граждан, без прогнозирования возможных социальных рисков и без учета последствий цифровизации для будущего людей.

Сегодня в любом государстве можно наблюдать нарушение прав человека и гражданина. Не соблюдается тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, нарушаются свобода слова и печати, права авторов и изобретателей и другие конституционные права и свободы.

Уже в наши дни возможность «узнать всё» о гражданине, по косвенным признакам: по поисковым запросам, данным о покупках, общению в социальных сетях, а затем использовать данные о нем для рекламы, продаж, пропаганды, манипуляции и управления создает новый, особый вид власти над гражданами. При этом, существующие законы о сборе данных не нарушаются.

Сегодня граждане, общество в целом, бизнес и власть должны осознать, что, наряду с наземной территорией, воздушным и водным пространством, средой нашей жизни и деятельности является информационное (цифровое) пространство. При этом мы сегодня не имеем кодекса, который, – по аналогии с Правилами дорожного движения, земельным, воздушным и морским кодексами, – регулировал бы отношения и деятельность в цифровом пространстве. Расплывчатость его виртуальных границ и неопределенность в применяемой юрисдикции (в совокупности именуемые трансграничностью киберпространства) не должны приводить к ошибочному выводу о невозможности правового регулирования отношений в цифровом пространстве.

Эта цифровая власть – особая, новая, она не создается обычными механизмами делегирования власти и полномочий, такими как выборы, назначения «сверху» или законодательство, а возникает по самому факту получения доступа к данным, и является «параллельной» веткой власти. Эту фактическую власть получают чиновники и их ИТ-специалисты (в региональной и муниципальной власти, на транспорте, в налоговом ведомстве и т.п.), а также менеджмент и ИТ-специалисты крупных частных ИТ-корпораций (к которым относятся все цифровые интернет-платформы, производители смартфонов и операционных систем, интернет-провайдеры, мобильные операторы, операторы уличных камер, банки, прочие операторы персональных данных).

Риски несет и цифровизация образования: зачастую граждан принуждают к подписанию согласий на обработку сведений, что приводит к «добровольно-

принудительному» сбору данных. Кроме того, ученики и студенты вынуждены регистрироваться на цифровых платформах, что автоматически предполагает согласие на обработку персональных данных.

К выводу о рисках приводит и анализ национальных программ в области цифровизации общества, предусматривающих планирование 100% принудительной цифровизации в области госуслуг, образования, медицины.

Параллельная «цифровая» власть в России и в мире пока фактически никак не регламентирована. В нашей стране она не укладывается в рамки неэффективно работающего на практике и почти неисполняемого федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных». Существующее законодательство не в полной мере отвечает современным реалиям. Поэтому законодательство, касающееся регулирования цифровых прав граждан, нуждается в модернизации и систематизации, приведении его понятийного аппарата в стройное, непротиворечивое состояние.

Важной проблемой взаимоотношения власти и гражданина в цифровом обществе является определение допустимых пределов контроля информационной среды со стороны правоохранительных служб с целью обеспечения эффективной защиты общества от киберпреступлений. Поэтому необходим поиск оптимального правового компромисса между возможностью доступа правоохранительных служб к компьютерной информации и правом граждан на ее конфиденциальность.

В конечном счете, процесс цифровизации в существующем виде может привести к ограничению «информационного суверенитета человека» и «отмене» неприкосновенности частной жизни.

Следует отметить, жизнь общества в цифровом мире порождает и риски, связанные с дегуманизацией общества и вытеснением из нее человека. Роль человека в будущем может быть сведена до уровня социального клиента, претендующего на долю социальных услуг.

Отдельные опасения связаны также с тем, что пользоваться цифровыми сервисами сможет наиболее активная часть населения, которая физически и материально имеет возможность пользоваться цифровыми технологиями. В итоге цифровизация может привести к сегрегации людей по принципу доступности к цифровой среде и электронным социальным услугам. Часть общества может оказаться в дискриминационном положении по отношению к большинству и будет выключена из общественной жизни и основных социальных коммуникаций.

В этой связи задача государства видится в необходимости подготовки общества к восприятию цифровой среды. Для этого необходимо предоставить обществу знания о цифровизации, заниматься повышением цифровой грамотности граждан, адаптировать их к новым условиям социальной среды, повышать благосостояние населения.

Совершенно очевидно, что цифровая трансформация будет способствовать раз-

витию государства, общества и каждого отдельного человека только при соблюдении прав и свобод человека и гражданина. По крайней мере, такова «конституционная философия» нашего общества и государства.

Соответственно, защите и реализации в цифровом пространстве Российской Федерации подлежит весь объем конституционных прав и свобод человека и гражданина. Разработка и принятие нормативных правовых актов, подзаконных актов, документов стратегического планирования и иных документов в рамках цифровой трансформации, внедрение новых цифровых технологий не должны отменять или умалять права и свободы человека и гражданина, закрепленные действующим законодательством Российской Федерации.

Кустикова Н.В., консультант отдела цифрового развития в сфере государственного управления Министерства цифрового развития и связи Оренбургской области

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

DIGITALIZATION OF ACTIVITIES OF BODIES EXECUTIVE POWER

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные направления цифровизации работы органов исполнительной власти, определяется ее нормативно-правовое регулирование.*

***Abstract.** The article discusses the main directions of digitalization of the work of executive authorities, determines its legal regulation.*

***Ключевые слова:** цифровизация, государственные и муниципальные услуги, государственный контроль (надзор) и муниципальный контроль.*

***Keywords:** digitalization, state and municipal services, state control (supervision) and municipal control.*

Министерство цифрового развития и связи Оренбургской области активно занимается цифровизацией многих направлений жизни и деятельности граждан и автоматизирует процессы работы для органов исполнительной власти Оренбургской области. Внедряются, развиваются и сопровождаются множество систем, направленных на автоматизацию процесса, который приводит к единой работе, в том числе межведомственному взаимодействию органов исполнительной власти и местного самоуправления не только в нашей области, но и с другими субъектами Российской Федерации.

С 2015 года в электронный вид переводятся государственные (муниципальные) услуги. Нормативно-правовое регулирование осуществляется Федеральным законом от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», постановлением Правительства Оренбургской области от 15.07.2016 № 525-п «О переводе в электронный вид государственных услуг и типовых муниципальных услуг, предоставляемых в Оренбургской области», постановлением Правительства Оренбургской области от 17.11.2015 № 876-п «Об утверждении перечня государственных услуг, оказываемых органами исполнительной власти Оренбург-

ской области».

На сегодняшний день более 160 услуг переведено в электронный вид (по различным направлениям).

Согласно приказу Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Далее – Минцифры РФ) от 08.05.2019 №185 была введена в эксплуатацию государственная информационная система «типовое облачное решение по автоматизации Контрольной (надзорной) деятельности» (Далее – ГИС ТОР КНД), которая создавалась в целях обеспечения посредством использования информационно-коммуникационных технологий исполнения обязанностей, реализации прав и взаимодействия в электронной форме при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля должностными лицами органов, уполномоченных на осуществление государственного контроля (надзора), муниципального контроля.

Необходимость работы в ГИС ТОР КНД обусловлена Указом Президента Российской Федерации, постановлением Правительства, положением о ГИС ТОР КНД, приказами Минцифры РФ, федеральным законом:

1) Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

2) Постановление Правительства РФ от 03.04.2021 № 542 «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

3) Приказ Минцифры РФ от 18.11.2020 № 600 «Об утверждении методик расчета целевых показателей национальной цели развития Российской Федерации «Цифровая трансформация».

4) Приказ Минцифры РФ от 18.11.2020 № 601 «Об утверждении методик расчета прогнозных значений целевых показателей национальной цели развития Российской Федерации «Цифровая трансформация».

5) Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» – статья 40 (Досудебный порядок подачи жалобы) часть 1, статья 43 (Порядок рассмотрения жалобы) часть 1 и часть 1.1.

6) Положение о ГИС ТОР КНД (Принятое постановлением Правительства Российской Федерации от 21.04.2018 № 482).

С 1 января 2022 года вступили в силу основные нормы Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», который предусматривает новые подходы к организации и осуществлению видов государственного контроля (надзора), муницип-

пального контроля. Федеральным законом № 248-ФЗ, в том числе, предусмотрена необходимость использования информационных систем при организации и осуществления деятельности контрольных (надзорных) органов.

На сегодняшний день автоматизировано 18 видов контроля по 12 органам исполнительной власти Оренбургской области (12 из 13 ОИВов – Министерство культуры Оренбургской области запланирована автоматизация в 2024 году).

В рамках внешнеэкономической деятельности и политической ситуации в стране и за ее пределами вступило в силу Постановление Правительство РФ с 10.03.2022 г. №336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля», в котором устанавливается, что в 2022 году не проводятся плановые контрольные (надзорные) мероприятия. В рамках внеплановых проверок так же устанавливается ряд ограничений. Органы исполнительной власти могут осуществлять проверку при причинении вреда жизни и здоровью граждан, угрозе обороны страны и безопасности государства, угрозе возникновения чрезвычайных ситуаций природного и (или) техногенного характера и т.д.

Одним из актуальных вопросов в 2022 году стало направление импортозамещения. Указ Президента РФ от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информации инфраструктуры Российской Федерации». В ряде нормативно-правовых документах были внесены поправки:

- Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»;

- Постановление Правительства РФ от 16.11.2015 № 1236 (ред. от 08.08.2022) «Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

**Сиваев В.С., руководитель первого
отдела по расследованию особо
важных дел Следственного
управления Следственного комитета
РФ по Оренбургской области**

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

**CRIMES IN THE SPHERE OF INFORMATION TECHNOLOGIES:
MODERN TRENDS**

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные тенденции развития преступности в сфере информационных технологий, определяются основные механизмы противодействия противоправным информационным проявлениям.*

***Abstract.** The article discusses the main trends in the development of crime in the field of information technology, defines the main mechanisms for countering illegal information manifestations.*

***Ключевые слова:** цифровизация, преступность в сфере информационных технологий.*

***Keywords:** digitalization, crime in the field of information technology.*

Современное общество уже неотделимо от такого явления, как цифровизация. Следует констатировать, что в дальнейшем информационный обмен с помощью технических средств будет только набирать обороты, включая в себя все новые виды общественных отношений. Сейчас сложно спрогнозировать, какие конкретно формы это приобретет, точно так же как еще 30 лет назад будущее в части цифровизации виделось торжеством виртуальной реальности, внедрением технических приспособлений в организм человека, соответствующими виделись и преступления.

Как показала реальная жизнь, не всегда преимущество в развитии отдается наиболее технологически продвинутым изобретениям. Не менее важную роль играет практическое удобство, многофункциональность и т.д. Поэтому в нашу повседневную жизнь вошли не голографические проекции и шлемы виртуальной реальности (хотя они есть и используются), а смартфоны, объединяющие в себе работу десятков устройств разом, и специализированные приложения. В свою очередь, изобретатели первых социальных сетей тоже вряд ли предполагали, что их продукты будут массово использоваться и органами власти для осуществления информационного обмена с населением.

То же самое можно сказать и о развитии преступности в сфере информационных технологий. Да, имеются факты взлома электронных финансовых систем и банков данных «хакерами», но основной массив таких преступлений составляют мошенничества с переводом потерпевшими денег через приложения, либо преступления против половой неприкосновенности, когда педофилами используются приложения для видеосвязи или мессенджеры для растления несовершеннолетних. Таким образом, преступления в цифровой сфере, в отличие от прогнозов, совершаются более «приземленные», и не требуют какой-либо продвинутой специальной подготовки или познаний, что, с другой стороны, обуславливает их большое распространение. Конечно, толчок к развитию получили и такие преступные действия, как распространение детской порнографии (что вполне ожидаемо), и незаконный оборот наркотических средств. В настоящее время технология «закладок» уже неотделима от цифровых средств, включающих в себя не только возможности по достижению договоренности между сбытчиком и приобретателем, но и оплату, получение сведений о точном местонахождении «закладки» по геолокации.

Вместе с тем, проблема соблюдения прав человека в цифровом мире далеко не ограничивается криминологической сферой. По-прежнему актуально древнее выражение «права одного человека заканчиваются там, где начинаются права другого». Кроме того, кроме прав отдельных индивидуумов существуют еще интересы общества и государства, которые тоже требуют охраны.

Фактически любой человек сейчас получил возможность выйти на публичный уровень, чего нельзя было представить еще 30 и менее лет назад. Кроме того, гораздо шире и разнообразнее стал поток информации, количество ее разносторонних источников зашкаливает. С одной стороны, это позволяет реализовать свободу слова и право на получение информации. С другой – порождает возможность как широкого распространения ложной информации, так и различного рода экстремистского и просто опасного контента. Возвращаясь к теме преступности – перемещение практически всех коммуникаций в цифровую область создает широкие возможности для совершения таких противоправных деяний как клевета, нарушение неприкосновенности частной жизни, нарушение тайны переписки и т.д.

Вовлечение государственных и муниципальных органов в сферу информационных технологий расширило возможности по обратной связи с населением, оперативному предоставлению актуальной информации (сайты, официальные страницы в соцсетях и каналы в мессенджерах), но при этом имеется и обратная сторона медали – большинство обращений через электронные средства коммуникации по сути являются анонимными, на что фактически закрываются глаза. При этом в качестве обращений зачастую засчитываются и комментарии под постами в социальных сетях, что не подпадает под критерии, установленные Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Это значительным образом перегружает работу официальных структур, как просто в части объема, так и в плане необходимости выполнения несвойственных функций.

Приоритетным направлением для власти на будущее в цифровой сфере видится поиск той самой «золотой середины», при которой регулирование информационных потоков со стороны государства сможет обеспечивать и достаточный уровень гласности, свободы слова, возможности получения объективной информации, и одновременно соблюдение «информационной гигиены», для противодействия всем формам экстремизма, мошеннических схем, незаконного оборота наркотических и сильнодействующих веществ. Данная задача весьма сложна, в том числе с учетом наличия запрета цензуры, установленного ч. 5 ст. 29 Конституции Российской Федерации. Собственно, в этой статье и заложена идея того самого информационного баланса, который ложится на плечи государства и гражданского общества. Разумеется, здесь не обойтись и без технической составляющей. К настоящему времени уже достаточно успешно действуют алгоритмы программного выявления и блокирования вредоносного контента в социальных сетях российской локализации (например, «ВКонтакте»), о чем свидетельствует практически отсутствие в свободном доступе страниц и сообществ, пропагандирующих экстремизм (в том числе запрещенное в Российской Федерации движение «колумбайн») или так называемые «группы смерти». Вместе с тем, механизмы противодействия противоправным информационным проявлениям должны постоянно совершенствоваться, так же как и правоприменительная практика привлечения к различным видам ответственности.

**Воронина И.А., заведующий кафедрой
теории государства и права и
конституционного права
Оренбургского государственного
университета, канд. юрид. наук, доцент**

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В РОССИИ

ELECTRONIC GOVERNMENT IN RUSSIA

***Аннотация.** В статье рассматривается процесс формирования и развития электронного правительства в России, определены его основные задачи и составляющие. Отмечается, что электронное правительство обеспечивает повышение эффективности государственного управления и качества предоставляемых государственных услуг, открытость и прозрачность государственных процедур в целом. Определяются проблемы реализации.*

***Abstract.** The article discusses the process of formation and development of e-government in Russia, defines its main tasks and components. It is noted that e-government provides an increase in the efficiency of public administration and the quality of public services provided, openness and transparency of public procedures in general. Implementation problems are identified.*

***Ключевые слова:** цифровизация, электронное правительство, государственные услуги.*

***Keywords:** digitalization, e-government, public services.*

В эпоху цифровизации особенно важно помнить о правах и свободах человека, как высшей ценности, о проблемах их реализации и обеспечения.

Именно система органов исполнительной власти обеспечивает реализацию функций государства в целом, прав и свобод человека и гражданина, общественное развитие и стабильность государства. От эффективности функционирования системы управления зависит дальнейшее поступательное развитие государства, укрепление демократии, а также формирование действенного гражданского общества и правового государства. При этом особое внимание уделяется повышению качества и доступности государственных услуг гражданам, что обеспечивает действительную эффективность публичного управления. Эта задача решается, в том числе, путем информатизации государственного управления, формирования и развития электронного правительства.

Электронное правительство рассматривается как один из важнейших институтов формирования информационного общества.

Электронное правительство – это форма организации взаимодействия органов государственной власти между собой, с гражданами и организациями в электронном формате.

Под электронным правительством в Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 г. [1] понимается новая форма организации деятельности органов государственной власти, обеспечивающая за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень оперативности и удобства получения организациями и гражданами государственных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов.

А.М. Тарасов определил электронное правительство как совокупность органов исполнительной власти федерального и регионального уровней, осуществляющих на основе информационно-коммуникационных технологий реализацию своих полномочий, в том числе во взаимоотношениях с другими государственными и негосударственными органами власти, а также с неправительственными организациями, бизнес-структурами, гражданами [8, с.15].

Начало формированию электронного правительства было положено в России в 2000 году подписанием в Окинаве Хартии глобального информационного общества, а затем принятием постановления Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 - 2010 годы)».

Задачами программы были обозначены:

- переход на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде федеральными органами исполнительной власти;
- развитие инфраструктуры доступа к государственным и муниципальным услугам и к информации о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления;
- обеспечение решения задач государственного управления с использованием элементов электронного правительства;
- развитие инфраструктуры электронного правительства [2].

Постановлением Правительства РФ № 632-р от 6 мая 2008 года была утверждена «Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года».

Согласно Концепции, целями формирования в Российской Федерации электронного правительства являлись:

- повышение качества и доступности предоставляемых организациям и гражданам государственных услуг, упрощение процедуры и сокращение сроков их оказания, снижение административных издержек со стороны граждан и организаций, связанных с получением государственных услуг, а также внедрение единых стандартов обслу-

живания граждан;

- повышение открытости информации о деятельности органов государственной власти и расширение возможности доступа к ней и непосредственного участия организаций, граждан и институтов гражданского общества в процедурах формирования и экспертизы решений, принимаемых на всех уровнях государственного управления;

- повышение качества административно-управленческих процессов;

- совершенствование системы информационно-аналитического обеспечения принимаемых решений на всех уровнях государственного управления, обеспечение оперативности и полноты контроля за результативностью деятельности органов государственной власти и обеспечение требуемого уровня информационной безопасности электронного правительства при его функционировании [1].

В дальнейшем была разработана государственная программа Российской Федерации «Информационное общество» (2011-2020 годы) [3], в соответствии с которой был выполнен комплекс работ по формированию единой информационной инфраструктуры электронного правительства. Затем указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы [4].

Протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 утвержден паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Одним из направлений национальной программы является федеральный проект «Цифровое государственное управление».

Федеральный проект направлен на достижение национальной цели «Цифровая трансформация», которая определена указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [5]. Ключевой целевой показатель к 2030 году, характеризующий достижение национальной цели, – увеличение доли массовых социально значимых услуг, оказываемых в электронном виде, до 95%; доли домохозяйств, имеющих доступ к Интернету – до 97 %, а также четырехкратное увеличение объема вложений в российские решения в сфере информационных технологий по сравнению со значением 2019 года.

Мероприятия федерального проекта направлены на реализацию следующих ключевых направлений:

- обеспечение удовлетворенности граждан качеством предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронном виде с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг;

- цифровизация процессов предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций государственными органами власти;

- стимулирование граждан к получению государственных и муниципальных услуг в электронном виде с использованием ЕПГУ;

- повышение качества и удобства предоставляемых органами государственной власти госуслуг, а также расширение количества госуслуг, которые граждане и организации смогут получить в электронном виде;
- повышение скорости обслуживания граждан и создание комфортных условий, в том числе для бизнеса, при оказании государственных, муниципальных и иных услуг, а также цифровая трансформация услуг и взаимоотношений в обществе;
- создание возможностей для перехода на цифровое взаимодействие граждан, бизнеса и государства.

Дальнейшая цифровизация государственных услуг предполагается, в том числе, путем расширения функционала портала Госуслуг – в 2022 году, по данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, с помощью сервиса можно будет получать еще 80 услуг в полностью электронном виде. Вторая задача этого направления – цифровизация государственных данных. В 2022 году, по прогнозам министерства, должно быть завершено формирование полных централизованных баз данных МВД России, Росреестра и ПФР, что позволит получать большинство выписок и справок в онлайн-режиме непосредственно в момент обращения.

Интернет-портал государственных услуг Российской Федерации (gosuslugi.ru) – является, по сути, ядром электронного правительства. Он обеспечивает доступ физических и юридических лиц к сведениям о государственных и муниципальных услугах, государственных функциях по контролю и надзору, об услугах государственных и муниципальных учреждений, об услугах организаций, участвующих в предоставлении государственных и муниципальных услуг, а также предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг. Все услуги, размещенные на портале, соотнесены с конкретным регионом Российской Федерации.

Официальное открытие портала состоялось 15 декабря 2009 г. На сегодняшний день, согласно данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, количество подтвержденных учетных записей на портале Госуслуг превысило 100 млн. В рамках системы в электронном виде оказывается свыше 1 200 государственных услуг на базе федеральных органов исполнительной власти, более 7 700 региональных услуг, а также свыше 20 850 муниципальных услуг в интересах физических и юридических лиц. За 2020 г. воспользовались порталом 56 млн. пользователей, количество обращений составило 1,5 млрд, а количество предоставленных услуг и сервисов – 230 млн. [6].

В 2022 году портал «Госуслуги» решением правительственной комиссии был включен в российский перечень социально значимых ресурсов для проекта «Доступный интернет», разрабатываемого во исполнение закона «О доступном интернете», в соответствии с которым доступ к portalу операторы связи в России будут предоставлять бесплатно.

В настоящее время на портале доступно 7 суперсервисов: «Поступление в вуз

онлайн», «Социальная поддержка онлайн», «Цифровое исполнительное производство», «Трудовые отношения онлайн», «Оформление европротокола онлайн», «Пенсия онлайн» и «Онлайн помощь при инвалидности».

В электронное правительство входят:

- Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ) — Госуслуги;
- Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ);
- Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА);
- Единая система нормативно-справочной информации (ЕСНКСИ);
- Информационная система головного удостоверяющего центра (ИС ГУЦ);
- Портал Госпродаж;
- Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг;
- Автоматизированная информационная система «Федеральный телефонный центр сбора мнений граждан о качестве государственных услуг»;
- Федеральная государственная информационная система досудебного обжалования;
- Ситуационный центр;
- Платформа обратной связи.

Единственным исполнителем работ по эксплуатации электронного правительства назначено ПАО «Ростелеком» — по Распоряжению Правительства РФ от 15 октября 2009 г. № 1475-р. Исполнитель определен как единственный, чтобы защитить данные электронного правительства и упростить взаимодействие всех входящих в его инфраструктуру систем.

Решение проблемы перевода госуслуг в электронную форму осуществляется путем создания многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг. В России создание МФЦ началось в 2007 г. В настоящее время МФЦ действуют на территории всех субъектов Российской Федерации. Количество обращений граждан в МФЦ в 2021 году стало одним из самых высоких за годы работы – более 2 миллионов. В соответствии с поручением правительства к 2024 году через МФЦ должно поступать не менее 80 % очных обращений граждан за предоставлением госуслуг федеральных органов власти, а к 2030 году этот показатель должен составить 100% и в госорганах будет полностью прекращен личный прием граждан.

18 августа 2021 года губернатор Оренбургской области Д.В. Паслер утвердил Стратегию в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Оренбургской области на 2022-2024 годы. Целью цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Оренбургской области является достижение установленного уровня цифровой зрелости основных отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления для оказания качественных государственных услуг населению и бизнесу,

формирования качественной и безопасной среды для жизни и развития, обеспечения доступности и качества образования, здравоохранения и социальной поддержки. Определяется и развитие электронного правительства в Оренбургской области на основе использования ИКТ.

В тоже время в процессе формирования и развития электронного правительства есть еще много проблем.

Следует отметить недостаточный уровень ИКТ-компетенции государственных и муниципальных служащих, который необходимо повышать, финансовые проблемы для муниципалитетов, а также проблемы сохранения конфиденциальности данных.

Кроме того, в первую очередь, проблемой является недостаточная информационная грамотность граждан пожилого возраста, имеющих слабое представление о цифровых технологиях или не имеющих его вообще и предпочитающих реальное посещение органов власти. Так, О. М. Макушова утверждает, что «электронное правительство также выступает причиной расслоения общества из-за низкого уровня владения компьютерными технологиями некоторыми гражданами и впоследствии невозможности обращения ими к услугам онлайн-правительства» [7].

Поэтому столь важна популяризация госуслуг среди населения, повышение уровня информационного образования, особенно старшего поколения.

Тем не менее, развитие электронного правительства – это значительный шаг в процессе формирования правового государства, обеспечивающий повышение эффективности государственного управления и качества предоставляемых государственных услуг, открытости и прозрачности государственных процедур в целом.

Следует согласиться с мнением А.М. Тарасова, что «электронное правительство не является только частным технологическим решением, а эффективным механизмом, средством, способом масштабного информационного преобразования государства и общества путем глобального внедрения и распространения информационно-коммуникационных технологий во всех государственных и общественных сферах деятельности» [8].

Несомненно, это значительно упрощает процесс взаимодействия граждан и государства, изменяет сущность взаимоотношений между обществом и органами власти, снижает коррупционные риски, повышает ответственность государственных служащих и служит совершенствованию демократии.

Библиографический список

3. О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года: постановление Правительства РФ от 6 мая 2008 г. № 632-п // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 20. – Ст. 2372.

2. О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 - 2010 годы)»: постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 5. – Ст. 531.

3. О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011 - 2020 годы)»: распоряжение Правительства РФ от 20 октября 2010 г. № 1815-р (утр. силу) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. - № 46. – Ст. 6026.

4. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

5. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2021. – № 30. – Ст. 4884.

6. Количество граждан, которые воспользовались сервисами единого портала госуслуг в 2020 г., составило 56 млн человек [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 12.05.2021. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/40942/> .

7. Макушова, О. М. Положительный опыт и проблемы функционирования электронного правительства в России / О. М. Макушова // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – Т. 10. – № 3. – С. 1495–1508.

8. Тарасов, А.М. Электронное правительство: понятие и система / А. М. Тарасов // Право и кибербезопасность. – 2013. – № 2. – С. 10-21.

Ерохина Е.В., доцент кафедры
гражданского права и процесса
Оренбургского государственного
университета, канд. юрид. наук,
доцент

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИНКЛЮЗИВНОСТИ И ДОСТУПНОСТИ СЕМЕЙНОГО ОНЛАЙН ПРАВОСУДИЯ

PROBLEMATIC ISSUES OF INCLUSION AND ACCESSIBILITY IN ONLINE FAMILY JUSTICE

***Аннотация.** Ключевым элементом судебного правосудия по семейным делам является переход к онлайн-слушаниям по соответствующим делам. Это поднимает перед судебными органами ряд новых вопросов, не последним из которых является вопрос о том, существуют ли обстоятельства, при которых видеослушание неприемлемо, поскольку ключевой участник не может эффективно участвовать в онлайн-совещании. В этой статье рассматриваются текущие представления об обстоятельствах, влияющих на доступность семейного правосудия.*

***Abstract.** A key element of judicial justice in family cases is the move to more online hearing of relevant cases. This raises a number of new issues for the judiciary, not least of which is the question of whether there are circumstances in which video hearing is inappropriate because the key participant cannot effectively participate in the online hearing. This article examines current perceptions of the circumstances affecting the accessibility of family justice.*

***Ключевые слова:** цифровизация, судебное правосудие, онлайн-слушания, инклюзивность, доступность*

***Keywords:** digitalisation, judicial justice, online hearing, inclusion, accessibility*

Изменения права для адаптации к цифровой среде становятся неизбежными, при этом основные трудности будут возникать из-за дискреционных элементов общего права.

Семейные правовые споры характеризуются повышенным уровнем эмоциональности, моральными аспектами, наличием психологической или иной зависимости истца (ответчика) от других членов семьи. К тому же сложность и многообразие семейных отношений, ситуационность их правового регулирования приводит к тому, что в семейно-правовых спорах профессиональная юридическая помощь нередко

имеет решающее значение, к тому же профессиональные юристы несут этические обязанности в сфере обеспечения интересов детей.

Все это свидетельствует о том, что семейное правосудие заслуживают особого внимания в процессе оцифровки правосудия.

В судах Индии по семейным делам закон разрешает жертвам домашнего насилия проводить слушания в формате видеоконференции для выдачи первоначального защитного приказа, а так же рекомендуется использовать службу онлайн-приложений в спорах, связанных с частным законодательством о детях (например, споров между родителями относительно их собственных детей) [1].

В Великобритании суды уделяют приоритетное внимание судьбе ребенка, особенно по таким делам, как гражданско-правовое похищение детей и домашнее насилие, принимая документы в электронном виде и проводя слушания в срочном порядке дистанционно. Также в рамках дистанционного слушания проводятся дела по экстренным заявлениям о разводе и срочным заявлениям в суд о мерах защиты (необходимость лечения и лишение свободы). И если с 2016 года сторонам по семейным спорам предоставлялась возможность заполнить только исковое заявление, в настоящее время с 2019 года и юристам, и самим участникам процесса можно подать все судебные документы в режиме онлайн, при условии, если развод осуществляется по взаимному согласию [2].

В Германии заявления по семейным делам можно подавать путем отправки в суд заявления по почте или через защищенную цифровую службу Германии «beA», официальный реестр всех адвокатов в Германии с защищенным почтовым аккаунтом в Федеральной коллегии адвокатов (Bundesrechtsanwaltskammer). С помощью этой службы можно подавать заявления в цифровом виде в любой суд Германии. В период пандемии все четыре суда по семейным делам в Берлине продолжали работать, но в очень ограниченной степени – рассматривались только срочные дела: семейно-бытовое насилие, усыновление.

В Нидерландах используется система «Rechtwijzer», позволяющая супругам расторгнуть брак онлайн.

В Японии разработан цифровой проект регистрации и расторжения браков онлайн. Также государством поддерживается идея о замене традиционных административных (бумажных) документов на электронные.

Полагаем, что в ряде государств резкое отрицание использования цифровых технологий связано и с внутренней политикой такого государства. Например, Польша не использует электронные суды для решения семейных вопросов из-за идеологического нежелания облегчить доступ к разводу, поскольку правительство сосредоточено на укреплении традиционных семейных ценностей. В Турции семья – это площадка для социального, политического и религиозного вмешательства. Как пишет Верда Иргис, о явном вмешательстве государства и религии в семью свидетельствует существование Управления по вопросам семьи и религии, которое направлено на поддержание традиционной семьи, а развод относит к категории опасностей, которых следу-

ет избегать.

Один из проблемных вопросов относительно проведения электронного судопроизводства по семейным спорам – инклюзивность и доступность судебного правосудия для всех. «Цифровое исключение» следует понимать широко – оно включает тех, кто не имеет доступа либо к Интернету, либо к устройству, либо навыков, способностей, уверенности или мотивации для его использования, а также тех, кто не доверяет помощи, полученной через гаджеты, полагается на цифровую помощь. Опрос, проведенный в Великобритании, респондентов (1000 участников) по вопросу проведения судебных слушаний по семейным спорам в формате онлайн, свидетельствует, что большинство в принципе поддерживают данный формат, однако у них имеются сомнения по вопросу обеспечения справедливости (если повышенная сложность спора), конфиденциальности таких слушаний и защиты интересов слабых субъектов семейного права при телефонных или видео слушаний, особенно в отношении споров родителей или иных детей, находящихся под опекой; если одна из сторон является лицом с ограниченными возможностями (в силу возраста или психических или физических заболеваний), а также тех членов семьи, которые самостоятельно хотят защитить свои права [3].

Интересен вопрос с несовершеннолетними, которые, с одной стороны, имеют все необходимые гаджеты и навыки работы с Интернетом, с другой стороны - могут быть ограничены в праве пользования юридическими порталами по воле законных представителей. В принципе такая статистика могла бы говорить о том, что дистанционное рассмотрение семейных споров также может привести к непреодолимым препятствиям для доступа членов семьи к правосудию [1].

Таким образом, для непрофессиональных лиц и юристов одной из главных проблем, связанной с реализацией и защитой семейных прав, является тот факт, что процессы дистанционного правосудия могут оказать крайне негативное влияние на права наиболее слабых субъектов семейного права, в том числе в аспекте доступа к правосудию. Среди прочего, если заинтересованные лица не будут иметь устройств, необходимых для чтения электронных документов, или будут испытывать трудности с использованием таких устройств, то логичным ожидать в отношении них «цифровое исключение».

Полагаем, что вопрос об отсутствии возможностей воспользоваться цифровыми технологиями у ряда членов семьи, достаточно спорный. Если мы говорим о несовершеннолетних, которым ограничен доступ к интернету (программа «родительский контроль», отсутствие гаджетов, безденежье), то данный вопрос может разрешиться на уровне финансового обеспечения школ и установления обязательных ГОСтов, предусматривающих бесплатный доступ в сеть Интернет - беспроводное подключение (WiFi), наличие компьютеров в зоне отдыха школьников и т.д.

Старшее поколение и лица, которые не могут воспользоваться цифровыми технологиями по экономическим или техническим причинам (отсутствие навыков или самих гаджетов), могут обратиться в специальные службы социальной поддержке.

Библиографический список

1. Журкина, О. В. Цифровое правосудие как элемент реализации концепции электронного государства: на примере интернет-судов Китая [Электронный ресурс] / О. В. Журкина // Балтийский гуманитарный журнал, 2021. – Т. 10, № 3 (36). – С. 396-399. – 4 с.
2. Цифровизация судопроизводства: глобальные тенденции [Электронный ресурс] / О. В. Журкина, Е. О. Филиппова, Т. С. Бочкарева // Успехи исследований в области экономики, бизнеса и управления, 2021. – Т. 171. – С. 34
3. Мэри Райан, Сара Ротера, Элис Роу, Джордан Рехилл, Лиза Харкер. Обсерватория семейного правосудия Наффилда. Дистанционные слушания в системе семейного правосудия: оперативное консультирование. 2020 // Remote hearings in the family justice system: a rapid consultation. – Режим доступа: https://www.nuffieldfjo.org.uk/wp-content/uploads/2021/05/nfjo_remote_hearings_20200507-2-.pdf.

Кирпичникова А.В., преподаватель
кафедры теории государства и
права и конституционного права
Оренбургского государственного
университета

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

PRIVATE LIFE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

***Аннотация.** Цифровизация настолько интегрирована в нашу жизнь, что представить себя без современных информационных технологий сложно. Частная (личная) жизнь человека становится центром «цифры», а понятие «анонимность» теряет свою актуальность.*

***Abstract.** Digitalization is so integrated into our lives that it is difficult to imagine ourselves without modern information technologies. The private (personal) life of a person becomes the center of "numbers", and the concept of "anonymity" loses its relevance.*

***Ключевые слова:** цифровизация, частная жизнь, неприкосновенность, приватность.*

***Keywords:** digitalization, privacy, inviolability, privacy.*

Современный период развития человечества характеризуется стремительным развитием цифровых технологий, которые привнесли неоспоримые преимущества в области информатизации, но и сопряжены с широким вмешательством в частную жизнь.

Цифровизация, в целом, упростила возможность общения и облегчила поиск информации в режиме онлайн, поэтому многие личные сведения о конкретном человеке становятся доступными неограниченному кругу лиц.

Что же такое «цифровизация»? Под термином «цифровизация» понимается переход к новым процессам, подходам, моделям, основанным на использовании информационных технологий.

Так, первыми концепцию «privacy» представили Л. Бренди и С. Уоррен в 1890 году [3]. Ими декларировалась важность частной жизни для каждого человека и предопределялась опасность ее нарушения со стороны третьих лиц (в то время, печатных средств массовой информации).

Категория «частная жизнь» выражает своеобразный суверенитет конкретного индивидуума, которому угрожают широкомасштабные инструменты контроля, полу-

чившие свою массовость в эпоху цифровизации. В свою очередь, государство, призванное охранять и осуществлять защиту частной жизни своих граждан, зачастую выступает с инициативами, ориентированными на ослабление неприкосновенности личной (частной) жизни. В качестве примера можно привести создание банков данных (базы, содержащие физиологические характеристики человека), позволяющих идентифицировать личность каждого. Таким образом, в данном случае постепенно сдвигаются рамки естественных прав человека, и ограничивается их содержание.

Само право на частную жизнь достаточно широко в толковании и охватывает желание его носителя сохранить в тайне информацию его личной жизни и защитить неприкосновенность частного от любых сторонних вмешательств и посягательств.

Невозможно представить жизнь современного человека без смартфонов, планшетов и прочих современных гаджетов. Каждый из нас, оплачивая покупки, обмениваясь информацией в мессенджерах или социальной сети, независимо от своего желания уже предоставляет доступ к своим личным данным. Поэтому очень важно, чтобы пласт данной информации не стал объектом противоправных действий, поскольку в век стремительного развития цифровизации, именно частная жизнь становится желаемым товаром, орудием шантажа и прочих незаконных действий.

При существующих составляющих категория «право на частную жизнь» имеет все шансы превратиться в декларативное понятие и раствориться в стремлении государства обеспечить общественную и национальную безопасность. Можно условно выделить элементы неприкосновенности частной (личной) жизни, а, именно:

- право на уединение;
- право на неприкосновенность;
- право на конфиденциальность информации;
- право на частную коммуникативность.

Все эти элементы образуют в своей совокупности единый институт, который содержит нормы различных отраслей права.

В контексте права на частную жизнь, особое внимание стоит уделить возможности конкретного индивидуума побыть одному, определить самостоятельно место своего пребывания на условиях гарантии анонимности. Но и тут есть свои минусы, так, системы спутникового мониторинга (такие, как GPS, ГЛОНАСС), позволяющие отслеживать передвижение любого, существенно снижают уровень анонимности и, значит, служат индикатором повышения уровня стресса и беспокойства.

Так, Конституция Российской Федерации [1] уникальна: она гарантирует]право на неприкосновенность частной жизни (статья 23), но и предусматривает возможность сбора, хранения, распространения и использования сведений о частной жизни человека, на основании его согласия. Подобное толкование находится в общеевропейской концепции, позволяет реализовывать национальные правовые нормы с учетом разработанных международных доктрин защиты частной жизни, соотнося с достижениями прочих правовых институтов и систем.

Нормы Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации,

информационным технологиях и о защите информации» [2] говорят о том, что личные данные классифицируются информацией ограниченного доступа, государством устанавливается порядок ее обработки и обязательные нормы по сохранению конфиденциальности такой информации. Несмотря на это, не со всеми видами информации ограниченного доступа есть такая точная определенность.

Сегодня приватность частной жизни практически утратила свою актуальность. Право на неприкосновенность личной переписки и переговоров в цифровую эпоху становится невыполнимым условием. Особенно остро данная проблема усугубилась после принятия «поправок Яровой и Озерова», внесших изменения во многие федеральные законы, преследующих цели защиты от терроризма и экстремизма и обязывающих оператора связи хранить данные о переговорах и переписке абонентов. Данные поправки не раз подверглись критике по причине уязвимости хранилищ таких данных.

Таким образом, быстроразвивающиеся информационные технологии побуждают оперативно пересматривать существующий общественный договор между государством и гражданином касаясь рамок вмешательства в частную жизнь последнего. Неблагоприятная геополитическая обстановка не может не найти отражения на возможностях ограничения приватности пространства человека и вторжения в него. Но в этом процессе не должно полностью быть утрачено понятие неприкосновенности частной жизни. В связи с этим, важнейшей задачей государства видится поиск баланса между интересами безопасности самого государства и приватностью частной жизни гражданина.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) с изм. и доп. // РГ. – 1993. – № 237.
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 31 (часть I) – Ст. 3448.
3. Ульбашев А.Х. Эволюция доктрины приватности (privacy) в американском праве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-doktriny-privatnosti-privacy-v-amerikanskom-prave/viewer> (дата обращения: 19.10.2022).

Коноплянникова Т.В., доцент кафедры
гражданского права и процесса
Оренбургского государственного
университета, канд. пед. наук, доцент

**ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ГРАЖДАН
В СВЕТЕ НОВЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ**

**PROTECTION OF PERSONAL DATA OF CITIZENS
IN THE LIGHT OF NEW LEGISLATIVE INITIATIVES**

***Аннотация.** В статье автор анализирует понятие персональных данных граждан, критерии указания их таковыми. Основным вопросом ставится изучение защиты персональных данных граждан ввиду последних законодательных нововведений, связанных с порядком обработки персональных данных, разрешенных последними для распространения. Автор рассматривает законодательное исключение возможности неограниченного доступа к информации о персональных данных граждан.*

***Abstract.** In the article, the author analyzes the concept of personal data of citizens, the criteria for indicating them as such. The main issue is the study of the protection of personal data of citizens in view of the latest legislative innovations related to the procedure for processing personal data allowed by the latter for distribution. The author considers the legislative exclusion of the possibility of unlimited access to information about the personal data of citizens.*

***Ключевые слова:** персональные данные, защита, идентификация, цифровизация, обработка персональных данных, открытая информация, согласие, запрет, неограниченный доступ.*

***Keywords:** personal data, protection, identification, digitalization, personal data processing, open information, consent, prohibition, unlimited access, declaration of will.*

В соответствии с федеральным законом «О персональных данных» персональные данные – это любая информация, которая прямо или косвенно имеет отношение к определенному или определяемому физическому лицу [1]. Еще, под персональными данными понимают личную информацию или информацию, позволяющую установить личность, т.е. любая информация, которая относится к конкретному человеку, или субъекту персональных данных. Фамилия, имя, отчество, телефон, e-mail, фото, адрес, дата рождения и т.д. – все это персональные данные (ПДн).

При этом, надо помнить, что сам по себе, например, телефон (определенный набор цифр) не является ПДн. Но, если в базе конкретного мобильного оператора указанный номер имеет владельца (т.е. указаны ФИО), то в данном случае, телефон будет являться ПДн. По сути, все данные, имеющие отношение к личности конкретного человека, являются персональными данными, но, при условии, что по набору таких данных можно человека идентифицировать. Например, покупатель, оформляя онлайн покупку, выбирает доставку курьером и оставляет свои имя, фамилию, телефон, адрес. С помощью этих данных можно определить личность покупателя, который, в свою очередь, становится субъектом персональных данных.

Онлайн-магазин, в свою очередь, становится оператором, который организует и осуществляет обработку ПДн, определяет цель и состав данных, подлежащих обработке. Получается, что оператор несет ответственность за все, что происходит с персональными данными.

Ни для кого не секрет, что цифровизация проникла во все сферы нашей жизнедеятельности. Следовательно, обоснованно встает вопрос о защите персональных данных граждан. Сегодня граждане все чаще и чаще сталкиваются с несанкционированным распространением своих данных, т.е. утечка данных стала обыденным явлением. Несмотря на постоянное совершенствование законодательных норм по работе с персональными данными, громкие утечки все равно происходят. В марте 2022 года в сети оказалась информация о клиентах «Яндекс Еды», и все желающие смогли узнать, сколько денег на еду тратит его сосед. А в начале мая данные утекли из «Гемотеста». В открытом доступе оказались не только имена, фамилии, адреса и номера телефонов клиентов лаборатории, но и их полные истории болезни, а также сведения о тестах на ВИЧ. Подобные утечки случаются регулярно и в последнее время все чаще, поэтому власти вынуждены принимать все новые меры, чтобы предотвратить утечки и сливы.

20 мая 2022 года Владимир Путин заявил: «Принципиально важно свести на нет риски утечек конфиденциальной информации и персональных данных граждан, в частности за счет более строгого контроля правил использования служебной техники, коммуникаций, связи». А 24 мая 2022 года Госдума принимает в первом чтении новый пакет поправок в закон «О персональных данных». Положения законопроекта направлены на определение порядка взаимодействия бизнеса с государственными органами относительно персональных данных. Еще одна цель поправок – обеспечить экстерриториальную защиту информации о российских гражданах.

Например, поправки предусматривают, что клиенту нельзя отказать в предоставлении услуг, если он не хочет давать согласие на обработку персональных данных в случаях, когда необходимости в них нет. Законопроект направлен на защиту прав субъектов персональных данных, поэтому он неизбежно ужесточит регулирование для бизнеса.

Федеральный закон № 519-ФЗ от 30.12.2020 дополнил закон о персональных данных новой статьей 10.1, которая регулирует порядок обработки персональных данных, разрешенных гражданами для распространения [2].

Под персональными данными, разрешенными для распространения, понимается любая открытая информация о человеке, в том числе его контактные данные. При этом под распространением персональных данных понимаются действия, направленные на раскрытие этих данных неопределенному кругу лиц.

Таким образом, говоря о персональных данных, разрешенных для распространения, всегда имеются в виду общедоступные сведения о человеке, получить которые может неограниченный круг лиц. То есть практически любой желающий. Именно порядок обработки таких данных и регулирует новый закон. И хотя неограниченный доступ к такой информации осуществляется с согласия самих граждан, до последнего момента такое согласие могло получаться операторами персональных данных по умолчанию. Например, давая согласие на обработку персональных данных какому-либо сайту, магазину или банку, гражданин зачастую автоматически соглашался на распространение информации о себе среди неограниченного круга всех прочих лиц. При этом о предоставлении неограниченного доступа к своей личной информации он мог и не догадываться.

Существующий правовой пробел позволял любым третьим лицам осуществлять сбор и последующее бесконтрольное использование общедоступных ПДн, в том числе и в социальных сетях. Причем собранные таким образом сведения зачастую используются третьими лицами в целях, отличных от цели их первоначального распространения, например, для рассылки рекламы, предложения услуг и т.д.

Новые правила исключают для операторов ПДн и третьих лиц подобную возможность и устанавливают четкие правила дачи согласия на распространение и обработку общедоступных личных сведений.

Одновременно вступившие в силу поправки регламентируют процедуру отзыва согласия на распространение общедоступных персональных данных, а также определяют последствия несоблюдения операторами порядка получения согласия на их обработку и распространение.

Все это позволит избежать бесконтрольного использования третьими лицами общедоступных сведений о гражданах вопреки целям их первоначального получения и обработки. Теперь согласие на распространение персональных данных оформляется отдельно от всех прочих соглашений, связанных с обработкой персональных данных. То есть получить согласие гражданина на предоставление неограниченного доступа к его личной информации в рамках разрешения на обработку ПДн нельзя.

Для этого необходимо заключить отдельное соглашение, в котором гражданин четко дает понять, к каким конкретно сведениям и в каком объеме он разрешает неограниченный доступ третьих лиц.

Получение такого согласия автоматом и по умолчанию также не допускается. В этих целях закон прямо установил правило, согласно которому молчание или бездействие физлица ни при каких обстоятельствах не может считаться согласием на обработку его персональных данных, разрешенных для распространения.

Согласие должно быть конкретным, информированным и сознательным. Согла-

сие во всех случаях должно содержать перечень сведений, разрешенных к распространению среди неограниченного круга лиц. Причем компании, получающие такое согласие, должны обеспечить физлицу возможность самостоятельно определить содержание данного перечня ПДн. Это значит, что теперь любой магазин, кредитная организация, новостной портал и прочие операторы ПДн, запрашивающие согласие на их передачу, обязаны уточнять у гражданина, какие именно сведения о нем можно опубликовать и распространять для неограниченного доступа.

Конкретные требования к содержанию согласия на обработку данных, разрешенных для распространения, установлены отдельным приказом Роскомнадзора [3].

В согласии гражданин вправе установить запрет на передачу (кроме предоставления доступа) своих общедоступных данных неограниченному кругу лиц. Это значит, что если в согласии будет установлен подобный запрет, то третьи лица будут иметь доступ к личным данным физлица, но не смогут их передавать другим лицам для дальнейшего использования, обработки и распространения.

Право на установление такого запрета является безусловным. Отказ оператора в установлении данного запрета не допускается в соответствии с законом. Если гражданин установит в согласии запрет на дальнейшую обработку и распространение своих общедоступных сведений, оператор, первоначально получивший согласие, обязан будет публично уведомить о таком запрете всех третьих лиц.

Федеральный закон «О персональных данных» закрепляет положения об условиях обработки и о наличии запретов в отношении общедоступных сведений оператор персональных данных, которые последний обязан публиковать не позднее 3-х рабочих дней с момента получения согласия на обработку и передачу таких данных неограниченным кругом лиц.

Если в полученном оператором согласии отсутствует прямое волеизъявление физлица на возможность использования его личных данных неограниченным кругом лиц, то персональные данные могут обрабатываться только самим оператором без права их публикации в открытом доступе.

При этом само согласие на обработку и передачу общедоступных персональных данных должно передаваться непосредственно компании, запрашивающей такое согласие. С 1 июля 2022 года такое согласие уже передается через специальный электронный сервис Роскомнадзора [3].

Несмотря на отдельные меры по защите персональных данных, и то, что цифровизация привела к новым возможностям, этого оказывается недостаточно. К сожалению, законодательные инициативы не решают в корне всех правовых пробелов. К устранению проблем, возникающих в сфере обеспечения информационной безопасности, необходимо подходить комплексно при взаимодействии операторов, собирающих и обрабатывающих персональные данные, разработчиков компьютерных программ и систем защиты информации и государственных структур.

Библиографический список

1. О персональных данных [Электронный ресурс] : федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ. – Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» [Электронный ресурс] : федер. закон от 30.12.2020 № 519-ФЗ. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372682/
3. Об утверждении методических рекомендаций по уведомлению уполномоченного органа о начале обработки персональных данных и о внесении изменений в ранее представленные сведения [Электронный ресурс] : приказ Роскомнадзора от 30.05.2017 № 94. – Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22376/

Кузнецов А.В., доцент кафедры
уголовного права Оренбургского
государственного университета,
канд. юрид. наук, доцент

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА
ПРИ СОВЕРШЕНИИ МОШЕННИЧЕСТВА (ст. 159.3 УК РФ)**

**USE OF ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT WHEN COMMITTING
FRAUD (Article 159.3 OF THE Criminal Code OF THE RUSSIAN Federation)**

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются актуальные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 159.3 УК РФ. Особое внимание уделяется факультативным признакам объективной стороны состава преступления таким, как орудия или средства и способ совершения преступления. Проводится разграничение со смежными составами, предложены способы совершенствования действующего законодательства.*

***Abstract.** This article discusses the current issues of the qualification of crimes under Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is paid to optional features of the objective side of the corpus delicti, such as tools or means and method of committing a crime. A distinction is made with related compositions, ways of improving the current legislation are proposed.*

***Ключевые слова:** мошенничество, электронные средства платежа, способ совершения преступления, компьютерная информация.*

***Keywords:** fraud, electronic means of payment, method of committing a crime, computer information.*

В теории уголовного права до сегодняшнего дня идут дискуссии по поводу регламентации норм, предусматривающих ответственность за имущественные преступления. В 2000 г. С.Ф. Милюков предлагал усилить репрессивное воздействие на особо опасных расхитителей за счет введения в текст Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) новой ст. 164.1 «Хищение, либо вымогательство имущества в сверхкрупном размере» с максимальным сроком наказания в виде пожизненного лишения свободы с конфискацией имущества [1]. К этому предложению отнеслись критически, и оно не было претворено в жизнь.

Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в

Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] была регламентирована ответственность за мошенничество в отдельных сферах жизнедеятельности общества (ст.ст. 159.1–159.6 УК РФ), в том числе с использованием платежных карт (сегодня с использованием электронных средств платежа – ст. 159.3 УК РФ). Данное событие было неоднозначно воспринято научной общественностью. Одни объясняли это развитием в стране экономических отношений, модернизацией банковского сектора, развитием отрасли страхования, инвестиционной деятельности, информационных и промышленных технологий и предоставлением новых видов услуг, которые неизбежно порождают иные схемы, способы хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество. Другие пришли к выводу, что это выгодно мошенникам, но не любимым, а «беловоротничковым», родственным по классовым (сословным) признакам многим представителям власти [3]. Относительно третьей точки зрения уголовно-правовой регламентации разновидностей мошенничества полагаем, что нельзя исключать политическую составляющую.

Россия была связана различными договорными обязательствами с Евросоюзом, иными международными организациями, вследствие чего вынуждена была нормотворчески ориентироваться на зарубежного законодателя. Так, например, аналогичная разновидность мошенничества давно регламентирована в уголовном законодательстве Германии. С 1986 г. в § 266b *Missbrauch von Schek- und Kreditkarten* уголовного закона Германии предусмотрена ответственность за злоупотребление с чековыми книжками и кредитными картами [4].

В теории уголовного права выделяются две разновидности мошенничеств с использованием платежных карт: совершенные с использованием подлинных карт и с использованием поддельных карт [5].

Использование подлинных карт в преступной деятельности возможно, когда карта найдена, похищена или получена по подложным документам.

Изготовление поддельных карт в большинстве случаев сопровождается подделкой различного рода документов, что требует квалифицировать содеянное по совокупности преступлений (например, по ст.ст. 292 или 327 УК РФ).

Диспозиция ст. 159.3 УК РФ до изменений в уголовное законодательство в 2018 г. предусматривала более узкий, конкретно определенный в законе способ совершения мошенничества, в отличие от ст. 159, а именно только хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации. Отсюда следует, что особенностью выделения данного вида мошенничества из общей нормы являлось средство совершения преступления (платежная карта) и специальные свойства и принадлежность объекта обмана (работник соответствующей организации). Хищение или иное незаконное приобретение средства обмана (платежной карты) самостоятельной ответственности не несет, хотя действия лица при этом могут подпадать под признаки при-

готовительных к мошенничеству действий.

На сегодняшний день непосредственный объект состава преступления в исследуемой норме (по объему охраняемых общественных отношений) соответствует общему составу преступления, предусмотренному ст. 159 УК РФ.

Так же до 2018 г. представлялось проблемным для квалификации определение мошеннических действий с использованием платежных карт в диспозиции ст. 159.3 УК РФ только как хищение чужого имущества, тогда, как в традиционном смысле, согласно ст. 159, под мошенничеством понимается еще и приобретение прав на чужое имущество. Не разрешало назревших в связи с закреплением в УК РФ новых разновидностей мошенничества проблемных вопросов и теперь уже устаревшее постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 27 декабря 2007 г. № 51, вследствие чего является своевременным и актуальным принятие новой редакции от 29.06.2021 г. постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», которое устраняет в современных условиях правоприменения обозначенные правовые проблемы.

В сравнении со ст. 159, состав ст. 159.3 УК РФ, до рассматриваемых изменений, являлся привилегированным составом, поскольку, против всех законов логики, снижал репрессивность, при этом сфера совершения мошеннических действий, как представляется, одна из наиболее распространенных и требовала особой защиты в силу большей степени общественной опасности. Также было непонятно, какими критериями руководствовался законодатель, когда увеличил в ст. 159.3 УК РФ крупный ущерб до полутора и особо крупный – до шести миллионов рублей. Это привело к неоднозначному восприятию и пониманию научной общественностью и в правоприменительной деятельности особенности причинения крупного и особо крупного размера ущерба вследствие мошенничества, регламентированного ст. 159 УК РФ (общей нормой) и ст. 159.3 УК РФ (специальной нормой). Положительным следует отметить, что законодатель внимательно отнесся к критике и Федеральным законом № 111-ФЗ от 23 апреля 2018 г. «О внесении изменений в уголовный кодекс Российской Федерации» устранил недостаток законодательной дефиниции, предусматривающей крупный и особо крупный размер ущерба в ст. 159.3 УК РФ. В настоящее время данный состав стал квалифицированным и усилил уголовную ответственность по отношению к общему составу ст. 159 УК РФ.

Учитывая изложенное, представляется необходимым отметить, что законодателю понадобилось 6 лет (с 2012 по 2018 гг.), чтобы устранить назревшие противоречия в правоприменении ст. 159.3 УК РФ, которые сегодня способствуют единственному его пониманию и однообразному толкованию; устранению обозначенной коллизии, снижающей целесообразность и качество применения закона.

Библиографический список

1. Милуков, С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа / С. Ф. Милуков. – СПб., 2000. – С. 239.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ // Рос. газ. – 2012. – 3 дек.
3. Корецкий, Д. А. Экономические преступники – друзья или враги народа? / Д. А. Корецкий // Уголовное право. – 2013. – № 3. – С. 88.
4. Клепицкий, И. А. Имущественные преступления в уголовном праве России и ФРГ / И. А. Клепицкий // Уголовное право. – 2013. – № 1. – С. 39.
5. Якимович, Е. Я. Способы мошенничества с использованием платежных банковских карт / Е. Я. Якимович // Юридический консультант. – 2005. – № 10. – С. 10.

Мельников И.Н., заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Костромского государственного университета, канд. юрид. наук, доцент

Журавлев К.А., магистрант Костромского государственного университета

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

ACTUALIZATION OF CIVIL SOCIETY LEGAL RELATIONS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

***Аннотация.** В данной статье анализируются подходы к формированию и развитию гражданского общества в истории российской государственности, рассматриваются мнения и взгляды ученых относительно понимания и модели гражданского общества, а также рассматриваются актуальные вопросы, спровоцировавшие стремительное развитие цифровых технологий.*

***Abstract.** This article analyzes approaches to the formation and development of civil society in the history of Russian statehood, examines the opinions and views of scientists regarding the understanding and model of civil society, and also discusses topical issues that provoked the rapid development of digital technologies.*

***Ключевые слова:** цифровое пространство, государство, проблемы цифровизации, гражданское общество, пандемия COVID-19.*

***Keywords:** digital space, state, problems of digitalization, civil society, COVID-19 pandemic.*

Россия вступила на путь формирования и строительства гражданского общества значительно позднее, нежели это сделали государства, расположенные на Западе. Однако тенденции этого были заложены еще во второй половине XIX века.

Во времена правления Александра II получили значительное развитие буржуазные отношения, которые сформировали основные оплоты экономической модели будущего гражданского общества.

Особое место в развитии гражданского общества занимает реформа местного самоуправления – в результате которой были созданы и сформированы выборные органы местного самоуправления. Судебная реформа, проведенная в 1864 году, закрепила основополагающие принципы равенства всех перед законом и судом, несме-

няемость судей, разделение судебной и административной властей. Отметим, что данные события и послужили началу постепенного формирования российского гражданского общества, а также являются начальным этапом становления новой российской государственности [3, с. 73-77].

В период 1905-1917 годов значительным изменениям подвергается государственно-политическая система – складывается и формируется многопартийная система, а значит и возможность распространения различных политических идей. По результатам Первой русской революции 1905 года был изменен государственный строй России, а в период работы первых созывов Государственной Думы (1906-1917 годов) получен бесценный опыт основ и сущности российского парламентаризма.

События февраля 1917 года максимально приблизили государственные институты к тому, что будет создано гражданское общество, которое находило отражение в правосознании людей и было необходимо стране в тот период. Однако, данные события существенно сократили темпы развития идеи построения гражданского общества, а впоследствии и вовсе перечеркнули все достижения путем установления тоталитарного советского режима. Так, частная собственность была полностью упразднена, общественные организации и объединения полностью утратили свою самостоятельность и действовали исключительно под контролем и в рамках идеологического режима политической советской машины.

Во второй половине 80-х годов начали проявляться позитивные тенденции, начало этому положила политика «перестройки», где одной из целей было формирование гражданского общества. Приватизация открыла возможность для приобретения гражданами в собственность государственного имущества. Трудовые коллективы получали возможность приобретать акционерные объекты промышленности, сферы услуг и торговли. Более того, данные общественные организации все чаще в собственных названиях стали включать словосочетание «гражданское общество» [6, с. 26-31].

В настоящее время, большинство авторов опираются на два легальных научных подхода. Одни ученые считают, что необходимо наличие явного противопоставления государства и самого гражданского общества. Другие же отмечают, что гражданское общество должно рассматриваться не иначе как консолидация и единение общественных отношений.

Среди современных взглядов в науке, выделим, что гражданское общество можно идентифицировать как совокупность общественных отношений, главным образом опосредованных имущественными, семейными, нравственными и товарно-рыночными отношениями, относительно независимыми от государственного воздействия [7, с. 56-62]. А. В. Кашанин и Т. В. Кашанина понимают гражданское общество как общество с развитым экономическими, политическими, культурными и правовыми отношениями между его членами, независимое от государства, но взаимодействующее с ним [5, с. 78-90]. В. Б. Исаков считает, что гражданское общество – это совокупность негосударственных институтов и отношений в экономической, политиче-

ской, социальной и духовной жизни общества, отражающих интересы и потребности различных групп населения [4, с. 65-69].

Однако, несмотря на большое количество подходов к модели гражданского общества, подчеркнем, что есть общее и единое звено – гражданское общество подразумевает совокупность объединений, отношений граждан, различных связей, опосредованных от государственного механизма, и несущее идею защиты интересов как индивидуальных, так и групповых [2, с. 52].

Сегодня в России уровень формирования гражданского общества значительно далек от идеала. Так, несмотря на то, что в Конституции РФ закреплено, что Россия является правовым государством [1, ч. 1, ст. 1], процесс его формирования не завершен, а также осложнен новым витком развития общественных отношений – стремительной цифровизацией.

Положившее начало эпидемиологическим ограничениям массовое распространение коронавирусной инфекции весной 2020 года, неоднозначное течение болезни, явное непонимание складывающейся обстановки, вызывали в обществе разные догадки, сомнения и опасения. Так, наиболее критично граждане восприняли режим введенной обязательной самоизоляции, который существенно осложнил привычную жизнь, в том смысле и неустановившаяся модель гражданского общества оказалась в ситуации, когда привычные институты, так или иначе обеспечивающие его функционирование, оказались попросту недоступны.

Введенная самоизоляция исключила возможности межличностной коммуникации граждан, стандартные способы обращения граждан в государственные и муниципальные органы были невозможны, критическое положение оказалось у предприятий малого и среднего бизнеса, производственные предприятия и компании также столкнулись с кризисом, выраженном в отсутствии спроса и потребительской способности населения.

В подобных условиях, являющихся беспрецедентными, неизбежно претерпевают и отношения в рамках государственного управления и правового устройства. Здесь отметим, что колоссальное развитие на фоне необходимой интеграции граждан как между собой, так и с государством в целом, получили цифровые отношения.

Благодаря развивающейся государственной интернет-платформе – Госуслуги, по предоставлению государственных и муниципальных услуг было восстановлено взаимодействие граждан с государственными и муниципальными органами по вопросам жизненных ситуаций, возникающих у граждан, тем самым услуги по предоставлению информации, различного рода справок и выписок, совершению регистрационных действий, получение и замена водительского удостоверения, взаимодействие субъектов предпринимательской деятельности с налоговыми органами; также, в отдельных регионах страны стало возможным проведение дистанционного голосования, а некоторые учреждения культуры предусмотрели возможность интернет-трансляций своих постановок.

Однако, столь активная заинтересованность граждан в сфере цифровых техноло-

гий показала, что их правовое положение и законодательная регламентация не соответствует уровню, способному обеспечить эффективный механизм работы, контроля, надзора, а также способов защиты нарушенных прав граждан. Здесь можно говорить о проблемах взаимодействия гражданина и искусственного интеллекта (далее – ИИ), который отвечает за принятие и рассмотрение какого-либо заявления. На данный момент законодатель лишь определил, что ИИ – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [2]. Мы справедливо задаемся вопросом, а как некоторый набор имитаций когнитивных функций можно будет применять в государственном управлении? Можно предположить, что вопрос соотношения жизненной ситуации гражданина и действующего законодательства для искусственного интеллекта будет не сложным, а как быть с принимаемым им решением? Будет ли достаточен «комплекс имитаций когнитивных функций» для разрешения многоаспектного дела, а ведь на кону стоят права и законные интересы человека. Но ведь право, это не только нормативные предписания Закона, это еще мораль, нравственность, справедливость и иные добродетели, которые имеют не менее важное значение. Если ИИ будет представлен в законодательной сфере, то каким образом будут формироваться правовые предписания, насколько они будут симметричны протекающим и развивающимся правоотношениям?

Рассмотрим ситуацию, когда ИИ выполняет функции государственного органа по работе с обращениями граждан, и, по итогу, в связке с недостаточным набором компетенций и когнитивных функций, к тому же осложненным действующим законодательством, не предусматривающим разрешение данного вопроса, разрешит обращение гражданина полностью не в его пользу, как тогда можно будет провести оспаривание или обжалование такого решения, если, при повторном обращении в данный орган, заявление снова будет рассматривать этот же ИИ.

Далее, в логической последовательности возникает вопрос, как, и, самое главное, кто будет отвечать за совершенные ИИ ошибки, допущенные им в процессе работы – программист, который разработал его и написал программу, ведомство, в котором он «работает»? ИИ самостоятельно должен исключить себя из производственной цепи? Учиться самостоятельно на своих ошибках, т.е. саморазвиваться? Но ведь, получается, что за подобными ошибками всегда будет стоять конкретный человек и его жизнь.

Таким образом, вопрос законодательного регулирования вопросов цифровизации правоотношений должен быть разрешен с точки зрения соблюдения всех правил формализации юридических норм, разработки механизма правовой регламентации. Здесь отметим, что нами будет продолжена работа по разработке актуальных поправок в российское законодательство, в частности в п.2 ч.1 ст.2 Федерального закона от 24.04.2020 года № 123-ФЗ.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 года с изменениями, одобренными в ходе всероссийского голосования 01.07.2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 05.09.2022). Ч. 1, ст. 1.
2. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : Федеральный закон от 24.04.2020 года № 123-ФЗ : принят Государственной Думой 14.04.2020 года : одобрен Советом Федерации 17.04.2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 08.09.2022 года).
3. Богомолова, Т. П. Гражданское общество в современной России: этапы становления и ключевые институты / Т. П. Богомолова, А. А. Шулус // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 1. – С. 52.
4. Валитов, А. А. Основные этапы развития гражданского общества в России / А. А. Валитов, М. А. Вильцан, И. С. Томилов // Политика, государство и право. – 2014. – № 11. – С. 73-77.
5. Исаков, В. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. Б. Исакова. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. – С. 656.
6. Кашанина, Т. В. Российское право: учебник / Т. В. Кашанина, А. В. Кашанин. 2-е изд. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – С. 784.
7. Парасюк, Е. А. Идея гражданского общества в российском правоведении / Е. А. Парасюк // Журнал российского права. – 2010. – № 12. – С. 26-31.
8. Радько, Т. Н. Теория государства и права: учебник для бакалавров / Т. Н. Радько, В. В. Лазарев, Л. А. Морозова. – М.: Проспект, 2012. – С. 568.

Носенко Л.И., заведующий кафедрой
гражданского права и процесса
Оренбургского государственного
университета, канд. юрид. наук, доцент

РЕАЛИЗАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПОВ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ ПО КОНКУРЕНТНЫМ СПОРАМ

IMPLEMENTATION OF SOME PRINCIPLES IN THE CONSIDERATION OF CASES ON COMPETITIVE DISPUTES

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные принципы конкурентных отношений, особенности в реализации основополагающих начал при рассмотрении конкурентных споров.*

***Abstract.** The article discusses the basic principles of competitive relations, features in the implementation of the fundamental principles when considering contentious disputes.*

***Ключевые слова:** конкурентные споры, принцип законности, коммерческая тайна.*

***Keywords:** competitive disputes, the principle of legality, trade secrets.*

Конкурентным отношениям в современной действительности уделяют большое внимание.

В целях правовой регламентации отношений, возникающих в конкурентной среде, принят федеральный законодательный акт «О защите конкуренции» [2].

При наличии спорных вопросов о добросовестности ведения хозяйственных отношений на экономическом рынке, субъекты предпринимательства должны придерживаться законности, справедливости, добропорядочности.

Обозначенные правовые категории имеют непосредственное отношение к фактической деятельности субъектов экономического оборота.

Рассматривая принципы конкурентных отношений, отметим, что они не равнозначны принципам конкурентного права, принципам конкуренции. То есть основополагающие начала во всех трех сферах абсолютно разные.

Справедливость и добропорядочность как принципы во всех трех сферах отсутствуют.

Возникает закономерный вопрос, с какой целью справедливость и добропорядочность законодательство выделяет в качестве основополагающих начал.

Считаем это существенной недоработкой законодателя и предлагаем закрепить вышеуказанные положения в качестве принципов конкурентных отношений.

Между тем, при нарушении правил хозяйствования и при рассмотрении конкурентного спора в рамках судопроизводства, доказывать часто бывает нужно законность ведения дел на экономическом рынке субъектом, участвующим в конкурентных отношениях.

Поэтому законность является основополагающим принципом, сопутствующим развитию конкуренции в современных условиях.

Законность как принцип считается общеправовым, и по буквальному закреплению в ч. 2 ст.15 Конституции РФ [1, ст. 118] все субъекты различных правоотношений обязаны соблюдать российское законодательство и, прежде всего, Конституцию нашего государства.

Экстраполируя общеправовое значение принципа законности, каждая отрасль российского права признает законность отраслевым принципом и считает необходимым значимым отражение основополагающих начал в классификации.

Конкурентные отношения не являются исключением. Все действия, направленные на исключение недобросовестной конкуренции, так же должны носить законный характер.

Следование букве закона, исключение нарушений в сфере конкуренции всегда позитивно влияет на развитие экономических отношений, способствует совершенствованию хозяйственного оборота и упраздняет правовые конфликты. Таким образом, законность присуща организации и реализации конкурентной деятельности.

Как бы общество не стремилось к совершенству, правовые разногласия конкурентным отношениям характерны до настоящего времени. В случаях привлечения к административной ответственности законность имеет не меньшее значение.

Безусловно, рассматривая конкурентные отношения в судебном порядке, мы должны говорить о том, что все принципы арбитражного судопроизводства распространяются на любые категории дел, рассматриваемых арбитражными судами.

Между тем особенности конкурентных отношений, особенности нормативного регулирования будут иметь важное значение для постановления законного и обоснованного решения.

Особое внимание хотелось бы уделить реализации принципа гласности.

Безусловно, данный судопроизводственный принцип будет иметь существенное значение, поскольку несет в себе основополагающие конституционные начала.

Отмечаем, что в конкурентных отношениях часто затрагиваются вопросы, связанные с коммерческой тайной.

Кроме коммерческой тайны в судебном заседании могут быть затронуты и другие виды тайны, кроме коммерческой, например, банковская, нотариальная. Кроме этого, часто встречаются вопросы, связанные с необходимостью обеспечения права на охраняемую законом информацию.

Рассматривая некоторые особенности в реализации основополагающих начал

при рассмотрении конкурентных споров, обращает на себя внимание то, что законодательство не содержит конкретного перечня принципов конкурентных отношений, конкурентного права, что не способствует качественной систематизации законодательства.

Судопроизводственные принципы применяются к конкурентным отношениям в полном объеме, но, в условиях современной действительности следует больше внимания уделить особенностям применения некоторых принципов, к примеру, гласности судопроизводства.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 года с изменениями, одобренными в ходе всероссийского голосования 01.07.2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 15.10.2022).
2. О защите конкуренции: федер. закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система / разработ. НПО "Вычисл. математика и информатика". – М. : КонсультантПлюс, 1997-2022. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/64484914d11b20fd8f3c29b62eddb0e1b171a95e.

Рузаева Е.М., доцент кафедры
гражданского права и процесса
Оренбургского государственного
университета, канд. пед. наук,
канд. юрид. наук, доцент

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ СУБЪЕКТОВ ТРУДОВОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

INFORMATIONAL DUTIES OF SUBJECTS OF LABOR RELATIONS

***Аннотация.** Переход к социально ориентированной инновационной экономике невозможен без нового направления труда, в том числе гибкого рынка труда за счет использования информационных ресурсов. Юридические обязанности как категория права представляют собой компонент правовой нормативной структуры и инструмент правового регулирования. В статье проводится анализ норм ТК РФ, что позволяет выделить информационные права и обязанности основных субъектов трудового права.*

***Abstract.** The transition to a socially oriented innovative economy is impossible without a new direction of work, including a flexible labor market through the use of information resources. Legal obligations as a category of law is a component of the legal regulatory structure and a tool of legal regulation. The article analyzes the norms of the Labor Code of the Russian Federation, which allows us to highlight the information rights and obligations of the main subjects of labor law.*

***Ключевые слова:** трудовые отношения, работник, работодатель, социальные гарантии, субъекты трудового права.*

***Keywords:** labor relations, employee, employer, social guarantees, subjects of labor law.*

Социально-трудовые отношения, являясь довольно широким и емким понятием, включают как внутренние, так и внешние факторы взаимодействия субъектов этих отношений в процессе труда. К внутренним факторам относятся причины, побуждающие к труду, к внешним – трудовое законодательство, финансовая система государства, рынок труда и т.д. Баланс указанных факторов влияет на производительность труда, интенсивность труда работников и их квалификацию. Новые информационные технологии по-новому влияют на развитие рынка труда в России. В этой связи государство должно способствовать дальнейшей гармонизации социально-трудовых от-

ношений путем эффективной защиты трудовых прав работников [9, с. 102].

Переход к социально ориентированной инновационной экономике невозможен без нового направления труда, в том числе гибкого рынка труда за счет использования информационных ресурсов. Последние два года пандемии наглядно показали активное использование всех информационных ресурсов в сфере общественной жизни, особенно в сфере труда, когда значительное количество работников выполняют свои рабочие функции удаленно.

При формировании юридических категорий представляют интерес связи между участниками конкретных общественных отношений. Как верно отметил А. М. Васильев, в общетеоретическом контексте «генезис всех правовых категорий связан с общественной потребностью осмыслить, объяснить и зафиксировать своеобразие права в ряду других явлений общества» [2, с. 90].

Юридические категории в рамках отраслевых наук обладают своим предметом и методом, особенностями категориального аппарата, в котором, наряду с общими юридическими категориями, используются частно-научные юридические категории, обусловленные особенностями предмета конкретной отраслевой науки.

Юридические обязанности как категория права представляет собой компонент правовой нормативной структуры и инструмент правового регулирования, при этом юридические обязанности должны быть, во-первых, включены в состав нормативного правового акта; во-вторых, приобрести обязательный характер; в-третьих, выступать средством регулирования общественных отношений и масштабам оценки поведения соответствующих субъектов права.

Формальное закрепление юридических обязанностей всегда происходило несколько позже нормативного закрепления прав. Впервые на международном уровне юридические обязанности были провозглашены во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г. [3], в которой в ст. 29 закреплено, что каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности; и при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе. В Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. в преамбуле подчеркивается, что каждый отдельный человек имеет обязанности в отношении других людей и того коллектива, к которому он принадлежит.

Трудовые обязанности работника как субъекта трудового права определяют меру должного поведения физического лица, вступившего в трудовые отношения, и действующего в рамках возникшего правоотношения, под которым можно понимать субъективные права и юридические обязанности, представляющие индивидуальные модели поведения субъектов права, т.е. это правовая форма общественного отношения [10, с. 96].

При этом, как считал Н. Г. Александров, каждое единое, но сложное правоотношение нуждается в расчленении на составные элементы в научных и практических целях, и каждое сложное правоотношение состоит как бы из двух и более неразрывно связанных и взаимообусловленных правоотношений элементарного вида, а последние и будут являться элементами сложного правоотношения [1, с. 259].

Трудовое правоотношение, по мнению В. М. Догадова, выступает как «волевое отношение, как совокупность взаимных прав и обязанностей субъектов данного отношения, как осуществление работником конституционного права на труд и выполнение им конституционной обязанности трудиться» [4, с. 77]. В приведенном, достаточно формализованном, определении трудового правоотношения подчеркивается, что оно выступает как «осуществление прав» и «выполнение обязанностей» субъектами права. Как следствие, трудовые обязанности могут быть осуществлены и выполнены в рамках трудового правоотношения, являющего основополагающей категорией трудового права.

В России, интенсивно развивающейся на основе преемственности основополагающих принципов трудового права [5, с. 5] и интеграции международных норм о труде в российское законодательство, трудовые правоотношения трансформируются, исходя из концепции развития цифровой экономики, и, как результат, создается новая их оригинальная и отвечающая современным потребностям оптимальная модель трудовых отношений [7].

Содержанием информационных правоотношений в трудовом праве являются права и обязанности субъектов этих отношений. Право на трудовую информацию включает следующие правомочия: а) правомочие на получение информации; б) правомочие на доступ к информации; в) правомочие на обработку информации; г) правомочие на защиту персональных данных [8, с. 25].

Анализ норм ТК РФ позволяет выделить информационные права и обязанности основных субъектов трудового права.

Так, для работника закреплено право на полную достоверную информацию об условиях труда и требованиях охраны труда на рабочем месте, включая реализацию прав, предоставленных законодательством о специальной оценке условий труда (ст. 21 ТК РФ); право на обеспечение защиты персональных данных, хранящихся у работодателя, обработка персональных данных работника может осуществляться исключительно в целях обеспечения соблюдения законов и иных нормативных правовых актов, содействия работникам в трудоустройстве, получении образования и продвижении по службе, обеспечения личной безопасности работников, контроля количества и качества выполняемой работы и обеспечения сохранности имущества (ст. 68 ТК РФ).

В отношении работодателя закреплена обязанность по введению коллективных переговоров, а также заключение коллективного договора в порядке, установленном ТК РФ (ст. 22 ТК РФ); обязанность предоставлять представителям работников полную и достоверную информацию, необходимую для заключения коллективного дого-

вора, соглашения и контроля за их выполнением (ст. 22 ТК РФ); обязанность знакомить работников под роспись с принимаемыми локальными нормативными актами, непосредственно связанными с их трудовой деятельностью (ст. 22 ТК РФ).

Отдельными статьями 22.1 – 22.3 ТК РФ вводится электронный документооборот в сфере трудовых отношений. Электронный документооборот может осуществляться работодателем посредством следующих информационных систем: единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России» и информационной системы работодателя, позволяющей обеспечить подписание электронного документа в соответствии с требованиями ТК РФ, хранение электронного документа, а также фиксацию факта его получения сторонами трудовых отношений.

Также Трудовой кодекс РФ законодательно закрепляет информационные права и обязанности представителей работников и представителей работодателей, социально-партнерских органов и органов надзора и контроля (глава 4, 5, 8. 57 ТК РФ), информационные права органов по рассмотрению трудовых споров (глава 60, 61 ТК РФ).

Таким образом, в современных условиях доступа к процессам цифровизации в качестве одного из основных направлений реализации всеми аспектами жизни общества защитной функции государства является принятие исчерпывающих мер, направленных на обеспечение прав человека в цифровом пространстве. Основными направлениями таких усилий со стороны государства должны быть обеспечение безопасности персональных данных граждан, информации, полученной в результате обмена, и исключение их использования в незаконных целях; соблюдение трудовых и других социальных прав граждан в новых цифровых формах; постепенное внедрение цифрового документооборота при сохранении традиционных форм; обеспечение цифрового суверенитета государства и принятие мер по предотвращению использования цифрового информационного пространства для дискриминационной, ложной информации и вредной деятельности граждан России. В то же время, учитывая быстрые темпы развития, вопрос о влиянии процессов цифровизации на их правозащитные рамки входит в число важнейших направлений науки исследования в области права.

Библиографический список

1. Александров, Н. Г. Трудовое правоотношение / Н. Г. Александров. – М., 1948. – С. 259.
2. Васильев, А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А. М. Васильев. – М., 1976. – С. 90.
3. Всеобщая декларация прав человека: принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. // Рос. газ. – 1998. – 10 декабря (№ 245).
4. Догадов, В. М. Государственные организации как субъекты социалистического трудового правоотношения / В. М. Догадов // Правоведение. – 1957. – № 1. – С. 77.

5. Ершов, В. В. Специальные принципы российского трудового права / В. В. Ершов, Е. А. Ершова // Российское правосудие. – 2019. – № 3. – С. 5-13.
6. Ершова, Е. А. основополагающие принципы российского трудового права / Е. А. Ершова // Трудовое право. – 2008. – № 2. – С. 6-10.
7. Камаева, А. Уважение начинается с достойной зарплаты / А. Камаева // Российская газета. Неделя. Башкортостан. – №172 (8226). – 5 августа 2020 г.
8. Нургалиева, Е. Н. Информационные правоотношения в казахстанском трудовом праве / Е. Н. Нургалиева, Ф. М. Сырлыбаева // Наука. – 2020. – № 1 (64). – С. 25-29.
9. Обухова, Г. Н. Защита социально-трудовых прав работника в условиях использования новых информационных технологий / Г. Н. Обухова // В сборнике: За права трудящихся! Защита социально-трудовых прав работников в изменяющемся мире: возможности и ограничения. Материалы Шестой Международной научно-практической конференции / под общей ред. Ю. В. Иванчиной, Е. А. Истоминой. – Екатеринбург, 2021. – С. 102-105.
10. Ткаченко, Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений / Ю. Г. Ткаченко. – М., 1980. – С. 96.

Саблин Д.А., доцент кафедры теории государства и права и конституционного права Оренбургского государственного университета, канд. пед. наук

Посадский П.С., студент юридического факультета Оренбургского государственного университета

**СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА
СЕНАТОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПЕРСПЕКТИВЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

**MODERN UNDERSTANDING OF THE LEGAL STATUS
SENATOR IN THE RUSSIAN FEDERATION:
PROSPECTS AND TRENDS OF DEVELOPMENT**

***Аннотация.** Актуальный характер изучения и анализа правового статуса сенатора РФ определяется насущными задачами позитивного развития и совершенствования конституционного устройства нашего государства, требованиями разработки новых современных подходов к традиционным и устоявшимся юридическим понятиям и категориям и практического использования соответствующих им явлений в конституционной жизни Российской Федерации.*

***Abstract.** The actual nature of the study and analysis of the legal status of a senator of the Russian Federation is determined by the urgent tasks of positive development and improvement of the constitutional structure of our state, the requirements for the development of new modern approaches to traditional and established legal concepts and categories and the practical use of the phenomena corresponding to them in the constitutional life of the Russian Federation.*

***Ключевые слова:** конституционно-правовой статус сенатора, сенатор РФ, сенат, ценз.*

***Keywords:** constitutional and legal status of a senator, senator of the Russian Federation, senate, qualification*

Конституционно-правовой статус сенатора РФ в настоящее время представляется серьезной проблемой отечественной науки конституционного права. В современной зарубежной политической практике предполагается, что сенатор – это член Сената, а Сенат – это верхняя палат Парламента государства. В нашей стране орган государ-

ственной власти, именуемый «Сенат», функционировал более 200 лет назад [8, с. 80], соответственно, сенатор в нашем государстве – это член Сената [16, с. 348]. Особенность современной политической жизни заключается в широком поливариативном использовании терминов «Сенатор РФ», «Сенатор СФ РФ», «Сенатор от региона» как в официальных документах, так и в средствах массовой информации, что подчеркивает сложность и многогранность рассматриваемого нами понятия.

До внесения поправок в Конституцию РФ в 2020 году в статье 95 не использовался термин «Сенатор»: либо член Совета Федерации, либо представитель от каждого субъекта РФ. Закон РФ от 14.03. 2020 г. №1–ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [7] заменяет название «член СФ ФС РФ» на «сенатора». Таким образом, после внесения поправок в Конституцию РФ по итогам всенародного голосования часть 2 статьи 95 определяет, что «Совет Федерации состоит из сенаторов Российской Федерации».

По нашему мнению, замена термина члена Совета Федерации на термин «Сенатор» привела к появлению некоторых проблем в практическом правоприменении.

Во-первых, термин «Сенатор» заимствован из права зарубежных стран, где сенатор – это член Сената.

Во-вторых, логичным представляется переименование Совета Федерации в Сенат.

В третьих, в статьях 134, 135 Конституции Российской Федерации не произведена замена термина члена СФ на термин Сенатор. Мы можем понять отсутствие изменений в данных статьях, поскольку внесение изменений в статьи главы 9 представляется затруднительным. Хотя в статье 105 Конституции после внесенных изменений просто нет упоминания ни Сенатора, ни члена СФ.

Все перечисленные недоработки и проблемы нарушают единообразное и корректное понимание и применение норм Основного закона, что, несомненно, негативно сказывается на государственной законности и правопорядке в стране. Для преодоления указанных противоречий необходимо активизировать роль правовой науки в правотворческой политике, в первую очередь, в процессах законотворчества.

Часть 1 статьи 95 Конституции РФ должна звучать следующим образом: «Федеральное Собрание состоит из двух палат – Сената и Государственной Думы», часть 2 статьи 95 Конституции РФ – «Совет Федерации состоит из сенаторов Российской Федерации. Наименование сенатор Российской Федерации и член Совета Федерации равнозначны». Также в статье 134 и части 2 статьи 135 также следует указать, что «наименование Сенат и Совет Федерации являются равнозначными».

Анализ правового статуса Сенатора РФ невозможен без исследования комплекса ограничений и запретов при исполнении сенатором профессиональных законотворческих и других функций. Отечественный законодатель установил, что для парламентария любого уровня его депутатская деятельность представляется как основная деятельность, при этом депутатская деятельность несовместима любой другой вознаграждаемой деятельностью (за исключением творческой деятельности). Установлен-

ные ограничения должны гарантировать, что парламентарий все свое время будет посвящать законотворческой деятельности, причем, его основная профессиональная деятельность будет исполняться на высоком уровне. В связи с этим немаловажным фактором представляется то, что запреты отграничивают напрямую либо косвенно парламентария от лоббирования собственных материальных интересов.

В современной правовой науке сложилось понимание «запретов для парламентариев» как «несовместимость» в качестве положительной характеристики современного российского парламентаризма [11, с. 35], [15, с. 184]. Положительный характер несовместимости определяется одним из основополагающих принципов правового государства – разделением властей.

В СССР формально цензы не присутствовали, поскольку каждый депутат не был освобожден от своих прямых рабочих обязанностей, будь то производственная, хозяйственная или управленческая деятельность; на время участия в работе Верховного Совета депутат получал освобождение от основной деятельности, за ним сохранялась заработная плата по основному месту деятельности [2].

В Совете Федерации ФС РФ, избранного в 1993 году, депутаты осуществляли свою депутатскую деятельность на непостоянной основе, до 2000 г. в Совет Федерации входили главы регионов [12, с. 92].

Впервые полный перечень цензов для парламентариев был определен в Федеральном законе «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [5]. В соответствии с этим законом парламентарий имел право на совмещение с депутатской деятельностью лишь преподавательскую, научную или иную творческую работу (при отсутствии иностранных источников финансирования для той организации, в рамках которой парламентарий осуществляет свою творческую, научную и преподавательскую деятельность).

Парламентарий делает осознанный выбор: он занимается депутатской законотворческой деятельностью или осуществляет иную профессиональную деятельность, которая несовместима со статусом депутата. Кандидаты в сенаторы обязаны предоставить в орган региональной власти заявление в письменном виде, что он «... обязуется не заниматься трудовой деятельностью, которая не совместима со статусом будущего парламентария. При наделинии полномочиями члена Совета Федерации он в течение трех дней предоставляет в Совет Федерации и главе органа государственной власти субъекта РФ копию заявления о сложении с себя обязанностей, которые несовместимы со статусом парламентария» [3].

Отечественным законодателем не установлен порядок действий, если сенатор нарушит данное требование, поскольку предполагается невозможность совершения таких нарушений. Остается неясным, каким образом и в какой срок Федеральное Собрание РФ должно проверять исполнение депутатами и сенаторами запрета на совмещение деятельности. Конкретный срок таких проверок определен рамками: «в кратчайший срок».

Мы согласны с позицией Н.И. Матузова, что только лишь с помощью теоретических разработок и юридических инновационных решений невозможно разрешать государственные и социальные проблемы [14, с. 23]. Формирование статуса сенатора РФ возможно лишь при принятии действенных, системных и планомерных политических, социальных, экономических и организационных мер. Нормативно-правовое урегулирование запретов и ограничений для сенаторов РФ должно быть эффективным, результативным и подчиняться принципу прямого действия. Собственно правовые нормы, какие бы справедливыми и прозрачными они ни были, не смогут быть реализованы в правоприменительной практике без четких и понятных целевых ориентиров, сформулированных результатов и механизмов их реализации.

Часть вторая статьи 6 ФЗ № 3-ФЗ устанавливает запрет для парламентариев Федерального собрания РФ:

- на открытие банковских счетов в зарубежных банках и кредитных учреждениях;
- на хранение денежных средств и материальных ценностей в зарубежных банках и кредитных учреждениях;
- использовать различные иностранные финансовые инструменты.

В.Т. Кабышев утверждает, что ограничение депутатского корпуса от интересов бизнес-структур, физических и юридических лиц – это аксиома современного отечественного парламентаризма [9, с. 221]. В противном случае государственная власть превратится в некую клановую корпоративную организацию, которая будет защищать только свои материальные и нематериальные интересы, отрицая интересы гражданина, социума и непосредственно самого государства. В правовом государстве главной целью является защита интересов гражданина, как первого субъекта конституционно-правовых взаимоотношений.

Закон должен быть равным для всех и для каждого [10, с. 92]. Никто не имеет права выходить за пределы правового поля государства, все государственные структуры, все государственные люди должны быть связаны правом и законностью, а любые нарушения или отклонения от конституционных норм должны в обязательном порядке расследоваться и преследоваться в соответствии с отечественным законодательством.

Запреты и ограничения для парламентариев как система должны органично вписываться в современную структуру правового государства. Однако, мы должны отметить, что пробелы в понимании и применении некоторых цензов приводят к нарушениям правового статуса современного парламентария. Яркий пример: запрет для депутата быть акционером юридических лиц и, соответственно, получать дивиденды. Если до вступления в должность парламентария гражданин владел акциями (ценными бумагами), он должен передавать их в доверительное управление. Нарушение данного требования приводит к конфликту интересов.

Проблему видим в том, что отечественный законодатель не дает легального определения «конфликта интересов» для парламентария. Возможно или нет приме-

нять дефиницию «конфликт интересов», содержащуюся в ФЗ «О противодействии коррупции» [6] для государственных и муниципальных служащих, к сенаторам РФ?

Таким образом, необходима работа по совершенствованию условий исполнения парламентариями вообще, и сенаторами РФ, в частности, своих профессиональных обязанностей; по оптимизации системы ограничений и запретов для парламентариев. В частности, необходимо устранить неоднозначные формулировки в отечественном законодательстве о статусе Сенатора РФ; юридически закрепить возможность осуществления сенаторами адвокатской и экспертной деятельности; разработать процедуры расследования и применения санкций за нарушения сенаторами отечественного законодательства.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Поправки, внесенные Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, вступили в силу 4 июля 2020 года (Указ Президента РФ от 03.07.2020 № 445) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, принятой Верховным Советом СССР 7 октября 1977 года // Свод законов СССР. – 1990. – Т. 3. – С. 14.
3. О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: федер. закон от 03.12.2012 № 229-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2012. – № 50 (часть 4). – Ст. 6952.
4. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федер. закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2014. – № 8. – Ст. 740.
5. О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федер. закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1999. – № 28. – Ст. 3466.
6. О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.
7. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ // Российская газета. – 2020. – 16 марта.
8. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – Москва : Высшая школа, 1968. – 368 с.
9. Кабышев, В. Т. С Конституцией по жизни / В. Т. Кабышев. - Москва: Юристъ, 2019. - 458 с.
10. Колесников, Е. В. Становление демократических основ правового государ-

ства в РФ и принцип верховенства закона / Е. В. Колесников // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 4. – С. 92–93.

11. Королева-Борсоди, Н. В. Несовместимости депутатских мандатов в высших органах власти стран СНГ / Н. В. Королева-Борсоди // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 12. – С. 34–41.

12. Лукьянов, А. И. Парламентаризм в России: вопросы истории, теории и практики: курс лекций. – Москва: Норма, 2018. – 688 с.

13. Лукьянова, Е. А. Депутатский риск: проблемы современного трансформации статуса депутатов Парламента / Е. А. Лукьянова // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 9. – С. 34–39.

14. Матузов, Н. И. Правовой идеализм как специфический формат деформации общественного сознания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 5. – С. 22-26.

15. Парламентское право России: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой. – Москва: Издательство Государственной Думы РФ, 2020. – 684 с.

16. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: ТЕРРА– Книжный клуб, 2012. – 752 с.

17. Звонцова, А. А. Эффективность ограничений полномочий для статуса членов Совета Федерации и Государственной Думы / А. А. Звонцова. // Молодой ученый. – 2019. – № 51 (289). – С. 102-105.

Толочкова Н.Г., доцент кафедры
предпринимательского и природоресурсного
права Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина, канд.
юрид. наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

SOME ISSUES RELATED TO THE LEGAL STATUS OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам, связанным с критериями отнесения субъектов предпринимательской деятельности к малому и среднему бизнесу.

Abstract. The article is devoted to some aspects related to the criteria for classifying business entities as small and medium-sized businesses.

Ключевые слова: принцип свободы предпринимательской деятельности, субъекты малого и среднего предпринимательства, классификация субъектов хозяйственной деятельности, количественные и качественные критерии субъектов малого и среднего предпринимательства.

Keywords: principle of freedom of entrepreneurial activity, small and medium-sized businesses, classification of economic entities, quantitative and qualitative criteria for small and medium-sized businesses.

Принцип свободы предпринимательской деятельности имеет конституционное начало и означает, прежде всего, право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [1].

В настоящее время основу, фундамент экономики большинства стран составляют субъекты малого и среднего предпринимательства, состояние и уровень развития которых в существенной мере предопределяет темпы экономического роста, эффективность производства, структуру и качество валового национального продукта, уровень занятости, результативность социальной политики государства, а, следовательно, и конкурентные преимущества страны в мировой экономике.

Несмотря на бесспорную значимость данных форм предпринимательства, и

неизменно возрастающую государственную поддержку, приходится констатировать, что в Российской Федерации сохраняется низкий процент «выживания», что подтверждается закрытием большого количества предприятий малого и среднего бизнеса по сравнению с вновь зарегистрированными.

Несмотря на принятый Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [2], ознаменовавший новый подход государства в сфере поддержки и развития малого и среднего бизнеса, проблемы правового регулирования до сих пор не решены.

В числе основных проблем, многие специалисты отмечают сложность и многоуровневость правового регулирования, отсутствие единого теоретико-методологического подхода к разработке основ правового регулирования деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, бюрократические трудности в механизме оказания поддержки и даже недостаточность государственной поддержки малого и среднего бизнеса в России.

Приходится констатировать, что решение вопроса стабильного развития малого и среднего бизнеса на перспективу остается открытым, что подтверждается и статистикой: только 4% предприятий существует более 3 лет, большинство же ликвидируются, не просуществовав и года. Менее 20% от всего ВВП приходится на долю малого бизнеса в России [3].

Для сравнения, в Китае насчитывается более 40 миллионов малых и средних предприятий, что составляет более 99,6% от общего числа предприятий страны и их вклад в общий экономический рост составляет около 59% ВВП и 65% импорта и экспорта [4].

Данный пример наглядно демонстрирует потребность в незамедлительном пересмотре механизма государственной, многоаспектной поддержки предприятий малого и среднего бизнеса, в том числе или, прежде всего, из-за смены вектора развития страны, вызванного экономическими санкциями, еще больше осложнивших процесс цифровизации российской экономики.

В понятие субъекты малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) законодатель вкладывает квалифицирующие признаки, которые и обуславливают особый правовой статус, включающий в числе прочего право на государственную поддержку.

Во-первых, МСП – это субъекты, осуществляющие производство, разработку, переработку, куплю-продажу различных товаров, выполнение работ и оказание услуг независимо от формы собственности и ведения деятельности индивидуально, а также коллективно в целях извлечения прибыли или без таковой, имеющие статус юридического лица (организации, компании) или без образования юридического лица (индивидуальные предприниматели, самозанятые).

В России определение и классификация субъектов хозяйственной деятельности содержится в Гражданском кодексе РФ, а также во входящем в состав национальной системы стандартизации общероссийском классификаторе организационно-правовых

форм ОК 028-2012 (ОКОПФ) [5].

С точки зрения организационно-правовой формы к субъектам МСП относятся коммерческие организации (хозяйственные и товарищества, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства), некоммерческие организации и индивидуальные предприниматели.

Во-вторых, это малые предприятия и микропредприятия, условия отнесения к которым определены статьей 4 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» и в числе таковых отмечены предельная численность работников (для микропредприятий – 15 человек, для малых – 100); предельный доход, полученный от осуществления предпринимательской деятельности за предшествующий календарный год (микропредприятия – 120 млн. рублей; малые предприятия - 800 млн. рублей [6]).

В-третьих, это средние предприятия с численностью сотрудников от 100 до 250 человек (за некоторыми исключениями, предусмотренными законодательством РФ) и годовым оборотом до 2 млрд. рублей.

Следует отметить, что практически все страны признают необходимость в государственной поддержке субъектов МСП, однако законодательства разнятся в критериях отнесения предприятий к малому и среднему бизнесу.

Интересным опытом, заслуживающим внимание, следует считать законодательство Германии, которое вполне оправданно устанавливает более высокие предельные показатели доходности средних предприятий до 5 миллиардов долларов в год, но и оценивает право на получение государственной поддержки среднего бизнеса при условии конкурентности товаров – компания должна входить в тройку мировых лидеров по производству аналогичной продукции, а также ориентированность на экспортную деятельность – 50 или более процентов доходов от экспортных продаж [7].

В-четвертых, быть включенным в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, специальный статус которого создает вполне ощутимую экономическую и налоговую выгоду [8].

Кроме того, для получения статуса МСП есть и другие условия и ограничения, но, даже несмотря на это, выделенные для субъектов малого и среднего предпринимательства критерии вызывают ряд вопросов.

В частности, остается неизменным критерий предельной численности работников субъектов малого и среднего предпринимательства. Отданное на откуп Правительству Российской Федерации право устанавливать иное предельное значение среднесписочной численности работников для субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере легкой промышленности и общественного питания, требует бесспорного пересмотра в сторону увеличения предельной численности работников для всех категорий субъектов малого и среднего предпринимательства.

Кроме того, не объективны в современных условиях инфляции, экономических санкций и критерии предельного годового дохода субъектов МСП, что требует, по меньшей мере, не менее чем двукратного увеличения предельного значения выручки.

При этом стимулирующим критерием для дополнительных мер поддержки субъектов МСП должны становиться качественные критерии с упором на внедрение в организацию бизнеса информационных ресурсов, инновационных и новаторских идей, оценки мировой конкурентности продукции и ее экспортной ориентированности.

И, если вопросам инноваций и новаторства пусть мало, но уделяется внимание законодателя, то до формирования собственных информационных ресурсов пока мало кому есть дело.

Между тем, информация стала неотъемлемой частью современного общества, присутствующая (участвующая) в процессе осуществления любого вида социальной деятельности, в том числе предпринимательской.

Информация рассматривается, как объект (товар) товарно-денежных отношений и в коммерческом обороте давно появились ее «производители» и «потребители».

Информация стала приобретаться для использования в процессе осуществления предпринимательской деятельности, в том числе для оптимизации различных видов информационных процессов.

Автоматизированные банки данных и знаний по различным видам деятельности уже сегодня служат бесспорным доказательством правомерного или незаконного поведения субъектов предпринимательской деятельности.

Например, налоговые органы все шире используют автоматизированные системы для проведения контроля за вычетом и возмещением НДС.

В частности, в возмещении НДС отказывают не только из-за подписания счета-фактуры неуполномоченным лицом, указанием в счете-фактуре фактического адреса грузополучателя, заключения сделки с контрагентом, основной вид деятельности которого расходится с договором, но и при наличии признаков «недобросовестности» контрагента, в числе которых может быть задолженность перед бюджетами всех уровней и даже другими участниками экономического оборота, отсутствие работников и/или материально-технической базы.

Другими словами, при заключении любого договора предприниматель вынужден собирать полное досье на контрагента с использованием, как платных сервисов (focus.kontur.ru, moedelo.org/landingpage/kontragents/, spark-interfax.ru/, info.1cont.ru/glavbukh/, portal.1c.ru/app/kontragent, portal.1c.ru/applications/47 и т.п.), так информационных ресурсов с открытым доступом.

Так, на сайте Федеральной налоговой службы, используя разделы «egrul.nalog.ru», «service.nalog.ru/regmon/», «service.nalog.ru/vyp/», «service.nalog.ru/disqualified.do», «service.nalog.ru/disfind.do», «service.nalog.ru/addrfind.do», «service.nalog.ru/svl.do», «service.nalog.ru/zd.do», «service.nalog.ru/mru.do», «npchk.nalog.ru», можно получить сведения о контрагенте, начиная с факта представления в налоговый орган документов при государственной регистрации юридического лица или индивидуального предпринимателя, смене директора, составе участников (акционеров), изменении адреса, начала реорганизации,

ликвидации до сведений о наличии задолженности по налогам, запрете занимать руководящие должности, регистрации контрагента по адресу массовой регистрации и т.д.

При этом сведений, содержащихся на сайте ФНС будет не достаточно, придется ознакомиться и с разделом сайта службы приставов (fssprus.ru/iss/ip/), с целью проверки долгов контрагента; разделом сайта ВС РФ (kad.arbitr.ru), содержащего карту-теку дел по экономическим спорам; разделом сайта ФАС России, чтобы проверить поставщика на добросовестность по госзакупкам или разделом сайта Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору «sro.gosnadzor.ru», чтобы определить допуск к строительной деятельности и членство в саморегулируемой организации и иные информационные ресурсы.

Подобная деятельность по сбору информации и ее аналитике требуют навыков, времени и наличия технических ресурсов, которыми субъекты МСП зачастую не обладают, а подчас даже не представляют о ее существовании и значении.

Столкнувшись с недобросовестностью контрагента, его неплатежеспособностью, отказом в возмещении НДС и другими негативными последствиями, предприниматели вынуждены уходить в банкротство или добровольную ликвидацию.

Отчасти решить проблему можно с помощью поощрения субъектов МСП на создания собственных информационных ресурсов с максимально полной информацией, как о своем правовом статусе, так и продукции (ее качеств и иных характеристик).

Таким образом, можно сделать вывод, что решение вопроса государственной поддержки хозяйствующих субъектов МСП должно основываться, как на количественных, так и качественных показателях.

В законодательстве Российской Федерации такие количественные и качественные критерии, как структура уставного капитала, доход (выручка), количество работников (персонала) не пересматриваются на протяжении последних 10 лет.

Между тем, эти показатели не только устарели в современных условиях и требуют незамедлительного пересмотра, но и вызывают ряд вполне объективных нареканий.

В частности, дальнейшее совершенствование видится не столько в обязательном увеличении предельной численности работников для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства и предельного значения выручки, полученной от осуществления предпринимательской деятельности за предшествующий календарный год, но, прежде всего, в модернизации производственных процессов; конкурентноспособной продукции, ориентированной на экспорт; создании и ведении информационных ресурсов о себе и своей деятельности.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования

01.07.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: /<http://www.consultant.ru>

2. О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации: федер. закон от 14.06.1995 № 88-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: /<http://www.consultant.ru>.

3. Экономика малых дел: как государство стимулирует предпринимательство [Электронный ресурс]. – РБК URL: <https://plus.rbc.ru/specials/> (дата обращения 01.05.2022).

4. Малое предпринимательство. Организация, развитие и управление малым предприятием / Г. Л. Багиев, В. Ю. Буров, Е. Б. Дондокова, Д. В. Завьялов, Н. Ю. Рунова, О. В. Сагинова. – М., 2020. – С. 360.

5. Об утверждении общероссийского классификатора организационно-правовых форм: приказ Росстандарта от 16 октября 2012 г. № 505-ст ОК 028-2012 (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cloud.consultant.ru/> (дата обращения 01.11.2021).

6. О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства: постановление Правительства РФ от 04.04.2016 № 265 [Электронный ресурс]. – Режим доступа / <http://www.consultant.ru>.

7. Предпринимательство и создание бизнеса / Т. В. Кугушева, Н. Н. Муравьева, А. И. Новицкая, Е.А. Репина, М. С. Шустова // Южный федеральный университет. – М., 2019. – С. 273.

8. Малое и среднее предпринимательство: учет, внутренний контроль, анализ и налогообложение. – М., 2020. – С. 202.

Черепанцева Ю.С., зав. кафедрой трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина, канд. юрид. наук, доцент

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ СИСТЕМЫ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ГРАЖДАН,
ПОСТРАДАВШИХ ОТ ВОЗДЕЙСТВИЯ РАДИАЦИИ**

**MAIN TRENDS OF THE SYSTEM DIGITALIZATION
SOCIAL SUPPORT OF CITIZENS,
AFFECTED BY RADIATION**

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные направления цифровизации в сфере социальной защиты населения и информационные ресурсы, функционирующие в России. Особое внимание уделяется проблемам внедрению цифровых технологий в систему социальной поддержки граждан, пострадавших от воздействия радиации.*

***Abstract.** The article discusses the main directions of digitalization in the field of social protection of the population and information resources operating in Russia. Particular attention is paid to the problems of introducing digital technologies into the system of social support for citizens affected by radiation exposure.*

***Ключевые слова:** цифровизация, цифровые технологии, социальная поддержка граждан.*

***Keywords:** digitalization, digital technologies, social support of citizens.*

Цифровые процессы, проявив и зарекомендовав себя, первоначально в телекоммуникационных и информационных технологиях, финансовом и банковском секторах, теперь не только прочно вошли в промышленное производство, но стали распространяться и на сферу услуг, затронув и непосредственно сферу социальной защиты населения. Реализация основных направлений национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [1] привела к внедрению информационных ресурсов, предназначенных для удовлетворения потребностей нуждающихся. Концепцией цифровой трансформации социальной сферы до 2025 года, утвержденной Правительством РФ [2], предполагается изменение процессов обеспечения получения мер социальной поддержки гражданами, которые в настоящее время по тем или иным причи-

нам не могут получать помощь в силу ограничений по здоровью, необходимости посещения организаций, их территориальной отдаленности. Как новые векторы развития государства, цифровые технологии способствуют появлению новых проектов, призванных обеспечить удобство предоставления таких защитных мер.

На начальном этапе автоматизации процессов предоставления услуг, основным информационным ресурсом выступала федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (<https://www.gosuslugi.ru>). Первичный прием документов от граждан многофункциональными центрами позволил существенно снизить нагрузку на органы социальной защиты, а главное, перераспределить потоки поступающей информации. Однако это не обеспечивало персонализацию предоставляемых услуг. В связи с чем, в рамках исполнения постановления Правительства РФ от 14 февраля 2017 года № 181 внедрена Единая государственная информационная система социального обеспечения (ЕГИССО) [3]. Ее создание было предусмотрено еще Федеральным законом от 17 июля 1999 года № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» [4], но непосредственное функционирование осуществляется с 1 января 2018 года. Субъекты Российской Федерации используют ресурсы ЕГИССО при назначении региональных мер социальной поддержки, реализуемых в рамках переданных Федерацией полномочий с 2021 года. Основными информационными потоками ЕГИССО, реализуемыми в деятельности органов и организаций, предоставляющими социальное обеспечение являются: информация об установленных конкретному гражданину мерах социального обеспечения и объемах выплат (услуг); свод аналитической информации, как в целом по стране, так и в разрезе по регионам или отдельным поставщикам социальных услуг. Кроме того ЕГИССО обеспечивает информирование граждан об их правах на социальное обеспечение. В «личном кабинете» зарегистрированный в системе гражданин может получить данные по всем назначенным ему на дату обращения мерам социальной поддержки и их размерах. В последние два года технические параметры системы значительно расширились и, начиная с 2022 года, в ЕГИССО гражданину можно не только получать информацию о правах на различные виды поддержки, но и непосредственно реализовывать их в электронной форме.

Федеральным законом от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» обоснована необходимость введения Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ) [5]. Первоначально ЕГИСЗ состояла из 13 подсистем, образующих в своей совокупности комплекс технологических инструментов, помогающих систематизировать данные, стандартизировать процессы, упростить доступ к медицинским услугам для граждан и медицинским данным для работников разных медучреждений. Постановлением Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2022 года № 140 «О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)» определены концептуальные аспекты обновленной ЕГИСЗ, увеличено количество входящих в нее подсистем (с 13 до 16), что свидетельствует о продолжаю-

шейся информатизации здравоохранения. Выполняя стоящие перед ЕГИСЗ задачи, поэтапно (до 2024 года) достигается главная цель – сделать медицину более качественной и доступной для всех граждан. Электронные сервисы повышают прозрачность всех процессов, за счет чего государству можно эффективнее управлять и контролировать весь сектор здравоохранения.

С 1 января 2017 года в России был запущен Федеральный реестр инвалидов. Это самая большая государственная информационная система, которая содержит сведения о лицах, признанных в установленном порядке инвалидами, в том числе ребенком-инвалидом. Оператором единой базы является Пенсионный фонд России в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 16 июля 2016 года №1506-р «Об утверждении Концепции создания, ведения и использования федеральной государственной информационной системы «Федеральный реестр инвалидов»» [6]. Сведения, содержащиеся в реестре, используются как для информирования граждан, так и органов государственной власти, которым необходимы эти данные для предоставления инвалидам запрашиваемых услуг.

Перечень информационных ресурсов, функционирующих сегодня в России, можно продолжать, т.к. влияние цифровизации на систему социального обеспечения велико (это и различные Регистры получателей услуг, и Единая интегрированная информационная система «Соцстрах» и т.п.). Но характеристика вышеназванных систем свидетельствует об общем характере аккумулируемых в них сведений. В то же время отмечается и присутствие в едином информационном поле дифференцированного подхода в решении вопросов социальной защищенности отдельных категорий граждан.

Характеризуя вопросы внедрения цифровых технологий в систему социальной поддержки граждан, пострадавших от воздействия радиации, следует отметить создание специализированного свода информации – Реестра получателей мер социальной поддержки граждан, подвергшихся воздействию радиации. Организациями, подведомственными Федеральной службе по труду и занятости, до 7 января 2022 года осуществлялось ведение этого Реестра (письмо ФС от 7 апреля 2020 года № 86). В связи с внесенными изменениями, права по предоставлению компенсационных и иных выплат таким гражданам были переданы Пенсионному фонду Российской Федерации. Следовательно, с 2022 года изменился не только оператор информационной системы, но и условия предоставления – все услуги переведены в электронный вид. К числу таких выплат относятся: компенсации пострадавшим вследствие аварии на Чернобыльской АЭС; ежемесячная компенсация за проживание или работу в зонах радиоактивного загрязнения; ежегодное вознаграждение за работу в зонах радиоактивного загрязнения; ежемесячная компенсация в возмещение вреда здоровью инвалидам; ежемесячная компенсация в возмещение вреда здоровью нетрудоспособным; оплата дополнительного отпуска и единовременная компенсация на оздоровление; ежемесячное пособие гражданам, проживающим на «загрязненной» территории и зарегистрированным в качестве безработных; сохранение среднего заработка на период обу-

чения новым профессиям и трудоустройства после переезда из отдельных зон радиоактивного загрязнения; ежемесячная выплата на детей до 3 лет; ежемесячная компенсация приобретения продовольственных товаров; ежемесячная компенсация на питание детей; ежемесячная компенсация на питание с молочной кухни для детей до 3 лет; единовременная выплата и компенсация расходов при переселении из радиоактивных зон; единовременная компенсация утраченного имущества; ежемесячная компенсация по потере кормильца; единовременная выплата на погребение; единовременная выплата по потере кормильца. Для получения одной из перечисленных услуг достаточно обратиться в клиентскую службу ПФР в электронном виде. Хотя стоит заметить, что правило об обращении в электронном виде касается только новых получателей, а те, кому выплаты были назначены ранее, автоматически переведены в базу данных ПФР.

Перспективность происходящих изменений несомненна – это и сокращение числа документов, подтверждающих право на выплаты, и сокращение сроков назначения и выплаты (от 5 до 10 рабочих дней). В дальнейшем планируется расширить каналы оформления пособий и запустить подачу электронных заявлений. Однако, несмотря на качественные сдвиги происходящих процессов цифровизации, очевидным становится избыточность созданных информационных систем. Зачастую информация дублируется, не всегда обеспечивается эффективное взаимодействие организаций и органов исполнительной власти, равно как и продолжает сохраняться сложившаяся практика ведения документации в привычном бумажном виде.

Существенным недостатком, относящимся в полной мере и к системе социальной поддержки пострадавших от радиации, является недостаточная актуальность информации о получателе, степени его нуждаемости, что создает определенные проблемы в реализации принципа адресности. Первоочередной мерой преодоления сложившейся ситуации выступает интеграция в единую цифровую платформу (ГИС ЕЦП), способную объединить все меры социальной поддержки. Объединение ключевых социальных сервисов Министерства труда России, ПФР, ФСС, учреждений медико-социальной экспертизы в единой технической структуре «Социальное казначейство» повысит качество предоставляемых услуг, снизит издержки на их предоставление, расширит состав цифровых сервисов для граждан и организаций. Развитие ГИС ЕЦП в перспективе приведет к тому, что значительное количество услуг будет функционировать в проактивном режиме, без необходимости подавать документы. Кроме того, реализовывать взаимодействие с гражданами с использованием различных сервисов можно будет с учетом их физических особенностей. Допустим, граждане с нарушением слуха смогут воспользоваться чат-ботом веб-версии или мобильного приложения, а с нарушением зрения – позвонить на единый телефонный номер контакт-центра [7, с. 62].

Таким образом, можно выделить несколько аспектов, характеризующих влияние цифровизации на развитие системы социальной поддержки граждан, пострадавших от радиационного воздействия. Так, сбор информации о нуждающихся в поддержке гражданах, аккумулирование такой специальной информации, в первую очередь, сви-

детельствует об усилении принципа адресности при предоставлении мер социальной поддержки, гарантированных законодательством данной категории. Кроме того, при решении вопросов о назначаемых мерах, определяются критерии реальной нуждаемости. При этом нельзя не заметить, что удовлетворяются не только частные, но и публичные интересы. Важно подчеркнуть, что информационные технологии оказывают существенное влияние на правовое регулирование и повышают его эффективность. Речь в данном случае идет о весьма специфическом воздействии на человеческий организм, когда радиоактивное излучение в сверхдопустимых дозах вызывает нарушения процессов жизнедеятельности, приводит к заболеваниям или смерти. Для изучения влияния с целью прогнозирования радиологических последствий, еще в 1986 году (после Чернобыльской катастрофы) был создан Всесоюзный распределительный регистр лиц, подвергшихся радиационному воздействию, ставший первым информационным ресурсом, обобщающим исследовательские данные. С 1993 года сбор и анализ категорий пострадавших, данные наблюдения за состоянием (изменением состояния) здоровья размещаются в Национальном радиационно-эпидемиологическом регистре (НРЭР). НРЭР как мониторинговые сведения за состоянием здоровья пострадавших от воздействия радиации, обобщает в себе различные категории пострадавших как от катастрофы на Чернобыльской АЭС и их потомков (12 категорий), так и пострадавших от воздействия радиации вследствие аварии на ПО «Маяк» и сброса радиоактивных отходов в реку Теча (категорий), а также лиц, подвергшихся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне (3 категории) и граждан из числа ветеранов подразделения особого риска (1 категория). Несмотря на свою узкую направленность, данные НРЭР служат непосредственным основанием при определении права на меры социальной поддержки. Подтверждает данный вывод Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 54-П «По делу о проверке конституционности пункта 9 части первой статьи 27-1 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в связи с жалобой гражданки А.Н. Меджидовой», где указывается на обязательность использования включенной в НРЭР информации для объективной (включая экспертную) оценки риска неблагоприятных последствий радиационного воздействия, уточнения критериев дифференциации возмещения вреда, его причиненного, адресной социальной защиты, направленной на компенсацию риска отдаленных медицинских радиологических последствий [8]. С целью устранения выявленного несоответствия правового регулирования Правительством РФ разработан законопроект № 130593-8 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», который 20 сентября 2022 года был принят Государственной Думой в первом чтении [9].

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнем, что цифровизация всей социальной сферы предполагает изменение процессов, организационной структуры, осуществля-

емых функций, принципов принятия решений и взаимодействия организаций с гражданами и юридическими лицами. И в полной мере это отражается на системе социальной поддержки граждан, пострадавших от неблагоприятного воздействия радиации.

Библиографический список

1. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. № 16). Текст паспорта официально опубликован не был.

2. Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты РФ, на период до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ от 20 февраля 2021 г. № 431-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2021. – № 10. – Ст.1634.

3. О Единой государственной информационной системе социального обеспечения: постановление Правительства РФ от 14 февраля 2017 г. № 181 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 8. – Ст.1249.

4. О государственной социальной помощи: фед. закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1999. – № 29. – Ст. 3699.

5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

6. Об утверждении Концепции создания, ведения и использования федеральной государственной информационной системы «Федеральный реестр инвалидов»: распоряжение Правительства РФ от 16 июля 2016 г. №1506-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 31. – Ст. 5040.

7. Сайфутдинова, В. М. Информатизация в праве социального обеспечения / В. М. Сайфутдинова // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 4 (62). – Часть 2. – С. 62.

8. По делу о проверке конституционности пункта 9 части первой статьи 27-1 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в связи с жалобой гражданки А.Н. Меджидовой: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 54-П. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112270002> (дата обращения: 14.10.2022).

9. О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»: законопроект № 130593-8 [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности: информационный ресурс Государственной Думы. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/130593-8> (дата обращения: 14.10.2022).

Шаймуллин Р.К., доцент кафедры теории государства и права и конституционного права Оренбургского государственного университета, канд. юрид. наук, доцент

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕР
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НОВЫМ ФОРМАМ ПРОЯВЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ,
СВЯЗАННЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**SELECTED ISSUES OF IMPROVING MEASURES TO COUNTER
THE NEW FORMS OF CORRUPTION ASSOCIATED WITH THE USE
OF DIGITAL TECHNOLOGIES**

***Аннотация.** В статье дан краткий анализ совершенствования отдельных мер по противодействию коррупции в условиях использования цифровых технологий. Особое внимание при этом уделяется отдельным новеллам и пробелам антикоррупционного законодательства, требующего приведения в соответствие с Национальным планом противодействия коррупции на 2021-2024 годы, создающего условия для дальнейшей борьбы с коррупцией в России.*

***Abstract.** The article provides a brief analysis of the improvement of individual measures to combat corruption in the context of the use of digital technologies. Particular attention is paid to certain novelties and gaps in the anti-corruption legislation, which requires bringing it into line with the National Anti-Corruption Plan for 2021-2024, which creates conditions for the further fight against corruption in Russia.*

***Ключевые слова:** коррупция, антикоррупционное законодательство, национальный план противодействия коррупции, цифровая валюта, цифровые финансовые активы.*

***Keywords:** corruption, anti-corruption legislation, national anti-corruption plan, digital currency, digital financial assets.*

Новый Национальный план противодействия коррупции на 2021-2024 годы, утвержденный Президентом РФ 16.08.2021, содержит специальный Раздел XVI «Применение цифровых технологий в целях противодействия коррупции и разработка мер по противодействию новым формам проявления коррупции, связанным с использованием цифровых технологий», в котором определены отдельные направления борьбы с коррупцией в российском обществе с использованием цифровых технологий как в традиционных сферах, уже существующих в антикоррупционном законодатель-

стве, так и определяются новые направления для правоприменителя [1]. В этом Разделе определены отдельные направления совершенствования мер по борьбе с коррупцией с учетом новой реальности, а именно, так называемой цифровизации общественных отношений. Диалектически цифровизация охватывает как положительные, так и отрицательные явления общества, включая коррупцию, описанную в ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [2].

Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] в статью 8 «Представление сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» Федерального закона «О противодействии коррупции» была введена часть 10, в которой указано, что для целей настоящего Федерального закона цифровая валюта признается имуществом.

Понятие цифровой валюты дается в ч.3 ст.1 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: «Цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам».

Как можно заметить, признавая цифровую валюту для целей противодействия коррупции имуществом, законодатель не до конца учел возможность использования других инструментов имущественного характера в цифровом выражении. Поскольку, бланкетный характер нормы ст. 8 Федерального закона «О противодействии коррупции» предполагает обращение к другому нормативному акту при формулировании понятия «цифровая валюта», то, снова обращаясь к вышеуказанному 259-ФЗ от 31.07.2020, мы отмечаем, что в нем наряду с цифровой валютой, законодатель оперирует таким понятием как «цифровые финансовые активы», а их сущность при рассмотрении определения, данного в ч.2 ст. 1 этого Федерального закона, как можно заметить, носит имущественный характер: «Цифровыми финансовыми активами при-

знаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы». По сути, можно сделать вывод, что это такие же ценные бумаги, которые были «оцифрованы» и содержат в себе права требования аналогично содержащихся в «классических» ценных бумагах (акции, векселя, облигации и др.), указанных в Гражданском кодексе РФ, и являющихся предметом антикоррупционного декларирования государственных и муниципальных служащих. Считаем это существенным пробелом в антикоррупционном законодательстве РФ, которое необходимо устранить, дополнив ст. 8 Федерального закона «О противодействии коррупции» соответствующим положением о цифровых финансовых активах, признаваемых наряду с цифровой валютой в качестве имущества.

Напомним также, что в настоящее время готов и внесен для рассмотрения в Правительство Российской Федерации законопроект «О цифровой валюте», подготовленный Министерством финансов РФ. Как указывает само Министерство финансов Российской Федерации, помимо разрешительных процедур, в этом законопроекте содержится множество запретительных мер, свидетельствующих о том, что наряду с реальной, цифровая валюта также должна быть урегулирована комплексом правовых норм, содержащих классическую триаду их содержания – гипотезу, диспозицию и санкцию.

Для нужд антикоррупционной политики можно отметить предлагаемые Минфином РФ следующие меры: запрет использования цифровых валют в качестве средства платежа на территории Российской Федерации, операции с покупкой или продажей криптовалюты будут возможны только при условии проведения идентификации клиента, операторы, как и банки, будут обязаны осуществлять комплаенс процедуры и информировать Росфинмониторинг о выявленных подозрительных операциях, в законопроекте предусмотрен механизм информирования налоговых органов сведениями, необходимыми для осуществления ими контрольных и надзорных функций и другие [4].

Рассмотренные выше примеры доказывают, что переход на уровень цифровизации общественных отношений и их правового регулирования несет в себе определенные проблемы для юриспруденции. Рассмотрение только малых аспектов института противодействия коррупции, его проблем, противоречий и пробелов, связанных с цифровым прогрессом общества, показывает и переход классических противоречий и проблем юриспруденции на новый «цифровой» уровень. Это требует от юристов более тщательного подхода в формулировании юридических терминов, сопоставлении в комплексе законодательства в области борьбы с коррупцией, выборе механизмов

юридической техники с учетом «цифровизации» общественных отношений в области противодействия коррупции и многого другого.

Библиографический список

1. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы: Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система / разработ. НПО «Вычисл. математика и информатика». – М.: КонсультантПлюс, 1997-2022. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_392999/be374c4d18d96b8a38c10685d1056efa5924bd56/ (дата обращения: 22.10.2022).

2. О противодействии коррупции: Федеральный закон РФ от 25.12.2008 №273-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система / разработ. НПО «Вычисл. математика и информатика». – М. : КонсультантПлюс, 1997-2022. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения 24.10.2022).

3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система / разработ. НПО «Вычисл. математика и информатика». – М.: КонсультантПлюс, 1997-2022. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения 24.10.2022).

4. Минфин России направил в Правительство России проект федерального закона «О Цифровой валюте» // Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37774-minfin_rossii_napravil_v_pravitelstvo_rossii_proekt_federalnogo_zakona_o_tsifrovoi_valyute (дата обращения 24.10.2022).

Юрченко Л.В., мировой судья, старший преподаватель кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Оренбургского государственного университета, канд. юрид. наук

**ДОСТАТОЧНОСТЬ ОСНОВАНИЙ И ДОСТАТОЧНОСТЬ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ДЛЯ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ**

**SUFFICIENCY OF GROUNDS AND SUFFICIENCY OF EVIDENCE FOR
THE APPOINTMENT OF A COURT SESSION**

***Аннотация.** Исследование посвящено первоначальной стадии судебного разбирательства подготовке дела к судебному заседанию, где решаются, по мнению автора, наиболее ключевые вопросы «предания суду». Так же автор размышляет над отличиями между достаточностью оснований и достаточностью доказательств для назначения судебного заседания.*

***Abstract.** The study is devoted to the initial stage of the trial, the preparation of the case for the court session, where, according to the author, the most key issues of "bringing to trial" are resolved. The author also reflects on the differences between the sufficiency of grounds and the sufficiency of evidence for the appointment of a court session.*

***Ключевые слова:** уголовно-процессуальное право, суд, оценка, формализм, доказательства.*

***Keywords:** criminal procedure law, court, evaluation, formalism, evidence.*

По УПК РСФСР суд был обязан выяснить наличие достаточных доказательств полагать, что дело может быть рассмотрено по существу (п. 3 ст. 222 УПК РСФСР). «Достаточности» уделялась особая роль. Указывалось также, что специфика оценки доказательств на этапе, где решается вопрос о назначении судебного заседания, состоит в том, что она, основанная на письменных материалах дела, позволяет судье решить вопрос о том, имеются ли достаточные доказательства для законного решения вопроса о виновности обвиняемого на этапе судебного разбирательства [1, с. 74].

Стоит ли такая задача перед судом сегодня?

По поводу него в науке уголовно-процессуального права существуют различные точки зрения, кроме того, его разрешение напрямую связано с оценкой, поскольку «достаточность» – одно из ее свойств.

Так, по мнению одних ученых, в обязанности судьи на этапе подготовки дела к

судебному заседанию всегда входило выявление *достаточности*, и входит до сих пор [2, с. 60], другие, напротив, считают, что такая задача ушла в прошлое [3, с. 31]. Существует также дифференцированный подход к данному вопросу. Так, А.В. Смирнов считает, что вопрос о достаточности доказательств может рассматриваться на этапе подготовки дела к судебному заседанию судьей лишь в форме предварительного слушания и лишь о наличии оснований для приостановления или прекращения уголовного дела (ст. ст. 238, 239 УПК). Вопрос же о достаточности доказательств для рассмотрения дела в судебном разбирательстве решает теперь прокурор, направляя дело в суд в порядке ст. 222, п. 1 ч. 1 ст. 226 УПК [4, с. 563-564].

История уголовного судопроизводства свидетельствует о том, что ценность той роли, которую выполняет тот этап, на котором окончательно разрешается вопрос о достаточности оснований для передачи дела на рассмотрение его по существу, а обвиняемого назвать подсудимым, повышается тогда, когда человечество входит на такую ступень своего развития, которая позволяет осознавать ценность таких понятий, как: личная свобода человека, его неприкосновенность, недопустимость привлечения к суду невиновных без достаточных к тому оснований, потребность защиты интересов обвиняемого и так далее. Именно поэтому, как представляется, на протяжении всего двадцатого столетия, применительно к России, потребность и роль рассматриваемого этапа то возрастала, то становилась пустой формальностью и обсуждением имеющихся юридических формулировок, не имеющих какого-либо практического значения. В результате чего на страницах периодической печати прошлых лет зачастую можно было встретить предложения о ее ликвидации.

Анализ научной литературы, исследующей этот вопрос, обращает внимание на то обстоятельство, что в одних источниках речь идет о *достаточности доказательств* [5, с. 71], в других - о *достаточности оснований* [6, с. 54]. Представляется, что подобное смешение недопустимо, поскольку они все же имеют разную природу, для выяснения которой обратимся к терминологии.

Согласно Толковому Словарию Русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой основание – это причина, достаточный повод, оправдывающий что-нибудь [7, с. 144]. Согласно ч. 1 ст. 74 УПК доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Таким образом, достаточность оснований и достаточность доказательств – понятия, совершенно разные по своему смысловому значению, кроме того, они порождают разные последствия, так как достаточность доказательств непременно приведет к выводу о виновности (невиновности) обвиняемого, а достаточность оснований – к выводу о достаточности юридических и фактических данных для назначения по делу судебного разбирательства, что и является, в самом общем смысле, задачей данного этапа.

Отметим, что согласно п. 3 ст. 222 УПК РСФСР суд был обязан установить до-

статочность именно *доказательств* и принять решение о назначении судебного заседания для последующего разрешения вопроса о виновности (невиновности) обвиняемого, что, как представляется, вызывало у судьи предустановленное решение по делу.

В связи с переоценкой назначения уголовно-процессуального законодательства вопрос о *достаточности доказательств* остался в прошлом. Существование непреложного правила о том, что для принятия любого процессуального решения правоприменителем должны быть установлены достаточные основания для этого, обязывает судью установить *достаточность оснований* к тому, чтобы назначить по делу судебное разбирательство. Кроме того, закон обязывает принятые решения быть законными, обоснованными и мотивированными (ч. 4 ст. 7 УПК). Примером может служить принятие решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу – прежде чем его принять, судья выясняет наличие достаточных оснований, что обвиняемый скроется или продолжит заниматься преступной деятельностью (ч. 1 ст. 97 УПК).

Таким образом, прежде чем назначить судебное заседание, судья должен убедиться в наличии оснований и отсутствии препятствий для этого. Так, А.А. Юнусов в своей работе, посвященной исследованию вопросов по данной направленности, справедливо отмечает, что именно результаты подобной оценки, в том числе, сформулированные в итоговых выводах судьи, служат дополнительной процессуальной гарантией прав, свобод и законных интересов участников процесса, интересов государства и общества [8, с. 19]. И уже при судебном разбирательстве суд в порядке судебного следствия, руководствуясь принципами устности, гласности и непосредственности, опросив всех свидетелей и иных лиц о деталях рассматриваемого дела, выясняет вопрос о том, насколько достаточно доказательств, подтверждающих предъявленное обвинение. Полагаем, именно опасение за возможность преждевременного разрешения вопроса о виновности обвиняемого является основной причиной, по которой ряд процессуалистов отрицательно относятся к рассмотрению вопроса «о достаточности оснований» на этапе подготовки дела к судебному заседанию [9, с. 176]. В некоторых работах прошлых лет указывалось также, что под достаточностью доказательств для рассмотрения дела в судебном заседании следует понимать такую их совокупность, которая приведет судью к убеждению, что собранные органами предварительного расследования доказательства, в случае их подтверждения в судебном заседании, не приведут к вынесению оправдательного приговора [10, с. 76], а основная цель его «установить, собраны ли в отношении обвиняемого достаточные данные, изобличающие его в совершении конкретного преступления...» [11, с. 7]. Ученые ставили вопрос о том, может ли судья вынести постановление о назначении дела к судебному заседанию «не проверив материалов дела, не оценив доказательств по делу, не сделав вывода о виновности или невиновности привлеченного к уголовной ответственности лица» [12, с. 81].

Конечно, после подобной постановки цели (вопроса) исследования материалов уголовного дела у судьи возникнет предвзвешивание вопроса о виновности обвиняемого.

При этом отметим, что судья в порядке общей подготовки дела к судебному заседанию оценивает достаточность оснований с учетом специфики разрешаемых здесь задач, круга обстоятельств, составляющих предмет уголовно-процессуального доказывания, но не оценивает степень доказанности обстоятельств, составляющих предмет уголовно- процессуального доказывания, в противном случае судья бы вышел за пределы той оценки, которая дозволена ему на данном этапе судопроизводства, а значит, предreshил бы вопрос о виновности обвиняемого. Кроме того, цель выявления достаточности оснований на данном этапе судопроизводства заключается не в том, чтобы разрешить вопрос о виновности обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении, а в достаточности необходимых оснований для того, чтобы беспрепятственно рассмотреть дело и вынести по нему справедливое и законное решение.

Решение вопроса о *достаточности оснований* одни ученые связывают с реализацией принципа равенства граждан перед законом и судом, так как суд назначает дело к судебному заседанию только по обоснованному обвинению, тем самым достигая равенство в праве не быть необоснованно подвергнутым суду [13, с. 93]. Другие ученые связывают его как с юридическим основанием (правильностью правовой квалификации действия обвиняемого, соблюдения по делу требований уголовно-процессуального закона), так и с достаточностью доказательств для рассмотрения дела в судебном заседании по существу [14, с. 68].

Судебное производство является главным, решающим по уголовным делам, по которым проводилось предварительное расследование. Однако еще до рассмотрения уголовного дела по существу в судебном заседании у суда должно быть убеждение в том, что имеются *достаточные основания* для назначения судебного разбирательства. Вопрос о познавательной природе знаний судьи при решении им вопроса о назначении судебного заседания неправомерно связывать с условиями вынесения обвинительного или оправдательного приговора [15, с. 76]. Поскольку достаточность оснований связана здесь с законностью предоставленных органами предварительного расследования материалами, кроме того, как отмечалось, оценочные действия судьи при вынесении им любого решения на данном этапе ограничены его задачами, что делает весьма затруднительным решение вопроса о виновности или невиновности обвиняемого, так как оно выносится по письменным материалам дела, за пределы которого суд выйти не вправе. Весьма важным аспектом при любой деятельности является осознание субъектом этой деятельности четкой *цели* этой деятельности, поскольку ее отсутствие превращает деятельность в самоцель, делая ее беспредметной. В уголовном судопроизводстве отсутствие цели чревато, кроме всего прочего, предустановленным выводом о виновности обвиняемого.

Исходя из вышесказанного следует, что необходимо различать знание, которое закон связывает с достаточностью оснований к тому, чтобы назначить по делу судебное заседание, и психологическим отношением судьи к этому знанию [16, с. 77]. Поскольку в последнем случае действительно может возникнуть внутренняя уверенность в виновности (невиновности) обвиняемого.

Библиографический список

1. Алексеев, Н. С. Должен ли оценивать суд доказательства в стадии предания суду / Н.С. Алексеев, В.З. Лукашевич // Правоведение. – 1958. – № 3. – С. 74.
2. Волколуп, О. В. Система уголовного судопроизводства и проблемы его совершенствования / О. В. Волколуп. – СПб.: Питер, 2003. – С. 60.
3. Кудин, Ф. М. О достаточности доказательств в стадии назначения судебного заседания / Ф. М. Кудин // Актуальные проблемы реформирования экономики и законодательства России и стран СНГ: материалы Международной научно-практической конференции, Челябинск 12-13 апреля 2001 г.: В 3 ч. / Под общ. ред. В.А. Киселевой. – Челябинск: Южно- Уральский гос. ун-т, 2001. – Ч. 2. – С. 31.
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Под ред. А.В. Смирнова. – СПб.: Питер, 2003. – С. 563-564.
5. Грошевой, Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе / Ю. М. Горшевой. – Харьков: Изд-во при Харьковском ун-те, 1979. – С. 71.
6. Гуськова, А. П. Теоретические и практические аспекты установления данных о личности обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве: учеб. пособие / А. П. Гуськова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИГ Юрист, 2002. – С. 54.
7. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская ЛН; Российский фонд культуры / Под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. – М.: АЗЪ, 1995. – С. 144.
8. Ковтун, Н. Н. Стадия подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: проблемы нормативного регулирования и практической реализации: учеб. пособие / Н. Н. Ковтун, Л. Л. Юнусов. – Казань: Новое знание, 2005. – С. 19.
9. Так например см. Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное доказывание: учеб. пособие / З. З. Зинатуллин. – Ижевск: Детектив-информ, 2003. – С. 176.
10. Грошевой, Ю. М. Указ. соч. – С. 76.
11. Кустов, И. Полнее использовать возможности стадии предания суду / И. Кустов // Советская юстиция. – 1969. – № 4. – С. 7.
12. Хомовский, А. Подготовительное заседание суда / А. Хомовский // Социалистическая законность. – 1958. – № 6. – С. 81.
13. Егоров, А. Ю. Состязательность в стадии назначения судебного заседания: дисс. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Егоров. – Екатеринбург, 2003. – С. 93.
14. Грошевой, Ю. М. Указ. соч. – С. 68.
15. Там же. – С. 76.
16. Там же – С. 77.

**Бауэр Д.А., магистрант кафедры
уголовного права Оренбургского
государственного университета**

Научный руководитель:

Баглай Ю.В., доцент кафедры уголовного права Оренбургского
государственного университета, канд. юрид. наук, доцент

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЕЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ

DIGITALIZATION AND ITS CRIMINAL LAW RISKS

***Аннотация:** В статье рассматриваются и анализируются основные отрасли жизнедеятельности человека, на которые современные технологии, а также технологии будущего оказывают самое большое воздействие. В этой связи исследуются уголовно-правовые вопросы и законодательство Российской Федерации, которое необходимо адаптировать под информационное общество и успешно применять против различных угроз. Быстрый темп развития киберугроз, компьютерных преступлений, «анонимных» преступлений может привести к тому, что законодателю придется ухищряться и вносить кардинальные изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации.*

***Abstract:** The article discusses and analyzes the main branches of human life, which modern technologies, as well as technologies of the future, have the greatest impact on. In this regard, criminal law issues and the legislation of the Russian Federation are being studied, which must be adapted to the information society and applied against various threats. The rapid pace of development of cyber threats, computer crimes, «anonymous» crimes can lead to the fact that the legislator will have to contrive and make fundamental changes to the Criminal Code of the Russian Federation.*

***Ключевые слова:** уголовное право, киберугрозы, компьютерные преступления, сеть Интернет, технологии, информационное общество.*

***Key words:** criminal law, cyberthreats, computer crime, Internet, technology, information society.*

Стремительный рост цифровизации современного общества неразрывно связан с появлением новых проблем в праве. Тематика цифровизации особенно актуальна в настоящее время у специалистов по уголовному праву, так как каждое четвертое преступление в Российской Федерации совершается с использованием IT-технологий [3].

В Указе Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О стратегии

развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» указано, что электронные средства массовой информации, информационные системы, социальные сети, доступ к которым осуществляется с использованием сети «Интернет», стали частью повседневной жизни россиян. Пользователями российского сегмента сети «Интернет» в 2016 году стали более 80 000 000 человек [2].

Данный факт свидетельствует о том, что общество как динамическая и саморазвивающаяся система все чаще использует информационно-телекоммуникационную сеть Интернет в своей повседневной жизни, с каждым годом все больше разных слоев населения постигают современные новшества.

Некоторые риски в различных областях жизни человека, связанные с внедрением цифровых технологий, являются предметом изучения в конкретной статье. Вместе с рассмотрением некоторых рисков оценивается сама отрасль цифровизации и ее плюсы.

E-commerce (онлайн-торговля) – это электронная торговля, которая объединяет все площадки и сервисы, где оплата происходит онлайн, позволяющая купить и продать товар или услугу через сеть «Интернет», а также передать денежные средства и сведения дистанционным путем. Проблематика правового регулирования онлайн-торговли начала активно появляться в России только в последнее время, так как успешные российские кейсы e-commerce такие как: «Wildberries», «Ozon», «Яндекс.Маркет» составили конкуренцию на местном рынке зарубежным крупным продавцам буквально недавно. Основные проблемы, которые можно выделить в данной сфере: идентификация участников сделки; электронный документооборот; безопасность обмена данными [4, с. 182-184].

Онлайн-торговля имеет и плюсы по сравнению с классическими методами ведения бизнеса. Покупатели имеют право осуществлять поиск товаров со своими фильтрами, формировать заказ на любую дату, сравнивать цены и характеристики товаров, брать кредиты и рассрочки дистанционно прямо на площадках e-commerce. Продавцы в свою очередь могут хранить товар на специализированных складах маркетплейсов, не иметь в штате своих сотрудников и дистанционно реализовывать товары, находясь дома. Данные удобства привлекают граждан для пользования онлайн-торговлей. Однако, есть ряд проблем, на которые стоит обратить внимание.

Такой вид торговли способствует нелегальным продажам товаров. Некоторые площадки находятся в анонимной зоне, где ни покупатель, ни продавец не обмениваются сведениями друг о друге, это приводит к тому, что с каждым годом растет объем продажи запрещенных товаров (оружие, наркотические изделия и т.д.). Оборот виртуальных и цифровых валют направлен на сокрытие факта покупки или продажи запрещенных предметов. Виртуальные товары и валюты ценны в виртуальной анонимной среде, так как они позволяют проводить различного рода спекуляции в целях сокрытия происхождения преступно полученных денежных средств и их дальнейшей легализации. Также злоумышленники могут взломать доступ к личному кабинету онлайн-магазина и приобрести товар на банковскую карту, которая привязана к аккаунту, и

указать необходимый адрес для получения товара [5, с. 136].

Цифровая логистика – это цифровые технологии, обеспечивающие оптимизацию маршрутов, прогнозирование потребностей, улучшение цепей поставок. При помощи цифровизации и технологий логистика может выйти на новый уровень, позволяя отслеживать груз и пассажира в режиме реального времени. Цифровые технологии позволяют осуществлять мониторинг и отслеживать все логистические цепочки, уведомлять оператора о местонахождении, загруженности, маршруте и т.д. При помощи цифровых инноваций в смартфоне на сегодняшний день можно отследить все виды поездов и маршрутов.

Несчастные случаи на складских помещениях и транспорте происходят на сегодняшний день чаще по вине сотрудников, то есть срабатывает человеческий фактор. Ошибки операторов, логистов, водителей, пилотов являются причинами несчастных случаев. Современные технологии могут помочь уменьшить количество несчастных случаев в данной отрасли. Например, уже используются беспилотные автомобили и самолеты, беспилотные летательные аппараты, которые самостоятельно передвигаются благодаря специальному программному обеспечению и сенсорам. Они могут отслеживать внешние условия в режиме реального времени, держать оптимальное расстояние между другими объектами, контролировать скорость и курс. Однако при использовании современных технологий риски несчастных случаев не пропадают из вида, а лишь трансформируются и перерастают в другие проблемы.

Причинами аварий беспилотных аппаратов могут стать технические сбои, а также сторонние вмешательства со стороны преступных лиц. К техническим следует отнести: механические неисправности; неправильная настройка аппарата; ошибки в самой управляющей системе, а к преступным: применение беспилотных аппаратов в целях террористических атак; использование беспилотных аппаратов в целях незаконного пересечения пограничных границ между странами, а также в целях доставки наркотических средств. Даже в случае, если сотрудники правоохранительных органов пресекут незаконную деятельность с использованием беспилотного аппарата, то установить лицо, которое управляло им, будет затруднительно, так как лицо может находиться в другой стране, использовать различные программы в целях сохранения своей анонимности.

Цифровизация меняет способы ведения бизнеса и управления государством. Создаются потенциальные киберугрозы, которые раньше вообще не существовали. Преступления становятся более современными и инновационными. Подготовка законодательства, регулирующего проблемы цифровизации, должна сопровождаться оценкой рисков с целью разработки или улучшений уголовно-правовых норм, охраняющих общественные отношения.

Российское уголовное законодательство разделяет преступления в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ) и иные деяния, в которых под угрозу ставится информационная безопасность или указывается на используемое средство сеть «Интернет» [1]. Данный подход обусловлен тем, что информация зачастую становится не

только целью преступных посягательств, но и средством совершения преступлений. Путь конструирования составов преступления, направленных на противодействие преступлениям в информационной среде, всегда будет отставать и не сможет охватывать все возможные общественно опасные деяния и их последствия, так как рост цифровизации общества стремительно растет. Вышеуказанные обстоятельства могут послужить для формирования новой главы Уголовного кодекса Российской Федерации, посвященной информационной безопасности, которая сможет объединить в себе компьютерные преступления и иные деяния, связанные с незаконным использованием информации, сопровождающиеся причинением ущерба, вреда здоровью и жизни человека. Тем самым будет произведено объединение правовых инструментов для противодействия преступлениям, совершаемым с помощью современных технологий, а судебная практика со временем станет единой [6, с. 146].

Таким образом, цифровизация современного общества имеет свои как положительные, так и отрицательные стороны. Положительные упрощают жизнь человека в различных сферах жизнедеятельности, а отрицательные несут новые угрозы обществу, которые не получают отражение в уголовном законодательстве. Полагается необходимым выработать единообразный подход и частично пересмотреть уголовно-правовую политику.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-июнь 2022 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/31209853/> (дата обращения 27.10.2022).
4. Нугаев, Ш. Р. Проблемы правового регулирования электронной коммерции: доктринальные аспекты / Ш. Р. Нугаев // Российский юридический журнал. – 2010. – № 2. – С. 182–184.
5. Гузеева, О. С. Преступления, совершаемые в российском сегменте сети Интернет : монография / О. С. Гузеева. – Москва: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2015. – С. 136.
6. Чучаев, А. И. Цифровизация и ее уголовно-правовые риски / А. И. Чучаев, Ю. В. Грачева, С. В. Маликов // Правосудие. – 2019. – Т. 1. – № 2. – С. 133-155.

Башкирова Я.И., магистрант кафедры
гражданского права и процесса
Оренбургского государственного
университета

**О НЕСФОРМИРОВАННОСТИ В АНТИМОНОПОЛЬНОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ НЕОБОСНОВАННО ВЫСОКОЙ ЦЕНЫ, НЕ-
ОБОСНОВАННО НИЗКОЙ ЦЕНЫ**

**ON THE LACK OF FORMATION IN THE ANTIMONOPOLY
LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION OF
UNREASONABLY HIGH PRICES, UNREASONABLY LOW PRICES**

***Аннотация.** В статье рассматривается понятие необоснованно высокой (низкой) цены как одна из форм злоупотребления организацией доминирующим положением. Были кратко обозначены особенности формирования монополярной цены и даны выводы о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства.*

***Annotation.** The article considers the concept of unreasonably high (low) prices as one of the forms of abuse of a dominant position by an organization. The features of the formation of the monopoly price were briefly outlined and conclusions were made about the need for further improvement of legislation.*

***Ключевые слова:** злоупотребление доминирующим положением, монополярно высокая цена, антимонопольное регулирование.*

***Keywords:** abuse of dominant position, monopolistically high price, antimonopoly regulation.*

В системе рыночных отношений конкуренция занимает важную роль как критерий оценки эффективности экономической деятельности хозяйствующих субъектов. Во избежание тотального доминирования и монополизации крупными представителями рынка, государство призвано обеспечить комфортные условия для всех его участников.

Полноценное функционирование экономики базируется на антимонопольном законодательстве, основой которого является Федеральный закон «О защите конкуренции» № 135-ФЗ от 26.07.2006 (далее – Закон «О защите конкуренции») [1]. Данный закон освещает ряд запретов, направленных против злоупотребления хозяйствующим субъектом доминирующим положением, то есть такое положение хозяйствующего субъекта, при котором оказывается решающее влияние на общие условия обра-

щения товаров на товарном рынке или устранение с этого товарного рынка других хозяйствующих субъектов.

Проанализировав деятельность Федеральной антимонопольной службы (ФАС) было выявлено, что наиболее часто встречающимся видом злоупотребления доминирующим положением среди финансовых организаций является установление необоснованно высокой (низкой) цены товара, которая приводит к недопущению, ограничению и устранению конкуренции и (или) ущемлению интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей.

На основании статьи 6 Закона «О защите конкуренции» формирование монополю высокой цены товара происходит при наличии таких признаков как:

- превышение цены над суммами необходимых для производств и реализации товаров расходов и прибыли;
- превышение цены над ценами, сформировавшимися в условиях конкуренции на сопоставимом товарном рынке.

Первый признак формируется с помощью затратного метода, второй – с помощью метода сопоставимых рынков. Определение монополю высокой цены товара допускается с использованием одного из методов, то есть наличие одновременно двух критериев не требуется, что законодательно закреплено Разъяснениями № 1 Президиума Федеральной антимонопольной службы «Определение монополю высокой и монополю низкой цены товара», утвержденными протоколом Федеральной антимонопольной службы от 10 февраля 2016 № 2 [2].

Оценку цены товара на предмет того, является ли она монополю высокой или низкой, необходимо начинать с установления наличия сопоставимых конкурентных рынков. Рынок считается сопоставимым если он аналогичен рассматриваемому по составу покупателей или продавцов товара, условиям обращения товара, условиям доступа на рынок, государственному регулированию (включая налогообложение и таможенно-тарифное регулирование). Таким образом, отсутствие сопоставимого рынка и, соответственно, возможности сравнения уровня цен, говорит о невозможности применения данного критерия для рассматриваемого рынка.

Рассматривая затратный метод, можно увидеть, как динамика цен тесно связана с динамикой расходов. В случае, если хозяйствующий субъект занимает доминирующее положение на рынке и устанавливает цены путем увеличения ранее установленной цены товара, при этом оставляя неизменными расходы, необходимые для производства и реализации товара, то такие действия хозяйствующего субъекта квалифицируются как установление монополю высокой цены.

Следует отметить, что антимонопольное законодательство не дает разъяснений относительно того, каким образом устанавливать сумму необходимых для производства и реализации товара расходов и прибыли, в связи с чем появляются сложности установления факта монополю высокой (низкой) цены.

Также отметим, что особенность монополю высокой цены заключается в том, что она

сознательно отклоняется от реальной рыночной цены, которая устанавливается в результате взаимодействия спроса и предложения.

Таким образом, несформированность в антимонопольном законодательстве критериев необоснованно высокой (низкой) цены затрудняет установление и выявление факта таких цен, что, в свою очередь, недостаточно для создания правовой определенности. Утверждение методических рекомендаций по выявлению монопольно высокой (низкой) цены позволит нивелировать нарушения антимонопольного законодательства за счет большей прозрачности и обоснованности ценообразования, делая его более эффективным.

Библиографический список

1. О защите конкуренции: федер. закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ // Консультант-Плюс : справочная правовая система / разработ. НПО «Вычисл. математика и информатика». - М. : КонсультантПлюс, 1997-2022. – Режим доступа:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/

2. Определение монопольно высокой и монопольно низкой цены товара: Разъяснение № 1 Президиума ФАС России (утв. протоколом Президиума ФАС России от 10.02.2016 № 2) // КонсультантПлюс : справочная правовая система / разработ. НПО «Вычисл. математика и информатика». – М. : КонсультантПлюс, 1997-2022. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

К ВОПРОСУ О РЕГУЛИРОВАНИИ И ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

REGULATING AND PROTECTING HUMAN RIGHTS
IN THE DIGITAL AGE

Аннотация. Цифровизация рассматривается часто как некий новый тренд, как социального развития, так и правового регулирования. Законодатель и многие авторы выделяют особую категорию цифровых прав, но вопрос следует поставить о том, способна ли данная категория помочь создать эффективное регулирование и защиту прав человека в контексте цифровизации?

Данная статья рассматривает вопросы регулирования в условиях развития технологий, в связи с чем, целесообразным представляется дать обзор проблемных правовых вопросов, возникающих в контексте цифровизации и предложить рекомендации по регулированию с учетом как изложенных сложностей, а также позиций, предлагаемых в научной литературе.

Abstract. Digitalisation is seen as a new trend in both social development and legal regulation. Legislators and many authors have identified a specific category of digital rights, but the question must be asked whether this category is capable of helping to create effective regulation and protection of human rights in the context of digitalisation?

This article looks at regulation in the context of technological developments and it is therefore appropriate to provide an overview of the problematic legal issues arising in the context of digitalisation and to offer recommendations for regulation, taking into account both the complexities outlined and the positions suggested in the academic literature.

Ключевые слова: права человека, конституционные права, цифровизация, интернет, система распознавания изображений, неприкосновенность частной жизни.

Keywords: human rights, constitutional rights, digitalization, internet, image recognition system, privacy.

Права человека есть необходимое условие взаимодействия общества и государства. Конституция Российской Федерации в ст. 2 провозглашает права человека высшей ценностью и ставит первостепенной задачей государства их признание, соблюдение и защиту. В связи с развитием технологий расширяются возможности для посягательства на права человека, а жизненные обстоятельства (например, такие как пандемия) с необходимостью сталкивают граждан с результатами цифровизации как в сфе-

ре образования и труда, так и в отношениях с публичной властью (электронный документооборот, электронное правосудие) и даже в случае медицинского обслуживания (электронная медицина). Неприкосновенность частной жизни, право на защиту чести и доброго имени, тайна переписки и иных сообщений (ст. 23, 24 Конституции РФ) попадают под угрозу, вызванную процессами цифровизации. Вопрос о защите и гарантиях прав человека превращается в сложный законодательный вопрос: как регулировать отношения, складывающиеся в Интернете?

Данный вопрос привлекает внимание как законодателя (введение категории цифровых прав в законодательство: ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации; Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») и правоприменителя (Определение Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 № 2129-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина С. на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 10.3 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и защите информации"», Апелляционное определение Омского областного суда от 07.09.2020 № 33-4202/2020), так и правоведов. Вопросам защиты прав человека в эпоху цифровизации посвящали свои исследования С. А. Авакьян [1, с. 44-47], В.Д. Зорькин [2], Е. Ф. Довгань [3, с. 110], В.А. Лекторский [4, с. 43-52], А. В. Минбалеев [5, с. 227-231], Т. А. Полякова и Г. Г. Камалова [6, с. 22-27], Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. [7, с. 85-102] и другие.

С одной стороны, выделяют положительные последствия цифровизации: новый масштаб приобрели свобода слова, право на информацию, а также свобода массовой информации; реализация прав на доступ к правосудию, социальных прав, избирательных и права участвовать в управлении делами государства стала проще в условиях развития сетевых и электронных технологий. С другой стороны, агрессивность практики внедрения цифровых технологий ограничивает свободу выбора граждан [8, с. 383]. Массовое внедрение технологии распознавания лиц в мегаполисах посягает на неприкосновенность частной жизни и, по сути, входит в противоречие с запретом, закрепленным в ч.1 ст. 24 Конституции РФ, на сбор информации о частной жизни лица без его согласия. Наряду с технологиями распознавания изображений и речи, электронное правительство, электронный документооборот, электронная медицина, требующие выгрузки в сеть личных данных, привели к проблеме «цифровой прозрачности человека» [8, с. 382]: человек становится «прозрачным» для субъектов, которые имеют доступ к машинным данным. Технологии распознавания речи открывают простор для прослушивания телефонных разговоров и аудиосообщений и, следовательно, к нарушению конституционных прав и свобод. В больших городах технология распознавания лиц создает возможности отслеживания практически всех передвижений граждан, а возможность сопоставления данных из официальных баз и социальных сетей позволяет не только идентифицировать личность, но и создает широкие возможности для вторжения в частную жизнь граждан.

Процессы цифровизации, с одной стороны, позволили расширить возможности,

с другой стороны, своими последствиями поставили многочисленные правовые вопросы, требующие решения. Во время пандемии технологии, с одной стороны, позволили временно перейти на удаленный режим работы, дистанционное образование и даже голосование и медицинское обслуживание (телемедицина). Однако не стоит забывать, что при применении технологий осуществляется также сбор персональных данных. В России были применены обязательные к установке мобильные приложения, которые позволяли контролировать геолокации мобильных устройств, а также использовались цифровые пропуска и т.д. Встает вопрос о балансе между соблюдением интересов всего общества и конкретного субъекта. Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» выразил идею, что государство в случае реальной угрозы здоровью граждан вправе принять меры, которые временно ограничивают права отдельного гражданина во благо всего общества.

Как мы видим, в регулировании отношений, складывающихся в эпоху цифровизации, с одной стороны, необходимо помнить о балансе частных и публичных интересов. С другой стороны, государство является не единственным субъектом, который может нарушить права человека. Поставщики Интернет-услуг получают данные пользователя, и для них должны быть предусмотрены конкретные границы действий и строгие меры ответственности в случае их нарушения, поскольку подобные нарушения грозят угрозой превращения Интернета в инструмент ухудшения условий жизни граждан. То есть помимо баланса частных и публичных интересов, необходим поиск баланса между слабой и сильной стороной в частно-правовых отношениях. Не смотря на то, что как законодатель (ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации), так и многие правоведы выделяют цифровые права (относя к ним право на качество информации, право на забвение в Интернете, право на неприкосновенность частной цифровой жизни (защита от принудительно устанавливаемых приложениями сервисов геолокации, навязчивой рекламы) и пр.) [8, с. 383], подчеркивая тем самым специфику отношений, складывающихся в цифровую эпоху, на наш взгляд, необходимо понимать, является по сути формой, или же оформлением любого уже известного права: обязательственного, вещного, исключительного, личного [9, с. 31-54].

В. Д. Зорькин отмечает, что, цифровые права человека являются конкретизацией универсальных прав человека, которые гарантируются применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации международным правом и конституциями национальных государств: посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов [2]. В связи с чем, в заключение необходимо также отметить, что нельзя не учитывать в данном вопросе и опыт зарубежного

правоприменителя, а также ЕСПЧ, который неоднократно рассматривал дела о нарушении прав человека в контексте цифровизации (о понятии персональных данных в ECtHR, *Amann v. Switzerland* [GC], Judgment of 16 February 2000; защита персональных данных юридического лица в *Bernh Larsen Holding AS and Others v. Norway* ECtHR, *Bernh Larsen Holding AS and Others v. Norway*, Judgment of 14 March 2013; формы наблюдения в ECtHR, *Klass and Others v. Germany*, Judgment of 6 September 1978; перехват коммуникаций в ECtHR, *Malone v. the United Kingdom*, Judgment of 2 August 1984; хранения персональных данных органами власти в ECtHR, *Leander v. Sweden*, Judgment of 26 March 1987).

Библиографический список

1. Авакьян, С. А. Глобализация, общие конституционные ценности и национальное регулирование / С. А. Авакьян // Национальные интересы. – 2001. – № 4. – С. 44-47.
2. Зорькин, В. Д. «Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума» / В. Д. Зорькин // Российская газета. – Столичный выпуск. – № 115 (7578).
3. Довгань, Е. Ф. Права человека в эпоху информационных технологий / Е.Ф. Довгань // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 5 (45). – С. 110.
4. Лекторский, В. А. Права человека в контексте глобализации / В. А. Лекторский // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. – М., 2009. – С. 43-52.
5. Минбалеев, А. В. Трансформация правовых ценностей в процессе законотворчества в условиях цифровизации / А. В. Минбалеев // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации: Сборн. науч. трудов. Сер.: Право, 2020. – С. 227-231.
6. Полякова Т. А. Концептуальные основания развития института доступа к информации в Российской Федерации при применении цифровых технологий / Т. А. Полякова, Г. Г. Камалова // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 4 (37). – С. 22-27.
7. Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85-102.
8. Гайворонская, Я. В. Права человека в контексте цифровизации / Я. В. Гайворонская, Д. А. Петрова // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 2 (141). – С. 381-385.
9. Новоселова, Л. Цифровые права как новый объект гражданского права / Л. Новоселова, А. Габов, А. Савельев, А. Генкин и др. // Закон. – 2019. – № 5. – С. 31-54.

Гладников А.Е., магистрант кафедры
гражданского права и процесса
Оренбургского государственного
университета

**ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗА-
КОНОДАТЕЛЬСТВА, СВЯЗАННЫЕ С ОГРАНИЧЕНИЕМ ДОСТУПА НА РЫ-
НОК ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ**

**FEATURES OF ENGAGEMENT TO ADMINISTRATIVE
RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS OF ANTI-MONOPOLY LAWS AS-
SOCIATED WITH LIMITATION OF ACCESS TO THE MARKET OF BUSINESS
ENTITIES**

***Аннотация.** В статье на основании обзора правовых норм РФ, решений из судебной практики и научной литературы анализируется специфика привлечения к административной ответственности за недопущение на рынок хозяйствующего субъекта, приводящего к ограничению или устранению конкуренции.*

***Abstract.** On the base of review of the Russian Federation legal norms, judgements of law practice and research literature the article analyses the specific character of bringing to account for exclusion of economic subject from market according to administrative law, which results in restricting or eliminating competition.*

***Ключевые слова:** антимонопольное законодательство, административная ответственность, недопущение на рынок хозяйствующего субъекта, конкуренция, административный штраф.*

***Keywords:** antitrust law, administrative responsibility, exclusion of economic subject from market, competition, administrative fine.*

Свободная конкуренция – краеугольный камень развития рыночной экономики, она призвана обеспечивать интенсивный экономический рост, совершенствование товаров и услуг, поступающих на рынок, защиту потребителей от необоснованного завышения цен и низкого качества продукции. Следовательно, любые действия, направленные на пресечение и недопущение свободной конкуренции, должны рассматриваться как угроза экономическому развитию хозяйственной системы. Монополизация рынка, таким образом, является одной из важнейших проблем экономики и социальной сферы [1, с.17].

При этом необходимо отметить, что на определенном этапе развития рыночной экономики процесс концентрации производства, стимулировавший создание мощных национальных трестов (таких, как нефтяная компания StandardOil в США), был практически неизбежен. Однако постепенно монополии исчерпывали ресурсы для своего роста, что приводило к стагнации и экономическим кризисам. Более того, в развитых странах больше внимания стало уделяться правам рабочего и среднего класса, интересам малого и среднего бизнеса, а не только крупного капитала. Широкие слои населения в традиционных демократических системах стали представлять серьезную политическую силу, что предопределило начало становления государства всеобщего благоденствия. Экономика такого государства по определению не может быть монополистической, поэтому оно взяло на себя обязательства по правовому регулированию конкуренции.

Сразу оговоримся, что ни одна из существующих национальных экономических систем не свободна от доминирующих хозяйствующих субъектов. Абсолютная свободная конкуренция подобна всеобщей прямой демократии – абстракция, возможная лишь в теории. На практике же мы сталкиваемся, в первую очередь, с таким явлением, как естественные монополии. Их деятельность, как правило, связана с разработкой и добычей полезных ископаемых, выработкой энергии и распределением ее потребителям, и т.д., то есть, «естественная монополия представляет собой особый вид монополии, существование которой вызвано технологическими особенностями ее функционирования, которые исключают возможность образования экономически эффективной конкурентной среды, что обуславливает вмешательство государства в ее деятельность» [2]. Поскольку естественные монополии производят чрезвычайно важную для всего общества продукцию (как правило, не имеющую равноценных субститутов) и играют одну из первых ролей в инфраструктурном развитии территорий [2], то государству приходится не только «мириться» с их существованием, но и активно сотрудничать с ними, зачастую непосредственно участвуя в управлении такими компаниями.

Другой вариант монополизации рынка связан с формированием олигополии, когда несколько крупных компаний коллективно доминируют в определенном секторе, практически исключая выход на рынок меньших хозяйствующих субъектов. Классический пример – рынок услуг мобильных операторов [3, с.14].

Таким образом, поскольку любой бизнес нацелен на максимизацию прибыли, он тяготеет к укрупнению для уменьшения издержек за счет эффекта масштаба и увеличению числа потребителей для постоянного сбыта своей продукции. В условиях неограниченной конкуренции меньшие игроки рынка как раз и оказываются в проигрышной позиции, что ведет к вытеснению их с рынка или поглощению более крупными компаниями. На защиту права на свободную конкуренцию всех хозяйствующих субъектов и направлено антимонопольное регулирование.

По сути своей, антимонопольное регулирование – совокупность правовых норм, охраняющих конкуренцию и контролирующей деятельность монополий. В российской системе антимонопольного регулирования центральное место занимает Феде-

ральный Закон «О защите конкуренции», вводящий запрет на недобросовестную конкуренцию (в различных ее проявлениях) и постулирующий наступление ответственности за нарушение закона [4]. В частности, согласно ст. 10 п.9 закона, «создание препятствий доступу на товарный рынок или выходу из товарного рынка другим хозяйствующим субъектам» попадает под определения злоупотребления хозяйствующим субъектом доминирующим положением [4] и влечет за собой наступление правовых последствий для правонарушителя.

Обратим внимание на тот факт, что ограничение доступа на рынок может носить неэкономический характер. Доминирующий хозяйствующий субъект может способствовать устранению с рынка своих конкурентов, например, устанавливая барьеры для их деятельности. Проиллюстрируем данное утверждение примером из юридической практики. ООО «Приморский торговый порт», приняв Руководство по обработке судов на эксплуатируемом им морском терминале, вытеснил с рынка конкурента, АО «Роснефтефлот». В результате рассмотрения дела суд пришел к заключению, что введение дополнительных требований, противоречащих действующему законодательству, имело целью ограничение конкуренции на рынке буксирных услуг [5].

Характер и формы ответственности определяются согласно соответствующим положениям уголовного кодекса и кодекса об административной ответственности. Заметим при этом, что уголовная ответственность за нарушение антимонопольного законодательства наступает только за заключение ограничивающего соглашения (картеля) между хозяйствующими субъектами-конкурентами, согласно статье 178 УК РФ [6]. Все остальные деяния в данной области классифицируются как правонарушения и попадают в сферу применения административного права, в частности регулируются положениями статей 14.9, 14.31, 14.32, 14.33 КоАП РФ [7].

Действующее законодательство РФ в области антимонопольного регулирования нередко подвергается критике, в частности, из-за специфики привлечения к административной ответственности (прецеденты привлечения к уголовной ответственности чрезвычайно редки [3, с.14]). По сути дела, как отмечают эксперты, к юридическим лицам применим только один вид санкций – штраф (физические лица также могут быть отстранены от должности) [8, с.75]. В конечном итоге это приводит к тому, что компании начинают воспринимать налагаемый штраф за недобросовестную конкуренцию как дополнительный «налог», издержку, которая несопоставима по размеру с полученной сверхприбылью в обход антимонопольного законодательства [3, с.15]. Косвенно это суждение подтверждается сложной системой исчисления суммы штрафа – в процентах к сумме выручки правонарушителя [7]. Но эффективности правовой нормы подобная калькуляция не добавляет [3, с.15].

В данной связи существует несколько подходов к реформированию системы антимонопольного регулирования в России. Например, Н.А. Морозова предлагает вывести конкурентное право из области регулирования административным правом, выделить его в отдельную отрасль, поскольку антимонопольное законодательство настолько специфично, что де-факто представляет собой самостоятельный институт

публичного права [9, с.48-49]. По мнению А.В. Комарова и М.В. Лабусова, ФАС занимает чересчур жесткую позицию в вопросах реализации антимонопольного регулирования – она возбуждает больше административных дел, чем антимонопольные службы во всем мире, вместе взятые. В результате такой «бурной деятельности» под санкции статей антимонопольного регулирования все чаще попадают представители малого и среднего бизнеса [1, с.19]. В свою очередь, С.П. Кубанцев настаивает на необходимости ужесточения антимонопольного законодательства, в частности, на расширении уголовной санкции таким образом, чтобы юридические лица несли ответственность, соизмеримую с ответственностью физических лиц [3, с.16].

Проведенный в настоящей статье анализ позволяет прийти к следующему заключению относительно специфики привлечения к административной ответственности за такое правонарушение антимонопольного законодательства, как недопущение на рынок хозяйствующего субъекта. Среди особенностей привлечения к административной ответственности выделим:

- к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства зачастую привлекаются юридические лица (хозяйствующие субъекты, злоупотребляющие своим доминирующим положением). При этом привлечение юридического лица к ответственности по делу о нарушении антимонопольных правил не исключает привлечения к ответственности физических лиц по тому же самому делу;

- в отличие от положений об уголовной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства, административные нормы применяются в сотни раз чаще;

- единственной санкцией, предусмотренной за нарушение антимонопольных норм КоАП РФ, является штраф. При этом наряду с фиксированными размерами взысканий законом предусмотрено исчисление штрафов в форме процента от суммы выручки, полученной при условии пренебрежения антимонопольными правилами;

- хотя «наказание рублем» представляется достаточно логичным взысканием за экономические правонарушения, оно не приводит к снижению частоты монополистических злоупотреблений на рынке: крупные компании начинают рассматривать штрафы как одну из неизбежных издержек на пути получения сверхприбыли;

- согласно антимонопольному законодательству, к административной ответственности могут быть привлечены государственные и муниципальные органы (и/или их служащие), поскольку действия (бездействия) с их стороны могут действительно способствовать нарушению или устранению конкуренции в определенном сегменте рынка.

Вышесказанное позволяет прийти к выводу о необходимости реформирования антимонопольного законодательства РФ, в частности посредством диверсификации форм ответственности юридических и физических лиц, а также ужесточения требований к комплексному анализу рынка и хозяйствующих субъектов, подозреваемых в действиях, способствующих нарушению и устранению конкуренции.

Библиографический список

1. Комаров А. В. Антимонопольное регулирование на современном этапе: проблемы и перспективы / А. В. Комаров, М. В. Лабусов // Научные записки молодых исследователей. – 2014. – № 6.
2. Трачук, А. В. Естественные монополии и конкуренция – Энергетика и промышленность России – Декабрь, 2006 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.m.eprussia.ru/epr/76/5235.htm>
3. Кубанцев, С. П. Административная ответственность юридических лиц за нарушение антимонопольного законодательства в России / С. П. Кубанцев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 5 (66). – С. 13-16.
4. О защите конкуренции: федер. закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система / разработ. НПО «Вычисл. математика и информатика». – М. : КонсультантПлюс, 1997-2022. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
5. Определение Верховного Суда РФ от 20.04.2021 № 307-ЭС21-4806 по делу N А56-96610/2019 // КонсультантПлюс : справочная правовая система / разработ. НПО «Вычисл. математика и информатика». – М. : КонсультантПлюс, 1997-2022. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // КонсультантПлюс : справочная правовая система / разработ. НПО «Вычисл. математика и информатика». – М. : КонсультантПлюс, 1997-2022. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 20.10.2022) // КонсультантПлюс : справочная правовая система / разработ. НПО «Вычисл. математика и информатика». – М. : КонсультантПлюс, 1997-2022. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
8. Константинов, В. В. Административная и уголовная ответственность за нарушение антимонопольного законодательства / В. В. Константинов // Достижения науки и образования, 2018. – Т. 1. – № 8 (30). – С. 74-77.
9. Морозова, Н. А. Особенности административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства / Н. А. Морозова. – Современная конкуренция. – 2014. – № 5 (47).

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СУЩНОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ**

**INFORMATION TECHNOLOGIES IN ADMINISTRATIVE
LEGAL PROCEEDINGS: ESSENCE, PROSPECTS AND PROBLEMS**

***Аннотация.** В настоящее время мы повсеместно наблюдаем тенденции к информатизации и компьютеризации, притом, процесс этот проник практически во все сферы общественной жизни. Не обошел он стороной и административный процесс, в который все чаще и чаще внедряются информационные технологии: используются электронный документооборот, видеоконференц-связь, как способ проведения слушаний, и иные средства. В данной работе освещается их сущность и перспективы применения.*

***Abstract.** Currently, we everywhere observe trends towards informatization and computerization, moreover, this process has penetrated into almost all spheres of public life. This process also has not bypass the administrative process, in which information technologies are being introduced more and more often: electronic document management, video conferencing-communication as a way of holding hearings and other means are used. In this paper, we will highlight their essence and application prospects.*

***Ключевые слова:** административный процесс, административное судопроизводство, информационные технологии в юридической сфере, цифровизация, электронный документооборот.*

***Keywords:** administrative process, administrative proceedings, information technologies in the legal field, digitalization, electronic document management.*

Современность во многом определяется как время новшеств, высокого темпа жизни и новых вызовов, стоящих перед обществом. При этом, новшества коснулись почти каждого дома – теперь, в XXI веке отсутствие персонального компьютера или иного другого девайса без выхода в сеть «Интернет» является огромной редкостью. Приобщение к цифровой среде – глобальный процесс, затронувший абсолютно разные сферы жизни: начиная от получения медицинских услуг и заканчивая подачей исков.

Ученые успели дать этому термину определение «цифровизация», под которым

подразумевается сложный, многостадийный процесс, охватывающий многочисленные сферы государственного управления среди которых можно выделить, например, сбор и обработку персональных данных граждан, информационные системы по осуществлению процедуры досудебного обжалования и так далее, а также затрагивающий различные сферы экономики, позволяющий модернизировать системы государственного управления, делая их доступнее и удобнее как для рядового пользователя, так и для тех, кто работает с данными пользователя [1].

Согласно данным, представленным Организацией Объединенных Наций, цифровые технологии развиваются в значительно более быстром темпе, чем другие любые новации человеческой истории – только за 20 лет цифровым технологиям удалось включить более 50% населения развивающихся стран в единую глобальную сеть «Интернет», тем самым упростив множество процессов: межличностной коммуникации, получения коммерческих и государственных услуг, защиты законных прав и интересов и даже оплаты налогов [2].

Период действия ограничительных мер, связанных с эпидемией коронавируса, стал толчком к развитию онлайн-форматов и интеграции цифровых технологий в административный судебный процесс: стороны могли присутствовать на судебном процессе посредством онлайн-приложений, не подвергая себя и других участников процесса опасности заболеть. Это помогло не только рядовым гражданам, но и работникам судебным органам ознакомиться с преимуществами использования цифровых площадок в административном судопроизводстве и опробовать их. Сейчас перед судебными органами стоит цель продолжать данную интеграцию, развивая свои компетенции и навыки в использовании материально-технических средств обеспечения судебного процесса [3].

Центр развития современного права опубликовал аналитический доклад «Информационные технологии в правосудии. Состояние и перспективы. Россия и мир», который исследует вопросы развития цифрового правосудия и внедрения информационных технологий в рамках российского судопроизводства, а также позволяет определить перспективы развития электронного правосудия.

Среди перспектив информатизации судебных систем исследователи выделяют повышение уровня доступности правосудия посредством сокращения расходов, обусловленных необходимостью физического присутствия сторон и привлечения законного представителя, сокращение длительности рассмотрения дел, уменьшение нагрузки на аппарат суда, а также иные показатели, связанные непосредственно с процессуальной стороной судебного производства. Кроме того, подчеркивается, что применение информационных технологий в сфере правосудия способствует расширению практик урегулирования споров посредством диалога между сторонами, а также помогает им развивать уровень собственного правосознания и осведомленности в юридических вопросах.

Современными исследователями также выделяется несколько ключевых направлений развития цифрового правосудия в Российской Федерации, среди кото-

рых можно выделить: упрощение нормативных требований к защите информации и материально-техническому обеспечению административного процесса в цифровой среде, а также введение автоматической системы рассмотрения дел с применением единых алгоритмов по «шаблонным делам»; определение категорий дел, по которым рассмотрение будет осуществляться исключительно в «информационной среде» и дальнейший перевод данных категорий дел в «онлайн»; создание установленных законом единых требований к предоставляемым процессуальным документам в электронном виде. Также, ряд исследователей выделяет следующие перспективы: развитие единой системы «умного поиска» по базам данных судебных дел; устранение противоречий в судебной практике для создания системы «шаблонного» рассмотрения дел; создание открытой платформы электронного правосудия для граждан, а также создание собственной защищенной платформы для проведения судебного заседания в формате онлайн-конференций; комплексное изучение вопросов, связанных с защитой информации, связанной с осуществлением производства и выработка связанных с этим эффективных требований; получение работниками судебных органов необходимых компетенций, а также развитие интеллектуального, экономического и технологического потенциала для внедрения электронного правосудия в уголовный процесс; просвещение граждан в юридической сфере, а также распространение информации о возможностях информационного судопроизводства; привлечение специалистов в области информационных технологий к созданию информационных продуктов в сфере административного судопроизводства [3].

Вместе с тем, качество электронного правосудия во многом подвержено рискам:

- зависимость от человеческого фактора – компетенций и навыков использующего информационные системы, и, если, например, представители судебных органов могут понимать информационные процессы и уметь пользоваться специальными онлайн-платформами, то рядовые граждане, являющиеся участниками судебного процесса, могут не знать, как работать с ними;
- «шаблонное правосудие» может быть приемлемо лишь в определенных категориях дел: приказное производство, дела по нарушению правил дорожного движения, зафиксированных камерами и т.д., в некоторых же категориях дел, где объективная сторона уникальна, «шаблонное правосудие» может не только не привести к повышению качества правосудия, но и привести к его снижению;
- риски, связанные с обеспечением информационной безопасности, поскольку высок риск подмены вложений и подделки документов;
- психологический фактор – участникам процесса с использованием онлайн-платформ и средств видеоконференций становится проще дать ложные показания;
- большие процессуальные издержки – сейчас введение цифрового судопроизводства связано, скорее, с большими расходами на материально-техническое обеспечение и созданием дорогостоящей системы борьбы с техническими ошибками и другими рисками, чем с реальной экономией и доказанным снижением нагрузки на су-

дебные органы [4].

Отметим, однако, что ряд положений касательно использования информационных технологий в рамках административного процесса, в законодательстве уже принят в рамках Кодекса административного судопроизводства, который определяет список лиц, которые могут участвовать в судебном процессе путем использования систем видеоконференц-связи: лица, участвующие в деле (административный истец и административный ответчик, заинтересованные лица, органы, организации и лица, обращающиеся в суд в защиту интересов других лиц или неопределенного круга лиц), и свидетели; кроме того КАС РФ позволяет получать письменные доказательства по делу с помощью каналов видеоконференц-связи, а также использовать их в рамках предварительных судебных заседаний, разрешении дела по существу судом первой инстанции и апелляционными, надзорными, кассационными инстанциями. При этом, основания и порядок использования видеоконференц-связи определяется следующими признаками, закрепленными в ст. 142 КАС РФ: использование видеоконференц-связи в административном процессе зависит от технического оснащения конкретного суда; инициатива использования систем видеоконференц-связи (в форме адресованного суду ходатайства) может исходить как от лиц, участвующих в деле, так и от самого суда (определением); суд для проведения видеоконференций может использовать техническое оснащение иных судов (по месту жительства, месту пребывания или месту нахождения лиц, чье участие в процессе обеспечивается таким образом), а для участия в деле лиц, находящихся в местах содержания под стражей или в местах лишения свободы, — также системы данных учреждений, при этом обеспечивающий суд проверяет явку данных лиц, устанавливает их личность, осуществляет разъяснение участнику его прав и обязанностей, принимает письменные материалы и после направляет их в суд, рассматривающий дело.

Отметим, что согласно КАС РФ, использование систем видеоконференц-связи и (или) иных технических средств должно быть отражено в протоколе судебного заседания. Технические неполадки при использовании таких систем могут служить основанием для отложения судебного заседания [5].

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.03.2022) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/
3. Гейко, П. Цифровизация правосудия: преимущества и риски [Электронный ресурс] / П. Гейко. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/tsifrovizatsiya-pravosudiya-preimushchestva-i-riski/>

4. Куценко, Т. М. Электронные документы как современный вид доказательств по делу об административном правонарушении [Электронный ресурс] / Т. М. Куценко, В. В. Здольник. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokumenty-kak-sovremennyy-vid-dokazatelstv-po-delu-ob-administrativnom-pravonarushenii>

5. Кодекс административного судопроизводства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/

Головина Е.П., студент юридического
факультета Оренбургского
государственного университета

Кабаргина Д.Д., студент юридического
факультета Оренбургского
государственного университета

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

LEGAL LIABILITY FOR VIOLATION OF ELECTORAL LEGISLATION

***Аннотация.** В данной статье исследуются актуальные вопросы юридической ответственности за нарушение избирательного законодательства. Автор определяет виды ответственности за совершение правонарушений (преступлений) в области избирательных прав и анализирует составы таких правонарушений.*

***Abstract.** This article explores topical issues of legal liability for violation of electoral legislation. The author determines the types of liability for committing offenses (crimes) in the field of electoral rights and analyzes the elements of such offenses.*

***Ключевые слова:** избирательные права, избирательное законодательство, законодательство, ответственность, правонарушение, преступление.*

***Key words:** electoral rights, electoral legislation, legislation, liability, offense, crime.*

Актуальность нашего исследования заключается в том, что избирательные права относятся к тем, которые гарантируются Конституцией нашей страны, т.е. имеют особый механизм правового обеспечения. Следовательно, нарушение избирательного законодательства влечет за собой и нарушение конституционных прав человека и гражданина. Правонарушений в области избирательных прав большое количество, каждое из них имеет свои особенности, но урегулировать их все одним законодательным актом невозможно, ввиду характера таких правонарушений, поэтому важно знать к каким нормам права необходимо обратиться для защиты избирательных прав.

Юридическая ответственность играет важную роль для избирательного права, так как посредством такой ответственности гарантируется исполнение законодательных предписаний всеми участниками избирательного процесса, а кроме этого нормы предусматривают меры государственного принуждения к лицам, совершившим правонарушения в области избирательных прав.

В законодательстве нашего государства предусмотрены разные виды юридиче-

ской ответственности за нарушение избирательных прав. Следует подробнее рассмотреть виды и определить особенности каждой такой ответственности. Стоит обратить внимание на то, что ответственность устанавливается за совершение непосредственно правонарушения (преступления), и за нарушение самого порядка проведения и организации выборов. Последний вид ответственности не менее важен, ведь только порядок, предусмотренный законодательством, обеспечивает реализацию избирательных прав.

Обращаясь к нормам Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [1], можно отметить, что в данном законе предусматривается ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах, но, к сожалению, виды такой ответственности, а также ее пределы в этом нормативном акте не предусмотрены, что, на наш взгляд, представляет собой пробел. Решить данную проблему необходимо посредством внесения изменений в статью 79 названного закона, закрепив, что за нарушение данного законодательства предусмотрена административная, уголовная ответственность и иные виды ответственности.

Итак, выше мы уже указали, что привлекаться могут к уголовной и административной ответственности за нарушения избирательного законодательства, но также некоторыми учеными предусматривается и конституционная ответственность, ниже разберем подробнее каждую ответственность.

Самым актуальным на сегодняшний день видом юридической ответственности считается административная, которая предусмотрена в КоАП РФ [2]. Такая ответственность на сегодня является самой оперативной на незаконные деяния физических и юридических лиц. При исследовании административной ответственности важным является рассмотрение ее классификации, формы и содержания, а также субъективного состава. При проведении анализа КоАП насчитывается более тридцати статей, содержащих составы проступков, связанных с нарушением избирательного законодательства. Данный факт свидетельствует о важности соблюдения и защиты избирательных прав граждан. Кроме того, административные правонарушения в данной сфере можно классифицировать в зависимости от стадий избирательного процесса (правонарушения, совершенные при подготовке к проведению голосования, при подсчете или опубликовании результатов и иные). Такая классификация показывает необходимость защиты активных и пассивных избирательных прав граждан на всех стадиях избирательного процесса. Выделяется и классификация правонарушений в зависимости от их объекта посягательства (посягающие на активные и пассивные избирательные права). По нашему мнению, представляется целесообразным выделить таких составов в самостоятельную главу КоАП РФ.

В главе 5 КоАП установлен достаточно обширный перечень деяний, посягающих на избирательные права граждан, обусловленный совершенствованием отраслевого законодательства: нарушение права гражданина на ознакомление со списком избирателей, участников референдума (статья 5.1); неисполнение решения избира-

тельной комиссии, комиссии референдума; непредставление сведений и материалов по запросу избирательной комиссии, комиссии референдума (ст. 5.3); нарушение порядка представления сведений об избирателях, участниках референдума (ст. 5.4) и многие другие. Таких составов большое количество, что подтверждает еще раз, что административная ответственность за нарушение избирательного законодательства занимает основное место в системе юридической ответственности за такие нарушения.

Перейдем к анализу уголовной ответственности. В УК РФ [3] закреплена уголовная ответственность за следующие деяния: воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141); нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума (ст. 141.1); фальсификацию избирательных документов, документов референдума, документов общероссийского голосования (ст. 142); фальсификацию итогов голосования (ст. 142.1); незаконную выдачу и получение избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме, бюллетеня для общероссийского голосования (ст. 142.2).

Ранее мы уже отметили, что в административном праве выделяется такой вид юридической ответственности, как конституционная. Этой позиции придерживаются немалое количество ученых, причем данный вид ответственности считается как самостоятельной разновидностью юридической ответственности, обладающей особой процессуальной формой реализации и специфичными видами санкций. Она выражается в приоритетности защиты важнейших общественных отношений в государстве и в наступлении неблагоприятных последствий для субъектов конституционного права, в том числе нарушивших избирательное законодательство. Например, к мерам избирательной ответственности можно отнести предупреждение кандидата и иных участников референдума о недопустимости нарушения избирательного закона, отказ в регистрации кандидата или его исключение из списка. Такие меры, прежде всего, направлены на ограничение участников избирательного процесса в тех или иных правах при отсутствии тяжких негативных последствий, что отличает их от иных видов ответственности.

Специфика конституционно-правовой ответственности в процедуре выборов заключается в том, что она является реакцией на нарушение норм, регламентирующих ту или иную стадию избирательного процесса, и реализуется посредством применения мер процессуальной ответственности. Процессуальные меры юридической ответственности выступают гарантией и механизмом легитимации принимаемых в ходе избирательного процесса решений, что предопределяет необходимость их однозначного толкования и обозначения четкого круга процессуальных оснований для применения [5, с. 56].

В избирательном законодательстве вынесение предупреждения регламентируется пунктом 5.1 статьи 20 Закона об основных гарантиях избирательных прав и права

на участие в референдуме граждан Российской Федерации, которым предусмотрено, что в случае нарушения кандидатом, избирательным объединением, инициативной группой по проведению референдума Федерального закона № 67-ФЗ, соответствующая комиссия вправе вынести указанным субъектам предупреждение, которое доводится до сведения избирателей, участников референдума через средства массовой информации, либо иным способом [4, с. 62].

В целом, анализируя теоретические аспекты совершенствования ответственности за нарушения избирательного законодательства в Российской Федерации, следует признать, что каждый из указанных видов ответственности имеет самостоятельное значение, но, несомненно, имеется системное взаимодействие между ними. Однако общим элементом является их роль – обеспечение охраны общественных отношений, складывающихся при реализации избирательных прав граждан и избирательного процесса. Вместе с тем особую значимость в исследуемой тематике имеет административная ответственность, что обусловлено субъектностью административной ответственности и широким перечнем мер административного наказания.

Библиографический список

1. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12.06.2002 №67-ФЗ (ред. от 28.06.2022) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.2002. – Ст.2253.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.
4. Гетманская, О. Ю. Предупреждение как мера процессуальной ответственности за нарушение избирательного законодательства / О. Ю. Гетманская // Российская юстиция. – 2019. – № 8. – С. 62-64.
5. Тарабан, Н. А. Конституционно-правовая ответственность в избирательном праве: историко-правовой аспект / Н. А. Тарабан // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 7. – С. 54-58.

**КОМПЬЮТЕРНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СУЩНОСТЬ, ОСОБЕННОСТИ И
ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ**

**COMPUTER CRIMES: THE ESSENCE, FEATURES
AND POSSIBILITIES OF PREVENTION**

***Аннотация.** В данной статье раскрывается понятие компьютерной преступности, а также ее цели и мотивы. Дается анализ мер контроля над компьютерной преступностью и определяются направления повышения эффективности контроля над компьютерной преступностью в России.*

***Abstract.** This article deals with the concept of computer-related crime, as well as its goals and motives. Also analyzed measures to control computer-related crime, and tells the story of directions of increase of efficiency of control over the computer crime in Russia.*

***Ключевые слова:** компьютерные преступления, информационная безопасность.*

***Keywords:** computer crimes, information security.*

Понятие «компьютерная преступность» впервые было использовано в американской, а затем и в другой зарубежной печати в начале 60-х годов. Компьютерное преступление – это любого рода незаконное или неразрешенное поведение, которое воздействует на автоматизированную обработку данных и (или) передачу данных.

О данном феномене свидетельствует большой перечень всевозможных вариаций компьютерных преступлений. Объектами такого рода посягательств могут быть не только технические средства (компьютеры и периферия), но и материальные объекты, в том числе базы данных и программное обеспечение.

По мнению А.К. Бекряшева, под компьютерным преступлением следует считать незаконное и неразрешенное поведение, которое тесно соприкасается с обработкой и передачей данных.

Под компьютерными преступлениями выделяют опасные действия, предусмотренные уголовным законом, в которых информация ЭВМ является объектом преступления [1, с. 31].

После долгих и достаточно продолжительных исследований данного феномена был выдвинут ряд основных подходов к определению понятия компьютерной пре-

ступности.

В уголовно-правовой сфере под компьютерным преступлением понимают нарушения личных интересов и чужих прав в отношении любого вида автоматизированных систем обработки данных, которые намеренно совершаются во вред правам и интересам людей, общества и государства. Все это предусмотрено и карается по всей строгости уголовного закона.

Как предполагают многие отечественные и зарубежные специалисты, следует выделить две главные точки зрения научной мысли по данному вопросу. И.П. Белозеров и А.Н. Копырюлин к компьютерным преступлениям относят преступления, где непосредственно ЭВМ является, как орудием для покушения на чью-то информацию, так и объектом, с целью получения выгоды и нанесения ущерба другой стороне. А хищение ЭВМ само собой рассматривается как один из путей осуществления преступлений в компьютерной среде.

Ю.М. Батуринов и А.М. Жодзишский относят к компьютерным преступлениям только действия в сфере автоматизированной обработки информации, направленные против закона [2, с. 11].

В XXI веке компьютерная преступность стала одним из самых опасных и уязвимых видов преступных деяний, которые непосредственно касаются жизни людей и их имущества. Из-за постоянного развития технических средств, при помощи которых можно проникать во все без исключения сферы деятельности общества, постоянно усугубляются проблемы информационной безопасности человека.

А.Н. Копырюлин отмечал, что противоправным доступом также нужно считать и посещение ресурсов сети Интернет без устного или письменного разрешения хозяина, при которой данная информация будет подвержена всевозможным изменениям [3, с. 80].

Что касается размера нанесенного вреда, то он оценивается путем установления характера вреда здоровью, материального ущерба, восстановления и нормализации деятельности ЭВМ и потерянной или же поврежденной информации.

Ю.М. Батуринов считает, что неправильная эксплуатация ЭВМ в любом случае подразумевает умышленную форму вины. Причастный к преступлению заранее осознает, что нарушает работу ЭВМ, нанося существенный вред охраняемой законом информации, и причиняет вред, думая только лишь о себе, а к остальным его отношение безразлично [4, с. 46].

Что касается криминологических групп компьютерных преступлений, то их принято разделять на:

- компьютерные преступления в экономической сфере,
- компьютерные преступления, затрагивающие личные права и неприкосновенность частной сферы,
- компьютерные преступления против интересов общества и государства.

К основным целям совершения преступлений в сфере компьютеров принято относить следующие:

- подделка платежных ведомостей и финансовых отчетов;
- фальсификация документов с целью получения незаконной прибыли;
- перечисление и обналичивание финансовых средств на подставных лиц.

Среди основных мотивов, побуждающих пойти на деяние в сфере компьютерных преступлений, принято выделять:

- выплата долгов, а также выход из продолжительной финансовой ямы;
- доказательство своего превосходства над искусственным интеллектом;
- получение статуса «звезды», о котором будут знать все через СМИ.

Особой сложностью данных преступлений являются: чрезвычайно большая скрытность, сбор тщательных доказательств, транснациональный характер (чаще всего, с использованием телекоммуникационных систем), оценка нанесенного материального ущерба, а также специфичность и индивидуальный почерк самих преступников. Как правило, в большинстве своем, ими являются служащие банка (как действующие, так и ранее уволенные), которые осведомлены об информационной безопасности. Также среди такого рода преступников очень часто встречаются высококвалифицированные программисты, способные идти против закона и при этом оставаясь безнаказанными.

Чаще всего преступления в компьютерной сфере совершаются в банковской сфере, которая непосредственно связана с финансами. Но чрезвычайно большая скрытность таких компьютерных преступлений обусловлена тем, что многие пострадавшие фирмы и компании стараются разрешить данную ситуацию только своими силами. Директора и руководители потерпевших компаний больше всего боятся и опасаются подрыва репутации, что способствует огромному минусу для их бизнеса.

К основным направлениям повышения эффективности контроля над компьютерной преступностью в РФ следует выделить [5, с. 319]:

- формирование целостной системы постоянного мониторинга обстановки в сфере обеспечения информационной безопасности и своевременное пресечение компьютерных преступлений;
- организация взаимодействия и координация усилий различных правоохранительных органов друг с другом;
- сотрудничество и тесное взаимодействие правоохранительных органов РФ и зарубежных стран по борьбе с преступлениями в сфере компьютеров.

Помимо создания такой системы, важен вопрос по кадрам. Если система не будет иметь в своих рядах самых квалифицированных работников, то ее эффективность не будет столь высока, как хотелось бы. Со стороны государства важно сделать своего рода «перезагрузку» в данной сфере. Нужно перенять ценный опыт от других зарубежных стран, выстроить особую систему обучения для специалистов, которые будут вести борьбу с компьютерными преступлениями.

Но при этом хотелось бы подчеркнуть, что никакие аппаратные, программные и любые другие решения никогда не смогут дать стопроцентные гарантии на абсолютную надежность и безопасность данных в компьютерных сетях. Но в то же время све-

сти риск потерь к минимуму возможно лишь при комплексном подходе к вопросам безопасности, не забывая об осторожности [6, с. 7].

Можно с уверенностью сказать, что на сегодняшний день уголовное законодательство в сфере компьютерной информации, мягко говоря, не идеально. Предусмотренные составы компьютерных преступлений не охватывают полностью всех видов компьютерных посягательств, которые совершаются на сегодняшний день. И требуют серьезных доработок.

Таким образом, компьютерные преступления в обозримом будущем будут и далее совершенствоваться. Но для того, чтобы процент данных преступлений значительно снизился, государство должно занимать не выжидательную позицию, а конкретно действовать и оберегать своих граждан.

Библиографический список

1. Валько, Д. В. Киберпреступность в России и мире: сопоставительная оценка / Д. В. Валько // Управление в современных системах. – 2016. – № 3(10). – С. 29-40.
2. Воронин, Ю. А. Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России / Ю. А. Воронин, А. В. Майоров // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – №1. – С. 7–16.
3. Вепрев, С. Б. Киберпреступность как новая форма преступности / С. Б. Вепрев, С. А. Нестерович // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2018. – № 3(21). – С. 78-82.
4. Ветров, Н. И. Уголовное право. Общая часть / Н. И. Ветров. – Москва : ЮНИТИ : Закон и право, 2018. – 398 с. – ISBN 5–238–00381–1.
5. Гончаров, Д. Ю. Законодательство о противодействии преступности в современных условиях: система, границы, гносеологическое значение классификации / Д. Ю. Гончаров // Вопросы правоведения. – 2013. – № 4 (20). – С. 307–326.
6. Готчина, Л. В. Криминологические особенности информационной преступности в пограничных органах / Л. В. Готчина // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. – № 1. – С. 9-13.

**ВОСПИТАНИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ
ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МИРА**

**EDUCATION AND PSYCHOLOGICAL RESILIENCE
HUMAN IN THE CONDITIONS OF THE MODERN WORLD**

***Аннотация.** В данной статье раскрываются проблемы психологической устойчивости человека в современном мире, определяются направления воспитания психологической стабильности личности.*

***Abstract.** This article reveals the problems of the psychological stability of a person in the modern world, determines the direction of education of the psychological stability of the individual.*

***Ключевые слова:** психологическая устойчивость, воспитание, социальное пространство, депрессия.*

***Keywords:** psychological stability, education, social space, depression.*

Психологическая устойчивость человека в современном мире играет огромную роль, поскольку меняющаяся действительность не позволяет человеку ощущать себя абсолютно защищенным.

Высокие нагрузки, которые приходится выносить в социальном пространстве определяют повышенную усталость. Невыполненные задачи, которые ежедневно возрастают, вызывают необходимость превышать время работы или иной занятости, сокращая время отдыха.

Постоянная перенагрузка организма вызывает раздражительность, агрессию, неуверенность в себе, и, как следствие, происходит колебание психологической устойчивости человека [1, с. 362].

Психологическая стабильность является базовой конфигурацией в характеристике личности, является отражением ее индивидуальности и выражением к возможности занятию различного рода должностей.

Психологически несостоятельный человек не может и не должен быть допущен к занятию должностей различного рода. Особенно это касается тех профессий, функциональная нагрузка которых связана с риском принятия ответственных управленческих решений. Сюда же следует отнести профессии, которые связаны с допус-

ком к оружию.

К тому же нельзя исключать и те категории людей, которые имеют доступ к холодному оружию, охотничьему и так далее.

Особое внимание следует уделить той категории людей, которые имеют водительские права.

К сожалению, психиатр и психотерапевт не всегда выявляют ослабление когнитивных функций, легкие расстройства здоровья при обследовании, особенно если это касается профессиональных медицинских осмотров, которые проходят массово.

Должности профессиональных психологов зачастую на предприятии и в учреждении отсутствуют. К тому же, возникает вопрос, какой психолог лучше. Клинический, тот, который имеет медицинскую подготовку, или психолог, имеющий педагогическую подготовку.

В рассуждениях об этом отметим, что депрессии, охватывающие огромное количество населения, признаются заболеванием в современном обществе.

По заключению Всемирной организации здравоохранения, депрессия является самой распространенной причиной невыхода человека на работу. ВОЗ официально объявляет, что депрессия занимает второе место в мире среди болезней, приводящих к потере трудоспособности [2]. Более того, принято говорить о депрессии как об эпидемии нового поколения.

Как же выживать человеку при таких условиях в современном мире?

Нам представляется, что для сохранения здоровья и психологической устойчивости важно с раннего возраста воспитывать в человеке психологическую стабильность.

Воспитанию личности в российском обществе уделяется пристальное внимание в настоящее время. Осуществляется оно всегда целенаправленно при воздействии на конкретного субъекта. Воспитание предполагает формирование в человеке определенных знаний, навыков, привычек той направленности, на выработку которых оно направлено.

Воспитание способствует выработке навыков, востребованных социумом. Формирующиеся характеристики в человеке определены генетическими предпосылками, а впоследствии развиваются при воздействии на них внешних факторов. Воздействующие факторы могут возникать или вытекать из окружения, социальных условий, личности наставника и многого другого. Набор качественных характеристик личности создает благоприятные условия для социальной адаптации человека и последующему успеху личности как в частной жизни, так и в профессиональной сфере. Воспитание нередко применяется не к одному человеку, но и к обществам, племенам, народам. Воспитывать в широком смысле слова, значит, способствовать развитию какого-нибудь организма [3, с. 241].

Воспитание играет ведущую роль в том, как формируется личность, как правильно создать условия для развития индивидуальных характеристик человека. Воспитание напрямую зависит от различных влияний и воздействий на субъекта следу-

ющих факторов: окружающей среды, социальных факторов, семейного окружения. Кроме того, немаловажную роль в воспитании имеет организация нервной системы человека. Считается, что внутренний мир формируется под влиянием условий жизни человека и его самовоспитания, а так же и выработанных привычек. Особенно важную роль играет мотивация. Истинное желание определяет цель и способствует ее достижению. Определение личностных приоритетов, задач формируется человеком зачастую самостоятельно, а нередко под влиянием воспитательных факторов [4, с. 24].

Воспитание позволяет человеку вливаться в коллектив, соответствовать нормам и правилам поведения, принятым в конкретном коллективе и обществе. Воспитание не просто не мешает, но и активно способствует формированию личностных качеств. Некоторые из них при воспитательном воздействии еще больше развиваются и совершенствуются.

Библиографический список

1. Дарвиш, О. Б. Психологическая устойчивость как базовая характеристика личности: монография / О. Б. Дарвиш. – Москва: «Норма», 1998. – С. 424.
2. Интересная статистика ВОЗ по депрессии на 2020 г. (b17.ru)
3. Ушинский, К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Педагогические сочинения / К. Д. Ушинский. – Том 1. Часть физиологическая. – Москва: Педагогика, 1990. – С. 528.
4. Шарова, Е. Б. Мотивация персонала как фактор повышения эффективности функционирования организации / Е. Б. Шарова // ЗАО «Тандер». Территория науки. – 2015. – № 4. – С. 24.

Дахцигель К.М., магистрант кафедры
гражданского права и процесса
Оренбургского государственного
университета

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ

ISSUES OF APPLICATION OF ANTI-MONOPOLY LEGISLATION PROVISIONS TO THE ACTIVITIES OF DIGITAL PLATFORMS

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию актуальных проблем совершенствования антимонопольного законодательства в целях регламентации общественных отношений, возникающих в деятельности цифровых платформ. Проанализированы положения новейших нормативных правовых актов Российской Федерации и зарубежных государств, посвященные определению правового статуса цифровых платформ. Рассмотрены нормативные и доктринальные определения понятий «цифровая платформа», «большие данные», «сетевые эффекты». Сделан вывод о целесообразности их закрепления в антимонопольном законодательстве Российской Федерации.*

***Abstract.** The article is devoted to the study of topical problems of improving antimonopoly legislation in order to regulate public relations arising in the activities of digital platforms. The article analyzes the provisions of the latest regulatory legal acts of the Russian Federation and foreign states, dedicated to the determination of the legal status of digital platforms. The need to amend the antimonopoly legislation of the Russian Federation is substantiated in order to take into account the influence of «big data» and «network effects» on the state of real or potential competition in the markets in which digital platforms operate. The conclusion is made about the expediency of their consolidation in the antimonopoly legislation of the Russian Federation.*

***Ключевые слова:** антимонопольное законодательство, цифровая экономика, цифровые платформы, экосистема, большие данные, сетевые эффекты, анализ рынка.*

***Key words:** antitrust, digital economy, digital platforms, ecosystem, big data, network effects, market analysis*

Глобальная цифровизация экономики ставит новые задачи перед антимонопольными ведомствами. Обеспечение развития конкурентных правоотношений в современных условиях требует повышения эффективности реализации мер антимонопольного регулирования цифровых компаний, а также внесения изменений в законода-

тельство с учетом появления новых коммерческих практик. Необходимость адаптации законодательства к потребностям цифровой экономики отражена в ряде нормативных правовых актов. Так, одной из актуальных задач, согласно Указу Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [5], является создание системы правового регулирования цифровой экономики. Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года [4] определяет в качестве ключевого направления обеспечение развития конкуренции в условиях нарастающего влияния технологий, цифровых и информационных платформ. Таким образом, мы видим наличие особой важности разработки правовых механизмов, обеспечивающих защиту конкуренции на цифровых рынках.

В условиях пандемии особое влияние приобрели так называемые «цифровые платформы», что связано с расширением электронного оборота товаров и услуг. Воздействие государства на правоотношения с участием цифровых платформ сталкивается с определенными законодательными проблемами. Так, в настоящее время отсутствует нормативное определение цифровой платформы. Данное определение является необходимым в связи с наличием особенностей ее деятельности, в целях выработки подходов к правовому регулированию новых коммерческих практик на цифровых рынках.

В юридической науке существует понимание цифровых платформ как продуктов, обеспечивающих взаимодействие между потребителями и поставщиками товаров, услуг и информации [15]. Действующее законодательство Российской Федерации содержит определение лишь одного из видов цифровых платформ – агрегаторов, оно закреплено в Законе Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» [2]. На сегодняшний день, попытки нормативного закрепления определения цифровой платформы в Проекте Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» не принесли своих плодов – за рамками антимонопольного законодательства остается деятельность иных компаний, обеспечивающих цифровое взаимодействие [6].

В связи с этим, более корректными представляются определения цифровой платформы, используемые в зарубежном правовом регулировании. Так, согласно Закону Франции от 7 октября 2016 года «О цифровой республике» [10], онлайн-платформа определяется как «любое физическое или юридическое лицо, предлагающее на профессиональной основе, в том числе бесплатно, общедоступные коммуникационные услуги, основанные на ранжировании или сборе и обработке информации о контенте, товарах и услугах, которые предлагаются третьими лицами, с использованием компьютерных алгоритмов; на предоставляемой нескольким сторонам возможности взаимодействовать друг с другом для продажи товаров, предоставления услуг или для обмена, либо для совместного использования контента, товаров или услуг». В Практике Европейской комиссии цифровая платформа понимается как компания, функционирующая на двухсторонних или многосторонних рынках и использующая

информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» для обеспечения взаимодействия между двумя или более взаимозависимыми группами пользователей.

Цифровая платформа по своей сущности является своеобразной «точкой входа» [1, с. 39] для участников рынка, в связи с чем у нее появляются дополнительные возможности для злоупотребления своим положением. Принятый 15 декабря 2020 года Закон о цифровых рынках (Digital Markets Act) Европейского Союза [11] учитывает данный факт и для определения доминирующей цифровой платформы использует термин «привратник» (gatekeeper). В качестве «привратников» рассматриваются поставщики основных услуг платформы, если они оказывают значительное влияние на внутренний рынок; управляют основной платформой обслуживания, которая служит важным шлюзом для бизнес-пользователей, и позволяют им осуществлять взаимодействие с конечными пользователями; пользуются прочным положением в своих операциях. Установлен количественный показатель значительного влияния цифровой платформы, а субъекты, удовлетворяющие данному критерию, должны соблюдать определенные ограничения и требования. Кроме того, Закон о цифровых рынках ЕС регламентирует порядок взаимодействия «привратников» и пользователей платформы в рамках конкретных ситуаций, поэтому его законодательные положения могут быть полезными при разработке нормативных правовых актов различных стран в сфере антимонопольного регулирования цифровых платформ.

Формирование новых практик ведения предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики требует определить, какие действия интернет-компаний могут причинить вред конкуренции или являться монополистической деятельностью и, следовательно, должны быть признаны нарушениями антимонопольного законодательства.

Наличие так называемых «сетевых эффектов» и «больших данных» (Big Data) обусловлено ситуацией, когда ценность подсоединения к интернет-платформе для пользователя зависит от количества ее участников. Благодаря сетевому эффекту владелец платформы получает экономическое преимущество за счет большого числа пользователей и доступа к данным об их поисковых запросах и интересах («большие данные»). А для компаний — конкурентов платформы наличие таких эффектов может служить препятствием для входа на рынок. Уполномоченные органы должны проводить анализ реальной возможности потребителей выбирать иные платформы, а также устанавливать влияние платформы на условия обращения товаров и определение уровня цен. Не должны остаться без внимания платформы, где происходит взаимодействие продавцов и покупателей, т.к. информация о потребителях может использоваться для ценовой дискриминации путем установления различных цен на основании запросов интернет-поиска и опыта покупок через платформу.

Признание цифровых платформ субъектами, способными злоупотреблять доминирующим положением, требует совершенствования подходов к анализу товарного рынка, что важно для предупреждения, выявления и пресечения их антиконкурентной деятельности. В настоящее время нормативное регулирование не содержит четких

критериев определения рыночной власти цифровых платформ. Традиционный анализ товарного рынка не учитывает, что пользователи цифровой платформы могут получать ее услуги без предоставления платы. Однако многосторонний характер цифровой платформы подразумевает возможность получения платы от иных участников – например, компаний, которые платят цифровой платформе за доступ к потребителям своих услуг за счет рекламы. Кроме того, отсутствие денежного предоставления не означает отсутствие платы за услуги платформы вообще – «потребители платят своим вниманием и информацией», что позволяет цифровой платформе совершенствовать взаимодействие с потребителями на основании данных о них.

Подводя итог, следует сделать вывод, что действующее антимонопольное законодательство Российской Федерации требует некоторых изменений для повышения эффективности правового регулирования деятельности цифровых платформ и сдерживания их рыночной власти, обеспечения прав и законных интересов участников рынка. При этом особое внимание необходимо уделить анализу зарубежного опыта нормативной регламентации данной сферы, поскольку деятельность цифровых платформ нередко носит глобальный характер, что обуславливает наличие общих проблем, которые подлежат решению антимонопольными ведомствами различных государств.

Библиографический список

1. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции: монография / А. Ю. Цариковский, Н. Ф. Галимханова, А. П. Тенишев [и др.]; под ред. А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова, Е. А. Войниканис. – 3-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 394 с.
2. О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 22 декабря 2020 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 15. – Ст. 766; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 50. – Ч. 3. – Ст. 8074.
3. О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2021. – № 5.
4. Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года (утв. протоколом Президиума ФАС России от 3 июля 2019 г. № 6) // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» // КонсультантПлюс : справочная правовая система / разработ. НПО "Вычисл. математика и информатика". – М.: КонсультантПлюс, 1997-2022. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Феде-

рации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 (ред. от 21 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 20. – Ст. 2817; 2020. – № 30. – Ст. 4884.

6. О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»: Проект Федерального закона [Электронный ресурс] – URL: <https://regulation.gov.ru/projects#пра=79428>.

7. Экосистемы: подходы к регулированию. Доклад для общественных консультаций. Банк России, апрель 2021 г. [Электронный ресурс] – URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (Дата обращения: 20.09.2022).

8. Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen. Bundesgesetzblatt. Teil I. 1998. Nr. 59 vom 02.09.1998 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/gwb/index.html> (дата обращения: 20.09.22)

9. Loi n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000033202746/> (дата обращения: 20.09.2022).

10. Online Platforms and the Digital Single Market. Select Committee on European Union. 10th Report of Session 2015-16 [Электронный ресурс]. – URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld201516/ldselect/ldeucom/129/129.pdf> (дата обращения: 20.09.2022).

11. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on contestable and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act). Brussels, 15.12.2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?qid=1608116887159&uri=COM%3A2020%3A842%3AFIN> (дата обращения: 20.09.2022).

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF ANTI-DRUG DIGITALIZATION

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются эффективные направления в деле цифровизации противодействия наркопреступлений в Российской Федерации. Также анализируется зарубежный опыт регулирования антинаркотической безопасности, мер контроля и повествуется о направлениях повышения эффективности контроля над преступностью в России.*

***Abstract.** This article discusses effective areas in the digitalization of countering drug crimes in the Russian Federation. It also analyzes foreign experience in the regulation of anti-drug security, control measures and tells about the ways to increase the effectiveness of crime control in Russia.*

***Ключевые слова:** наркотики, безопасность, стратегия, виктимизация, молодежь.*

***Keywords:** drugs, security, strategy, victimization, youth.*

С появлением многочисленных тематических исследований проливается новый свет на взаимосвязь между наркотической преступностью в сети интернет. Хотя взаимосвязь между наркотиками и сетью интернет является сложной, исследования позволили получить соответствующие знания, позволяющие практическим работникам и лицам, формирующим политику, разрабатывать рамки и программы, направленные на устранение факторов риска сбыта психоактивных веществ через сеть интернет.

Согласно статистическим данным примерно 62,3% молодежи группы риска в возрасте 15-17 лет занимались ранним употреблением алкоголя и 29,2% – ранним употреблением наркотиков. Опрос также показывает, что по сравнению с более ранними исследованиями возраст первого использования, как правило, ниже.

Тем не менее, раннее употребление наркотиков и алкоголя и более позднее проблемное употребление являются известными факторами риска будущей наркопреступности среди молодежи в сети интернет.

Фактически, последующий сбыт психоактивных веществ через интернет-ресурсы, может привести к тому, что люди будут заниматься преступной деятельностью, чтобы поддержать свою зависимость и набить свои карманы. Люди чаще всего занимаются магазинными кражами, проституцией, взломом и проникновением в качестве метода получения алкоголя и запрещенных наркотиков.

Профилактика сбыта психоактивных веществ среди молодежи в сети интернет не только принесет пользу здоровью, но и снизит риск будущего преступного поведения, поскольку несколько факторов риска и защитных факторов являются общими как для злоупотребления психоактивными веществами, так и для преступного поведения.

Важно понимать проблемы, с которыми сталкивается молодежь, подверженная риску употребления или уже употребляющая наркотики и алкоголь из-за связи с другими антисоциальными и насильственными видами поведения. Криминологическая литература изобилует исследованиями, которые коррелируют причастность наркотиков к преступной деятельности.

Черный ящик в этой области заключается не в том, происходит ли преступление, связанное с наркотиками, а, скорее, в механике того, как оно происходит. На это нет готового ответа. Скорее, результаты исследований показывают диапазон ответов, которые варьируются в зависимости от вида рассматриваемых препаратов, индивидуальных факторов, когортной демографии, психологической предрасположенности, экономических обстоятельств, биологических маркеров и влияния окружающей среды. Однако эти ссылки не будут рассматриваться, поскольку они выходят за рамки настоящего документа.

80 % сбыта, не выявленного правоохрнительными органами, совершается именно с помощью электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). Поэтому необходимо проработать специальную правовую платформу для применения современных цифровых технологий [3, с. 51], так как данная платформа может быть использована правоохрнителями для выявления преступников. Несмотря на расширяющуюся потребность в технологиях, они должны применяться в правоохрнительной деятельности не всеми сотрудниками правоохрнительных органов. Вероятнее всего, должен быть организован соответствующий отдел в структуре оперативных подразделений, специализирующихся на борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Цифровизация наркопреступлений связана не только со сбытом наркотиков. Явная неготовность нашего законодателя и, главное, правоприменителя адекватно реагировать на происходящие в мире технологические перемены [1]. Должен ли законодатель реагировать на появляющиеся преобладающие способы совершения преступлений. В наше время преобладание конкретного способа совершения уголовно наказуемого деяния, а так же массовость преступлений, совершенных этим способом, это проблема, которую должен решать законодатель, чтобы оперативно реагировать на изменения «преступного поля».

Злоупотребление психоактивными веществами, особенно алкоголем, может

быть провоцирующим или отягчающим фактором при совершении преступления, либо ухудшая способность лица надлежащим образом реагировать на трудные ситуации, либо делая лиц более уязвимыми для виктимизации.

Также эффективным направлением цифровизации противодействия наркопреступлений может стать использование для выявления сбыта наркотиков, особенно, при приготовлении к нему, современных технических ресурсов. Необходимость данного способа заключается, в первую очередь, в том, что зачастую интернет ресурсы, через которые осуществляется поиск клиентов-покупателей наркотиков, по статистике, находятся за границей. Отслеживание наркопереписки позволит выявлять время и место сбыта, увеличить процент пресечения таких преступлений, уменьшить число потребления наркодоз.

Факторы, которые могут объяснить как употребление наркотиков, так и сбыть, включают бедность, отсутствие социальных ценностей, расстройства личности, связь с потребителями наркотиков и/или правонарушителями и потерю контакта с агентами социализации.

Другим важным аспектом злоупотребления психоактивными веществами является его связь с виктимизацией, особенно его негативные последствия для семейной жизни. Родители, страдающие зависимостью от психоактивных веществ, часто причастны к халатности, жестокому обращению и сексуальному или физическому насилию над своими детьми.

Так, Ю.Б. Гаврюшкин, А.А. Бордачева в антинаркотической безопасности видят «защищенность интересов личности, общества и государства от угрозы распространения запрещенных наркотических средств и последствий, связанных с данной угрозой» [3, с. 23].

Ю.Г. Кипселиди раскрывает понятие антинаркотической функции, которая «связана с обеспечением внутренней и внешней безопасности граждан и социальной защищенностью общества. Данная функция является функцией обеспечения условий выживания и саморазвития общества, без которого государство как таковое не существует» [2, с. 37].

Большую часть своего времени в интернете проводит школьная молодежь, и школы являются важными местами, в которых можно предоставить знания и инструменты для предотвращения и сокращения участия молодежи в употреблении, а так же возможном сбыте ими наркотиков. Успешные программы профилактики в школах, ориентированные на тех, кто подвергается наибольшему риску, способствуют сокращению преступности, связанной с наркотиками. Школы обеспечивают благоприятную среду для реализации профилактических программ, направленных на снижение факторов риска и повышение защитных факторов употребления психоактивных веществ и злоупотребления ими и будущей преступности среди молодежи.

Было доказано, что школьные программы профилактики наркомании, которые являются целевыми, основанными на фактических данных, интерактивными, ориентированными на молодежь и привлекающими, добиваются успеха в сокращении зло-

употребления наркотиками. В целом, было показано, что успешные школьные программы включают вмешательства, проводимые обученными специалистами, ограниченным числом студентов, интенсивным контактом и бустерными сессиями для молодежи, подвергающейся наибольшему риску на последнем этапе вмешательства. Эти многообещающие и эффективные профилактические программы также часто сочетают партнерские отношения с общинными партнерствами с компонентами вмешательства, которые, как известно, работают и используют обученный, знающий и преданный своему делу персонал, который может действительно общаться с молодежью и вовлекать ее.

Несмотря на то, что все указанные точки зрения отличны друг от друга, они имеют общую идею – обеспечение жизнеспособности и конкурентоспособности страны, что напрямую зависит от состояния человеческих ресурсов. Фактически – это генеральная цель Стратегии национальной безопасности [1], которая привязана к категории национальной безопасности. Формулировка последней в Стратегии национальной безопасности [1], по сути, отражает устойчивость социальной системы, в которую входят как органы государственной власти, так и отдельные индивиды, к объективно негативным факторам воздействия, обеспечивая ее способность к развитию.

Различные виды безопасности предполагают устойчивость социальной системы и ее развитие в условиях воздействия специфических негативных человеческих проявлений. Криминологическая безопасность, соответственно, предполагает способность социальной системы к конструктивному разрешению противоречий, расцениваемых как криминогенные факторы, ее резильентность к «дочерней» системе преступности и объективно негативным воздействиям последней. Говоря иначе, криминологическая безопасность является частью национальной и основой построения уголовной политики как политики обеспечения безопасности, антикриминальной.

Цель Стратегии государственной антинаркотической политики заключается в содействии более безопасным и здоровым группам посредством скоординированных усилий по профилактике употребления, лечению зависимости и сокращению производства и распространения запрещенных наркотиков.

Стратегия включает в себя три плана действий: профилактика, лечение и обеспечение соблюдения:

- цели плана действий по профилактике заключаются в том, чтобы не допустить употребления молодежью запрещенных наркотиков путем повышения их осведомленности и понимания вредных социальных и медицинских последствий незаконного употребления наркотиков; и разрабатывать и осуществлять на уровне общества мероприятия и инициативы по предупреждению незаконного употребления наркотиков;

- целью плана действий по лечению является поддержка эффективных систем и услуг лечения и реабилитации путем разработки и внедрения инновационных и совместных подходов;

- цель Плана правоприменительных действий заключается в том, чтобы содей-

ствовать безопасному срыву незаконных операций с наркотиками, особенно в отношении преступных организаций.

Ожидается, что планы действий Стратегии будут способствовать сокращению предложения запрещенных наркотиков и спроса на них, что в конечном итоге будет способствовать повышению безопасности и здоровью общества.

Основными бенефициарами Стратегии являются молодые люди и их родители, целевые группы риска или уязвимые группы населения, а также общественность. Учреждения по оказанию лечения, педагоги, медицинские работники, полиция и другие поставщики социальных услуг, исследователи и практикующие специалисты относятся к числу второстепенных бенефициаров Стратегии, учитывая, что мероприятия, проводимые в рамках Стратегии, облегчают и улучшают их работу.

Стратегия также охватывает широкий круг национальных и международных заинтересованных сторон, включая правительственные и неправительственные организации (НПО), академические учреждения, общины, корпорации и ассоциации частного сектора и регулируемые стороны. Заинтересованные стороны играют различные роли в Стратегии, включая предоставление услуг, инициирование новых программ, проведение исследований и разработок и оказание консультативной поддержки.

Интересен опыт борьбы с употреблением наркотиков в Китае, так подобное правонарушение является административным, а не уголовным, однако лица, задержанные органами общественной безопасности, подвергаются принудительному «обращению». Этот подход был предметом широкого осуждения, в том числе неоднократных призывов в течение последнего десятилетия со стороны учреждений Организации Объединенных Наций, экспертов ООН по правам человека и правозащитных организаций к стране закрыть центры обязательного содержания под стражей наркотиков и увеличить добровольные, основанные на сообществе ООН альтернативы. Тем не менее, в период с 2012 по 2018 год число людей, находящихся в центрах принудительного содержания под стражей наркозависимых в Китае, оставалось практически неизменным, а число лиц, обучающихся принудительному лечению на уровне общества, резко возросло [4, С. 5].

В дополнение к этим подходам правительство вводит всех людей, задержанных органами общественной безопасности за употребление наркотиков в Китае, в систему, называемую Системой динамического контроля и раннего предупреждения потребителей наркотиков в Интернете или Динамической системой контроля (DCS). Это система отчетности и контроля, созданная министерством общественной безопасности в 2006 году. Лица попадают в систему независимо от того, зависят ли они от наркотиков или подвергаются уголовному или административному задержанию; некоторые лица, которые могут быть задержаны службой общественной безопасности, но официально не задержаны, также могут быть зачислены в DCS.

Показатели эффективности проводимой антинаркотической политики связаны с результатами антинаркотической деятельности по направлениям сокращения спроса на наркотики, их предложения, минимизацией вреда от распространения злоупотреб-

ления наркотиками, устранением последствий незаконного оборота наркотиков. При этом антинаркотическая деятельность должна основываться на существенных принципах концепции криминологической безопасности.

Поэтому приоритетными являются показатели, отражающие контролируемость наркоситуации, ее социально-экономическую стоимость, состояние человеческих ресурсов в связи с принимаемыми мерами.

Комплексный характер таких показателей требует их систематизации по критерию эффективности функционирования основных субъектов обеспечения реализации антинаркотической политики по отношению к содержанию рисков, продуцируемых традиционными детерминантами незаконного оборота наркотиков. В связи с чем необходимы показатели, которые отражают эффективность функционирования специальных и иных участников предупреждения незаконного оборота наркотиков, прежде всего эффективность деятельности органов правоохранительной системы и учреждений системы здравоохранения.

К ключевым индикаторам первой группы отнесены показатели, отражающие функциональность правоохранительной, судебной системы, системы исполнения наказаний в обеспечении антинаркотической безопасности: распространенность тяжелой преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков; доступность наркотиков; типовые закономерности общественной опасности личности наркопреступников.

К ключевым индикаторам второй группы отнесены показатели, отражающие функциональность наркологической службы, реабилитационного звена, иных участников профилактики противоправного поведения и наркопотребления: динамика закономерностей поведения наркопотребителей; эффективность социальной адаптации наркопотребителей и др.

Библиографический список

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.03.2022).

2. Лапатников, М. В. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков : учебное пособие для вузов / М. В. Лапатников, Т. А. Николаева, И.А. Казнина. – Москва : Юрайт, 2022. – 174 с.

3. Шереги, Ф. Э. Социология девиации. Наркоситуация в молодежной среде : учебное пособие для вузов / Ф. Э. Шереги, А. Л. Арефьев. – 2-е изд., доп. – Москва : Юрайт, 2022. – 166 с.

4. Казанин, М. В. Наркотическая угроза: основные направления борьбы и результаты (на примере Китайской народной республики) / М. В. Казанин // Наука и образование: хозяйство и экономика: предпринимательство, право и управление. – 2014. – №10. – С. 1-5.

**Ермизина А.А., студент юридического
факультета Оренбургского
государственного университета**

Научный руководитель

Ерохина Е.В., доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского
государственного университета, канд. юрид. наук, доцент

**ЭСТЕТИКА СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
В ЦИФРОВОМ МИРЕ**

**THE AESTHETICS OF A LAW ENFORCEMENT OFFICER
IN A DIGITAL WORLD**

***Аннотация.** Деятельность сотрудника полиции одна из самых ключевых профессий в стране, так как она связана с защитой прав и свобод каждого человека, с обеспечением безопасности личности, государства и общества в целом. Люди доверяют безопасность своей жизни полиции, это зависит не только от профессиональных качеств сотрудника, но и от поведения и внешнего вида. В настоящее время цифровизация мира, развитие социальных сетей, доступность гаджетов, которые снимают видео и фото в любой момент и могут вести прямой эфир, выдвигает новые требования профессиональной эстетики и специфика служебного этикета сотрудника ОВД.*

***Abstract.** The activity of a police officer is one of the most key professions in the country, as it is related to the protection of the rights and freedoms of every person, to the security of the individual, the state and society as a whole. People trust the safety of their lives to the police, it depends not only on the professional qualities of the employee, but also on the behavior and appearance. Nowadays, digitalization of the world, the development of social networks, the availability of gadgets that shoot video and photos at any time and can live broadcast new requirements of professional aesthetics and the specifics of the official etiquette of the employee of the IAB.*

***Ключевые слова:** профессиональная этика, служебный этикет, цифровизация, социальные сети, прямой эфир.*

***Keywords:** professional ethics, service etiquette, digitalization, social networks, live broadcasting.*

Под профессиональной эстетикой принято понимать исторически сформировавшуюся совокупность нравственных принципов, норм, предписаний, заповедей, кодексов, научных теорий о должном поведении представителя определенной про-

фессии и обусловленных ее спецификой профессиональных обязанностях. Под предметом эстетики сотрудников ОВД следует понимать реализацию профессиональной культуры сотрудника на уровне общества, группы или личности [2].

Являясь стражами общественного порядка, правоохранительные органы находятся в эпицентре водоворота технологических и демографических сдвигов, которые сотрясают основы работы полиции. Как граждане, мы по-прежнему ожидаем увидеть, как «наши полицейские на месте происшествия» выполняют работу, которую мы традиционно связывали с человеком в форме. Цифровизация мира, развитие социальных сетей, доступность гаджетов, которые снимают видео и фото в любой момент и могут вести прямой эфир, выдвигает новые требования профессиональной эстетики и специфика служебного этикета сотрудника ОВД.

Раннее внедрение новых технологий преступниками; все более трансграничный характер преступности; распространение данных; и киберугрозы со стороны любителей, а также со стороны государственных субъектов означают, что полиция должна стать более технологически подкованной и управляемой данными службой.

Правила и принципы, которые регулируют внешние стороны выполнения служебных обязанностей сотрудниками полиции, их профессионального общения с различными категориями граждан, коллегами, начальниками и подчиненными, а также их внешнего вида и речи характеризуются служебным этикетом в органах внутренних дел. В силу специфики службы в органах внутренних дел служебный этикет в ОВД имеет свои ярко выраженные особенности, такие как:

1. Большинство правил и принципов служебного этикета в ОВД закреплено в нормативных правовых актах, прежде всего, во внутренних нормативных актах МВД России. Профессиональное общение сотрудников полиции с гражданами регулируется уставами, приказами, наставлениями, инструкциями, выполнение которых для сотрудников полиции строго обязательно;

2. За нарушение правил служебного этикета сотрудник полиции может понести дисциплинарную или административную ответственность. Дисциплинарная ответственность накладывается непосредственным начальником или начальником подразделения ОВД;

3. Жесткая субординация начальников и подчиненных. Знаки отличия на форменной одежде, правительственные награды, правила приветствия и обращения подчеркивают субординацию рядового и начальствующего состава в органах внутренних дел;

4. Наличие большого количества служебных ритуалов и церемоний [3].

Реализация указанных особенностей служебного этикета является необходимым условием сплочения служебных коллективов в ОВД, создания в них благоприятного морально-психологического климата.

К сожалению, сотруднику ОВД зачастую приходится иметь дело с далеко не лучшими представителями общества. В этих условиях от сотрудника требуются определенные качества: особая выдержка, воля, тактичность, личное достоинство: стро-

гость, но не грубость; аргументированность, а не угрозы; твердый тон, но не крик, и т.д. Отказ от этих правил – признак поражения сотрудника полиции, его слабости как солдата правопорядка.

Как правило, этикет базируется на таких понятиях, как искренность, доброжелательность, совесть, справедливость, достоинство, честь, составляющих неотъемлемую моральную грань этикета. В свою очередь, служебный этикет сотрудников органов внутренних дел имеет правовую грань, поскольку многие правила этикета носят обязательный характер, регламентируются уставами, приказами и должностными инструкциями.

Служебный этикет регламентируют правила поведения сотрудника с различными категориями граждан (законопослушными и правонарушителями, мужчинами и женщинами, пожилыми и детьми, соотечественниками и иностранными гражданами, потерпевшими и подозреваемыми и др.), каждая из которых требует особого подхода, такта, внимания.

Вместе с тем в любой ситуации, при общении с любым гражданином сотрудник должен вести себя с достоинством, доброжелательно и открыто, внимательно и предупредительно. Такое поведение полицейского вызывает уважение у граждан, желание сотрудничать с ним.

При обращении к гражданину сотруднику полиции необходимо приложить правую руку к головному убору, представиться и четко назвать причину обращения. Взгляд может быть холодный, равнодушный, надменный, агрессивный, наглый; но взгляд может быть и доброжелательный, стимулирующий, заинтересованный, искренний, уважительный, успокаивающий. Неприятное впечатление производит сотрудник, уводящий взгляд в сторону, глядящий поверх головы гражданина, с «бегаящими» глазами.

Во всех случаях сотрудник полиции должен помнить о чести мундира. Недобрый поступок одного сотрудника бросает пятно в глазах граждан на весь корпус полицейских. Полицейский не может позволить себе употреблять спиртные напитки во время службы; есть, пить, курить в движении и в непопозволенных местах; посещать в форме рестораны, казино, рынки, если это не связано с выполнением служебных задач; сквернословить; нарушать форму одежды; не соблюдать правила дорожного движения, находясь за рулем служебного или личного автомобиля [1].

Важной стороной профессиональной деятельности сотрудника ОВД является культура его устной и письменной речи. Эта культура проявляется в его умении грамотно, доходчиво и точно передавать мысли. Культура речи обязывает сотрудника придерживаться определенных речевых норм (см. рис. 1).

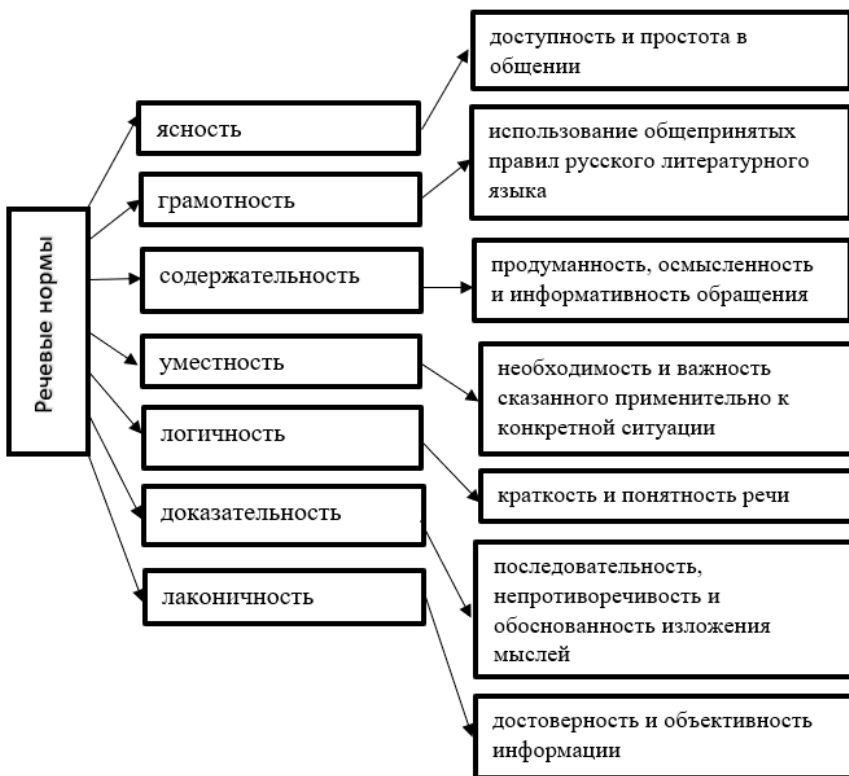

Рис. 1 Речевые нормы сотрудника ОВД
(составлено автором)

Так, нельзя заполнять паузы в беседе бессмысленными звуками, не рекомендуется обращаться к незнакомым гражданам на «ты», что ставит гражданина в неравное положение, поскольку воспитанный человек не может также обращаться к сотруднику полиции. Категорически запрещено употреблять нецензурные выражения. В общении с гражданами сотрудник полиции не имеет права каким-либо образом унижать их национальное или религиозное достоинство, проявлять высокомерие, грубость, заносчивость, применять угрозы и оскорбительные выражения, грубые шутки и злую иронию.

Таким образом, грамотная речь сотрудника, ее мягкий тон, четкое выражение цели беседы, корректность и доброжелательность – кратчайший путь к правильному общению сотрудника с гражданином и его позитивному завершению.

Стоит отметить, что залогом авторитета сотрудника ОВД среди населения является внешний вид, представляющий собой важный признак его культуры и воспитанности. Этикетные требования к внешнему виду и форме одежды сотрудников ОВД

определяются Приказом МВД России от 17 ноября 2020 г. № 777 «Об утверждении Правил ношения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации форменной одежды, знаков различия и ведомственных знаков отличия».

Так, основными требованиями к одежде и ношению аксессуаров являются строгость, чистота, удобство, практичность. Предполагается ношение мужчинами-сотрудниками строгого костюма с рубашкой и галстуком, женщинами – строгого костюма с блузкой и юбкой классического покроя. Цвет одежды не должен быть ярким, одежда должна быть однотонного цвета, цветковые вставки, если имеются, не должны контрастировать. Мужчины могут носить брюки с джемпером, женщины – платья. Предметы одежды должны быть чистыми и отутюженными, обувь – в исправном состоянии и вычищена до блеска. Ношение костюма не является обязательным, но избираемая сотрудником одежда должна приближаться к деловому костюму по своей строгости и лоску. Не допускается в служебное время ношение одежды и обуви спортивного и пляжного стиля, в том числе джинсовой и кожаной одежды, шорт, открытых сарафанов, теннисок, толстовок, кроссовок, одежды с глубоким декольте, одежды, оголяющей плечи и живот, юбок, длина которых выше середины бедра или около того, юбок с высоким разрезом, одежды из блестящих тканей, откровенно праздничной одежды, сандалий и шлепанцев, обуви с завязками на щиколотках.

Цветовые сочетания рисунка на одежде должны соответствовать деловому стилю: исключаются излишне яркие цвета, чрезмерная пестрота. Расцветка рубашки и галстука не должна быть яркой, даже если это цвет, обращающий на себя внимание, он должен быть светлых пастельных оттенков и однотонным или с не бросающейся клеткой. Манжеты рубашки должны быть чуть ниже запястья и на 1 см ниже рукава пиджака. Брюки не должны быть узкими или расклешенными. Костюмные брюки не должны быть короткими, заканчиваться на уровне середины каблука. Блузки у женщин могут быть любого фасона, но не излишне открытые или прозрачные. В летнее время допускается ношение одежды с короткими рукавами, но без открытия плеч. В зимнее время можно надеть тонкую водолазку под пиджак, не допускается нахождение мужчин в помещениях в головных уборах. В осенне-зимний период лучше иметь для ношения в служебных помещениях сменную обувь.

Для женщин рекомендуется ношение прямых юбок, длина которой должна быть до середины колена, может быть выше или ниже колена на ладонь, максимальная длина юбки – до щиколотки. Не допустимо надевать брюки с заниженной линией талии и укороченные брюки. Если на брюках есть петли для пояса, то он обязательно должен быть. Длина брюк должна доходить до середины каблука. Высота каблука женской обуви не должна превышать 5-7 сантиметров.

Не допустим слишком яркий и вызывающий макияж, рекомендуется использовать декоративную косметику близкую к натуральным тонам и подчеркивающую естественность лица. При ношении аксессуаров необходимо проявлять сдержанность и разумную умеренность: нельзя носить цепочки на ноге, нельзя иметь татуировки и пирсинг на открытых участках тела. Прическа у женщин должна быть элегантная,

приветствуются аккуратные стрижки, длинные волосы должны быть аккуратно уложены, не приветствуются яркие, неестественные оттенки цвета волос.

Для мужчин не допускается щетина на лице, ношение бороды. Можно носить аккуратно подстриженные усы, кончики их должны быть не ниже линии губ. Прическа у мужчин должна быть аккуратная, волосы в самом длинном месте должны быть не длиннее двух см, не допускается стрижка наголо.

Сотрудникам и работникам органов внутренних дел необходимо содержать руки в безупречной чистоте и порядке. Женщинам – использовать в маникюре лак для ногтей неярких оттенков. Средства парфюмерии: духи, туалетная вода, дезодоранты – не должны доставлять неудобства окружающим. С форменной одеждой можно носить исключительно обувь, сумки, перчатки, а также носки черного цвета. При ношении форменной одежды не нужно носить цепи, кольца (кроме обручальных), женщинам – крупные серьги, браслеты. Колготы у женщин в зимнее время должны быть черными, в летнее – телесного цвета. Волосы в причёске не должны закрывать погоны и иные знаки различия.

Сотрудникам и работникам органов внутренних дел необходимо руководствоваться пониманием того, что их внешний вид несет информацию о корпоративной культуре, носителем которой они являются, и придерживаться общепринятых стандартов и норм делового стиля в одежде.

То есть, внешний вид сотрудника подчинен деловому стилю ношения одежды и аксессуаров. Внешний вид сотрудников и работников органов внутренних дел соответствует созданию деловой атмосферы для делового общения и переговоров. Именно деловой стиль одежды и ношения аксессуаров соответствует общепринятым нормам и правилам выстраивания социальных отношений, реализации социальных и профессиональных компетенций.

Таким образом, определенные правила, соблюдаемые сотрудниками ОВД вызывают у граждан уважительное отношение к ним, оказывают на окружающих воспитывающее, дисциплинирующее влияние, а эстетическая культура стоит на страже чести, личного достоинства и авторитета сотрудников органов внутренних дел и требует от них того же по отношению к гражданам.

Библиографический список

1. Об утверждении Правил ношения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации форменной одежды, знаков различия и ведомственных знаков отличия: Приказ МВД России от 17 ноября 2020 г. N 777 // КонсультантПлюс : справочная правовая система / разработ. НПО "Вычисл. математика и информатика". – М. : КонсультантПлюс, 1997-2022. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

2. Стригуненко, Ю.В. Роль эстетической культуры в формировании нравственного облика сотрудника органов внутренних дел / Ю. В. Стригуненко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – №12-1. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/rol-esteticheskoy-kultury-v-formirovanii-nravstvennogo-oblika-sotru>

3. Эстетическая культура и эстетическое воспитание сотрудников правоохранительных органов : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В. В. Горохова, А. Л. Золкин, И. А. Калиниченко [и др.] ; под ред. И. А. Калиниченко. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2021. – 151 с. – ISBN 978-5-238-03429-4.

4. Карел, Л. В. Формирование профессионального этикета сотрудников органов внутренних дел / Л. В. Карел // Молодой ученый. – 2019. – № 24 (262). – С. 464-466.

**КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

**THE CONCEPT OF THE DEVELOPMENT OF PUBLIC SERVICES
IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION**

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению концепций развития сферы государственных услуг в условиях цифровизации. Автор раскрывает программы государства и достижения, которые были достигнуты в условиях цифровизации.*

***Abstract.** The article is devoted to the consideration of the concepts of the development of public services in the context of digitalization. The author reveals the programs of the state and the achievements that have been achieved in the conditions of digitalization.*

***Ключевые слова:** цифровизация, государственные программы, государственное управление, электронное правительство, концепции.*

***Keywords:** digitalization, government programs, public administration, e-government, concepts.*

В процессе развития общества и государства в целом главную роль начинают играть научные достижения, которые связаны с возможностью удаленно решать проблему. На сегодняшний день одним из важных направлений социально-экономического развития большинства стран мира является цифровизация различных отраслей общества.

В научной литературе, которая посвящена проблемам цифровизации государственного управления, давно сложилось и закрепилось мнение о том, что развитие электронного государства является эволюционным процессом.

Можно представить, что на первой стадии развития электронного государства оно присутствует на странице сети Интернет и просто обеспечивает получение информации. Далее сайты государственных органов обмениваются информацией с гражданами, а потребители даже могут получать определенные ресурсы из информационных баз. С последующим развитием люди могут совершать финансовые операции через сайты органов государственной власти, не выходя из дома. Например, это

оплата государственных пошлин, налогов, уплата штрафов и др.

Что же такое цифровизация? Под цифровизацией понимается использование и внедрение цифровых технологий, целью которых будет являться повышение эффективности и результативности деятельности государственных органов.

Данное направление совершенствование системы государственного управления весьма перспективно и будет подвергаться развитию с каждым годом все больше и больше. Здесь также стоит обратить внимание на период пандемии, когда вся деятельность населения и органов власти была перенесена в дистанционный формат.

В начале XXI века Правительство Российской Федерации утвердило Федеральную целевую программу «Электронная Россия (2002-2010 годы)». Данная программа была рассчитана на постепенный переход предоставления государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном формате; развитие и повышение качества инфраструктуры доступа к информационным ресурсам государственных органов; развитие инфраструктуры электронного правительства [2].

При реализации программы «Электронная Россия (2002-2010 годы)» возникли трудности, но, тем не менее, были и некоторые достижения, например:

- 1) были созданы сайты в сети Интернет органов власти и ведомств;
- 2) происходило обучение государственных и муниципальных служащих использованию цифровых технологий
- 3) была создана государственная автоматизированная система «Законотворчество».

Следует понимать, что необходимость создания электронного правительства возникла не случайно. Это было связано с запросом граждан Российской Федерации для использования всех преимуществ внедряемых информационных технологий, как для отдельных лиц, так и для представителей бизнеса.

После окончания программы «Электронная Россия (2002-2010 годы)» отмечалось, что в России отсутствовал законодательно утвержденный перечень государственных и муниципальных услуг, которые оказывались в электронном формате, существовала разобщенность государственных информационных ресурсов. Из-за этого возникала проблема повторения информации на сайтах государственных органов [3].

Главная проблема развития информационного общества заключалась в отсутствии инфраструктуры, которая бы обеспечивала информационную безопасность электронных форм взаимодействия органов власти между собой, с физическими и юридическими лицами.

Но процесс развития не останавливался. Это подтверждается проектом концепции развития электронной демократии в рамках реализации государственной программы «Информационное общество (2011-2020 годы)», которая была размещена на сайте Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Вследствие этого был создан портал «Электронная демократия».

В проекте «Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года» были даны различия понятий «электронное правитель-

ство» и «электронная демократия», закреплены основные приоритеты направления развития.

Федеральный закон «Об электронной подписи», который вступил в силу 6 апреля 2011 года, призван расширить сферу использования электронной цифровой подписи. Такая подпись в современном мире часто используется во всех сферах взаимодействия власти, бизнеса и обычных потребителей услуг. Тем самым, дополняя развитие услуг электронного правительства и его основные подразделения по работе с клиентами [1].

Стоит обратить внимание на программу «Цифровая экономика Российской Федерации», которая была утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 года. Согласно данной программе выделяются несколько специфических особенностей, характеризующих новую цифровую систему государственного управления:

- 1) государственные услуги будут оказываться в рамках единой цифровой облачной платформы, которая имеет открытые интерфейсы межмашинного взаимодействия;
- 2) минимизация коррупционных рисков за счет исключения влияния человеческого фактора в административной системе;
- 3) предоставление государственных услуг через единую цифровую платформу.

Какие были достигнуты достижения России при внедрении цифровых технологий в государственное управление?

Очевидным достижением является единый портал органов государственной власти Российской Федерации. Сайт Президента Российской Федерации обеспечивает доступ граждан к правовой, технической и иной информации. Сайт Правительства Российской Федерации позволяет получить необходимый и достаточный объем информации о работе Правительства, министерств и ведомств, имеет ссылки, которые обеспечивают доступ к порталам госуслуг, госпрограмм, бюджетной системы Российской Федерации, единой информационной системы в сфере закупок и др.

Цифровые технологии способствуют тому, чтобы системы управления государств отвечали настоящим и будущим потребностям население, а их использование было связано с целями устойчивого развития.

Но цифровые инициативы не должны ограничиваться только интересами ведомств. Прежде всего, они должны отвечать интересам граждан для того, чтобы эффективно поддерживались и развивались данные цифровые инициативы. Только такой подход, который будет ориентирован на граждан, может подчинить постоянно изменяющиеся технологии и помочь создать саморегулируемую систему электронного управления.

Хотелось бы еще отметить федеральный проект «Цифровое государственное управление», с которым можно ознакомиться на сайте Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Данный проект

направлен на достижение национальной цели «Цифровая трансформация», которая определена указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2021 года «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [4].

Главной целью этого проекта является увеличение массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде до 95% к 2030 году.

В мероприятиях данного проекта выделяются следующие направления:

1) обеспечение удовлетворенности граждан качеством предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронном формате с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг;

2) цифровизация процессов предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций государственными органами власти;

3) стимулирование граждан к получению государственных и муниципальных услуг в электронном виде с использованием ЕПГУ;

4) повышение качества и удобства предоставляемых органами государственной власти госуслуг, а также расширение количества госуслуг, которые граждане и организации смогут получить в электронном формате;

5) повышение скорости обслуживания граждан и создание комфортных условий, в том числе и для бизнеса, при оказании государственных, муниципальных и иных услуг, а также цифровая трансформация услуг и взаимоотношений в обществе;

6) создание возможностей для перехода на цифровое взаимодействие граждан, бизнеса и государства.

Подводя итоги, можно сказать, что процесс цифровизации в нашей стране находится на стадии формирования. Потенциал современных цифровых технологий позволяет предположить вероятные направления их использования в государственном управлении.

Библиографический список

1. Об электронной подписи: федер. закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ // Российская газета. – 2011. – 12 апр. (№ 80).

2. О федеральной целевой программе «Электронная Россия» (2002-2010 годы): Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 г. № 65 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 5. – Ст. 531.

3. О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года: Распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 № 632-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 20. – Ст. 2372.

4. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru>.

Жугин М.А. – магистрант
кафедры гражданского права и
процесса Оренбургского
государственного университета

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

RESPONSIBILITY IN THE SPHERE OF ANTI-MONOPOLY REGULATION

***Аннотация.** В статье исследуются актуальные проблемы, возникающие при наложении административной ответственности в сфере антимонопольного регулирования, анализируются составы, предусмотренные КоАП по вопросам антимонопольного регулирования, а также рассматриваются наиболее актуальные проблемы и тенденции, возникающие в данной сфере. Автором делается вывод о специфичности института административной ответственности в сфере антимонопольного регулирования.*

***Abstract.** The article discusses the actual problems that arise during administrative placement in the field of antimonopoly regulation, analyzes the compositions provided for by the Code of Administrative Offenses on antimonopoly regulation, and also considers the most pressing problems and manifestations that arise in this area. The author concludes about the special features of the institution of administrative trade in the field of antimonopoly regulation.*

***Ключевые слова:** административная ответственность, антимонопольное регулирование, правонарушение, конкуренция, административные наказания.*

***Keywords:** administrative responsibility, antimonopoly regulation, offense, competition, administrative penalties.*

Динамичное экономическое развитие современной России создает необходимость четкого урегулирования деятельности рынка товаров и услуг, в частности, в сфере обеспечения добросовестной конкуренции. Как результат, антимонопольное регулирование приобретает особое значение для стабилизации рынка, усовершенствования экономических механизмов и развития конкуренции.

В настоящее время за нарушение норм антимонопольного законодательства возможно наступление административной, гражданской и уголовной ответственности, но институт административной ответственности является наиболее распространенным правовым средством защиты конкуренции и именно административная ответственность, как наиболее дифференцированная и распространенная в практике, зани-

мает центральное место среди различных видов юридической ответственности в данной сфере.

В настоящее время специальным законом, осуществляющим специальное регулирование в сфере антимонопольного регулирования, является федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [2]. При этом устанавливает перечень административных правонарушений в данной сфере действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ) (в частности главы 14 и 19). Следует отметить, что многие нормы КоАП РФ являются бланкетными, так как их диспозиции изложены таким образом, что требуют обращения к понятиям, правилам и запретам, установленным антимонопольным законодательством (например, диспозиции ст. 14.31–14.33 КоАП РФ) [12, с. 77].

Исходя из сущности административных правонарушений, совершаемых в сфере антимонопольного законодательства, их можно разделить на две группы: допущенные при осуществлении субъектами правонарушений своей деятельности и при взаимодействии хозяйствующих субъектов с антимонопольными органами [11, с. 22]. Данное деление соотносится со структурой Кодекса Российской Федерации об административной ответственности и охватывается содержанием его глав 14 и 19 (в том числе 9).

К первой группе можно отнести следующие составы правонарушений:

- нарушение правил (порядка обеспечения) недискриминационного доступа, порядка подключения (технологического присоединения) (9.21);
- ограничение конкуренции органами власти, органами местного самоуправления (14.9);
- нарушение порядка осуществления процедур, включенных в исчерпывающие перечни процедур в сферах строительства (14.9.1);
- незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (статья 14.10);
- злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке (статья 14.31);
- манипулирование ценами на оптовом и (или) розничных рынках электрической энергии мощности (14.31.2);
- заключение ограничивающих конкуренцию соглашений, осуществление согласованных действий, координация экономической деятельности (статья 14.32);
- недобросовестная конкуренция (статья 14.33);
- нарушение антимонопольных правил, установленных федеральным законом, при осуществлении торговой деятельности (14.40).

Вторая группа правонарушений включает в себя следующее:

- невыполнение в срок законного предписания антимонопольного органа (статья 19.5);

– непредставление ходатайств, уведомлений (заявлений) и сведений (информации) в антимонопольный орган в установленный срок (статья 19.8);

– непредставление сведений или предоставление заведомо ложных сведений о своей деятельности субъектами естественных монополий (19.8.1).

Таким образом, объектом указанных правонарушений следует считать общественные отношения, возникающие в сфере соблюдения антимонопольного законодательства. Субъектами рассматриваемых правонарушений могут быть физические (в т.ч. должностные лица) и юридические лица, совершающие правонарушение умышленно (субъективная сторона).

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, на основе рассмотренных составов можно сформулировать понятие административного правонарушения в сфере антимонопольного законодательства:

– противоправное, виновное действие (бездействие), посягающее на охраняемые законом правоотношения в области предпринимательской деятельности, обеспечивающие условия для эффективного функционирования товарных рынков и направленные на предупреждение и пресечение монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции.

Далее, одной из особенностей административной ответственности за антимонопольные правонарушения является тесная связь норм КОАП, закрепивших составы антимонопольного законодательства. Для решения проблемы формулирования сложных по своей юридической конструкции составов административных правонарушений в области антимонопольного законодательства законодатель прибегает к бланкетным диспозициям. Объективная сторона составов указанных правонарушений описана с помощью признаков-понятий, в которых непосредственно заключена связь административного права с антимонопольным. При таком способе конструирования нормы предполагается детализация признаков состава правонарушения с помощью норм антимонопольного законодательства, в частности федерального закона «О защите конкуренции».

Другая особенность административной ответственности за правонарушения в сфере антимонопольного законодательства – тенденция ее дифференциации. В настоящее время существует 9 статей, предусматривающих составы административных правонарушений в сфере защиты конкуренции, которые в зависимости от объективной можно разделить еще и следующим образом (отличная дифференциация от приведенной в начале статьи):

1) административные правонарушения, связанные с нарушением запретов, установленных в законе «О защите конкуренции» (ст. 14.9, 14.31-14.33 КОАП РФ);

2) нарушения, связанные с нарушением антимонопольных правил в сфере торговой деятельности (14.40 КОАП РФ);

3) правонарушения, связанные с нарушением процедур при взаимодействии хозяйствующих субъектов с антимонопольными органами (ст.19.5, 19.8 КОАП РФ).

Например, редакция КОАП РФ от 20.07.2009 года содержит только 6 статей, устанавливающих составы административных правонарушений в сфере защиты конкуренции, при этом статьи 14.31 – 14.33 устанавливают только 3 состава правонарушений (в действующей редакции КОАП РФ от 10.11.2017 данные статьи включают 11 составов). Редакция КОАП РФ от 01.02.2014 года включает 8 статей, устанавливающих составы административных правонарушений в данной сфере, но меньшее количество составов (например, статья 14.40 включает 3 состава правонарушений, в действующей редакции – 6 составов, статья 14.32 включает только 3 состава, в действующей редакции данная статья устанавливает 7 составов).

Кроме того, наблюдается модернизация не только самих составов правонарушений, но и наказаний за них, а именно тенденция ужесточения административных наказаний за правонарушения в сфере защиты конкуренции. Так, в «Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013 – 2024 гг.» определены следующие направления модернизации КОАП РФ:

- исключение возможности применения для должностных лиц административного штрафа для наиболее общественно опасных нарушений антимонопольного законодательства в целях создания условий для безальтернативного применения дисквалификации в качестве административного наказания;
- установление «оборотного» административного штрафа за злоупотребление на товарном рынке доминирующим положением монополий;
- установление соразмерного оборотному штрафу для участников антиконкурентных «вертикальных» соглашений, не имеющих выручки на товарном рынке, а также штрафа за координацию экономической деятельности;
- установление административной ответственности должностных лиц, уполномоченных органов власти (местного самоуправления), за нарушение порядка осуществления полномочий в сфере строительства и земельных отношений.

Данные направления модернизации наказаний за правонарушения в сфере антимонопольного регулирования ориентированы на ужесточение ответственности, и, важно отметить, что в большей части уже реализованы.

В перечень дополнительныхотягчающих ответственность обстоятельств вошли следующие:

- 1) совершение дпящегося административного правонарушения, продолжительность которого превышает один год;
- 2) причинение в результате совершения административного правонарушения ущерба гражданам, организациям или государству в размере более одного миллиона рублей;
- 3) совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 7 ст. 19.8 настоящего Кодекса, если за это административное правонарушение лицо уже подверглось административному наказанию, по которому не истек срок, предусмотренный ст. 4.6 настоящего Кодекса.

Данные факты подтверждают то, что административная ответственность за нарушения антимонопольного законодательства является крайне специфичной. Возможным и необходимым в данной связи могла бы стать систематизация правовых норм в сфере отечественного антимонопольного законодательства в Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в отдельную главу, с целью упорядочить разрозненные статьи.

В данной статье был проведен анализ составов правонарушений в сфере защиты конкуренции, на основе которого определены тенденции развития административной ответственности в данной сфере, направления модернизации составов правонарушений и административных санкций за них, обозначены особенности административной ответственности за правонарушения в данной сфере, которые определяют ее как крайне специфичный институт.

На основании данного исследования можно сделать вывод, что институт административной ответственности в сфере антимонопольного законодательства, как крайне специфичный институт, требует особой правовой регламентации, так как административно-правовые нормы, регулирующие ответственность в сфере защиты конкуренции являются достаточно разрозненными.

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.09.2022 года) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система / разработ. НПО «Вычисл. математика и информатика». – М. : КонсультантПлюс, 1997-2022. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/
2. О защите конкуренции: федер. закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система / разработ. НПО «Вычисл. математика и информатика». – М. : КонсультантПлюс, 1997-2022. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/
3. О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства: постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система / разработ. НПО «Вычисл. математика и информатика». – М.: КонсультантПлюс, 1997-2022. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78201/
4. Все о конкуренции в вопросах и ответах: Бюллетень Федеральной Антимонопольной службы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fas.gov.ru/upload/other/press-center/>.
5. Гребенников, В. Л. Административная ответственность за антимонопольные правонарушения. Что изменилось? / В. Л. Гребенников // Конкуренция и право. – 2012. – № 2. – С. 37-40.
6. Кинев, А. Ю. Административная ответственность за нарушения антимоно-

польного законодательства / А. Ю. Кинев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2014. – № 12. – С. 124.

7. Лобода, А. Е. Проблемы антимонопольного регулирования: административно-правовой аспект / А. Е. Лобода // Современная конкуренция. – 2013. – № 6 (42). – С. 50.

8. Лысенкова, Е. Н. Административная ответственность хозяйствующих субъектов за нарушение антимонопольного законодательства / Е. Н. Лысенкова // Юрист. – 2015. – № 10. – С. 22.

9. Мартынова, О. В. Административные правонарушения в сфере антимонопольного законодательства: юридический состав / О. В. Мартынова // Вестник Вятского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 90.

10. Морозова, Н. А. О целесообразности привлечения к административной ответственности органов государственной власти и органов местного самоуправления / Н. А. Морозова // Российский юридический журнал. – 2014. – № 1. – С. 56.

11. Морозова, Н. А. Особенности административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства / Н. А. Морозова // Современная конкуренция. – 2014. – № 5 (47).

12. Овчарова, Е. И. Нарушения антимонопольного законодательства: проблемы административной ответственности / Е. И. Овчарова // Конкуренция и право. – 2017. – № 5. – С. 77.

13. Потеева, А. В. Предупреждение антимонопольного органа: проблемы правоприменения / А. В. Потеева // Конкуренция и право. – 2013. – № 6. – С. 24-26.

14. Пузыревский, С. А. Третий антимонопольный пакет / С. А. Пузыревский // Энергетическое право. – 2012. – № 1. – С. 23–28.

Каламина Е.И. – магистрант
кафедры уголовного права
Оренбургского государственного
университета

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ И КОМПЬЮТЕРНЫХ СЕТЕЙ

PREVENTION OF FRAUD USING TELECOMMUNICATIONS AND COMPUTER NETWORKS

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются меры предупредительного характера в отношении совершения мошеннических действий с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, раскрываются наиболее проблемные аспекты, на которые следует обратить внимание государственным органам и обществу для наиболее эффективного противодействия рассматриваемой преступности. Исследуются статистические данные по рассматриваемому вопросу, акцентируется внимание на причинах и условиях, из-за которых происходит появление новых способов, а также рост мошеннических актов, в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.*

***Abstract.** This article discusses preventive measures in relation to the commission of fraudulent actions using information and telecommunication technologies, reveals the most problematic aspects that should be paid attention to by government agencies and society for the most effective counteraction to the crime in question. Statistical data on the issue under consideration are examined, attention is focused on the causes and conditions that cause the emergence of new methods, as well as the growth of fraudulent acts in the field of information and telecommunications technologies.*

***Ключевые слова:** мошенничество, информационно-телекоммуникационные технологии, преступление, меры предупреждения.*

***Keywords:** fraud, information and telecommunication technologies, crime, preventive measures.*

В настоящее время перед правоохранительными органами остро стоит проблема преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в частности мошенничеств, совершаемых дистанционным способом. Количество подобных преступлений ежегодно увеличивается.

Всего в первом полугодии 2021 года было зарегистрировано 1147 преступлений,

совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (АППГ: 593), из которых раскрыто: 210 (АППГ: 167), приостановлено: 574 (АППГ: 377), раскрываемость составила 27,7% (АППГ: 30,7%). Средняя раскрываемость данного вида преступлений по России составила 25,9%, ФЦО – 22,5%.

Данная проблема является актуальной не только для Оренбургской области, но и для всех регионов России и связана с повсеместным распространением информационных технологий, сети интернет, банковских карт и сотовой связи.

В настоящее время наиболее часто регистрируются мошенничества, где злоумышленники представляются работниками банков, сообщив, что по счету потерпевшего проводятся подозрительные операции. Они методом социальной инженерии выясняют данные по карте, которые можно использовать для хищения, либо вынуждают потерпевшего провести определенные операции по карте, после которых со счета списываются деньги. Осложняет раскрытие данного вида преступлений то, что они совершаются в подавляющем большинстве случаев с использованием IP-телефонии (в том числе подмены номера в ходе звонка), а также преимущественно с территории других стран [1, с. 27].

На втором месте по распространенности в настоящее время находятся мошенничества, совершенные под предлогом продажи различных товаров по объявлениям, размещенным на сайтах объявлений, а также сайтах, созданных злоумышленниками специально для мошенничества.

При этом в данном случае речь идет как о самых простых случаях, не требующих от злоумышленника серьезной подготовки при их совершении, когда размещается объявление о продаже какого-либо товара и мошенник требует внести за него предоплату (либо полную стоимость), а после внесения денег пропадает и товар не отправляет, так и о более сложных случаях, когда злоумышленники могут действовать от имени юридического лица (в ряде случаев прикрываясь реквизитами реально существующей организации), а в основном фиктивно созданной. При этом данные организации могут иметь сайты, на которых производится заказ товара (иногда клоны сайтов реально существующих интернет магазинов). Несмотря на различную сложность в совершении данного вида мошенничеств, их объединяет одно, то, что всегда требуется сначала перечислить деньги за товар, который впоследствии не предоставляется.

Как правило, характерной особенностью данного мошенничества является сильно заниженная стоимость товара, вследствие чего он становится очень привлекательным, и люди, даже осведомленные про такие случаи мошенничества, могут стать его жертвой, погнавшись за низкой стоимостью и забыв об осторожности.

Что бы наверняка не стать жертвой данного вида мошенничеств и не лишиться своих денег, следует приобретать товары в проверенных магазинах, при этом оплачивать товар при его получении в специализированных пунктах выдачи.

Некоторые мошенники в настоящее время модернизировали данный, достаточно старый вид мошенничества. Если раньше злоумышленники просили перевести деньги им на карту и потом переставали общаться с потерпевшими, то сейчас совершать по-

добные мошенничества стало сложнее, вследствие того, что на многих таких сайтах появилась услуга безопасной сделки (когда деньги сначала зачисляются на счет сайта и только после получения товара покупателем переводятся продавцу). Однако злоумышленники подстроились под это и теперь сами навязывают покупателю данную безопасную услугу, и когда потерпевший соглашается, высылают ссылку для оплаты якобы по безопасной сделке, однако она содержит фактический клон сайта объявлений и, совершив оплату по данной ссылке, деньги потерпевшего переходят не гаранту безопасной сделки, а напрямую мошеннику [2, с. 156].

Также к наиболее частым можно отнести случаи мошенничества, совершенного под предлогом покупки имущества через сайты бесплатных объявлений. Преступник, сообщая гражданину о намерении купить или продать имущество, предлагает передать реквизиты банковской карты для перечисления денежных средств в качестве предоплаты или аванса, после чего под различными предложениями выясняет смс пароли для доступа к личному кабинету, либо вынуждает потерпевшего самого подключить к номеру злоумышленника услугу Мобильный банк. Узнав данные сведения, злоумышленники получают доступ к личному кабинету, совершая хищение. В связи с чем данный способ мошенничества является наиболее опасным, т.к. в отличие от других способов, когда злоумышленником обозначается конкретная сумма, получив доступ к личному кабинету, злоумышленники могут похитить все сбережения со всех счетов.

Как показывает практика, все еще актуальны мошенничества, совершенные под предлогом помощи родственнику, задержанному за совершенное правонарушение. Как правило, звонок поступает в позднее время суток, при этом звонящий предлагает «решить вопрос» об освобождении от уголовной ответственности за определенное денежное вознаграждение. В большинстве случаев потерпевшими являются престарелые люди [3, с. 73].

Мошенники заявляют жертве, что вопрос может быть решен только в ближайшее время. Во многих случаях они передают телефон якобы представителю правоохранительных органов, который подтверждает свое согласие решить «вопрос» за денежное вознаграждение и называет цену, за которую этот «вопрос» может быть решен. Заплатить названную сумму мошенники просят сразу и очень быстро, в противном случае говорят, что завтра цена может возрасти в разы и уладить «вопрос» будет невозможно.

Продолжая свой прессинг по телефону, мошенники объясняют жертве, что к ним буквально через несколько минут придет их человек, которому и нужно будет передать оговоренную сумму денег. При этом потерпевшая сторона, продолжая находиться под психологическим давлением мошенника, исполняет все выдвигаемые требования и добровольно передает преступникам или посреднику денежные средства, либо едет одна или вместе с прибывшим посредником к ближайшему банкомату и переводит нужную денежную сумму через терминалы оплаты.

Библиографический список

1. Горовенко, С. В. Проблема предупреждений правонарушений в сфере игорного бизнеса в сети Интернет / С. В. Горовенко, Е. С. Изюмова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 17. – С. 25-29.

2. Иванцов, С. В. Использование информационно-телекоммуникационных сетей для совершения преступлений: вопросы уголовно-правового воздействия и предупреждения / Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности: сборник по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции «Саратовские уголовно-правовые чтения» / под общ. ред. Н. А. Лопашенко. – Саратов, 2019. – С. 155-158.

3. Майоров, А. В. Информационная среда как фактор, детерминирующий процессы виктимизации и криминализации в современном обществе / А. В. Майоров // Вестник Уральского финансово-юридического института. – 2018. – № 1 (11). – С. 72-75.

**Каштанова Я.В., студент юридического
факультета Оренбургского
государственного университета**

Научный руководитель

Ерохина Е.В., доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского
государственного университета, канд. юрид. наук, доцент

**БРАЧНЫЙ ДОГОВОР КАК ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ ЗАЩИТЫ
ФИНАНСОВЫХ ИНТЕРЕСОВ СУПРУГОВ В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ**

**MARRIAGE CONTRACT AS A LEGAL INSTITUTION FOR THE
PROTECTION OF FINANCIAL INTERESTS OF SPOUSES
IN THE DIGITAL ECONOMY**

***Аннотация.** Цель статьи - выявить основные цели развития института брачного договора в эпоху цифровых технологий и определить их влияние на стабильность экономики и гражданско-правовых отношений. В статье рассматриваются механизмы урегулирования семейных отношений брачным договором, который упорядочивает имущественные отношения супругов.*

***Abstract.** The purpose of the article is to identify the main objectives of the development of the institution of marriage contract in the era of digital technology and determine their impact on the stability of the economy and civil legal relations. The article examines the mechanisms of regulation of family relations by marriage contract, which regulates the property relations of spouses.*

***Ключевые слова:** брачный договор, семья, имущественные и неимущественные отношения, стороны, соглашение сторон, заключение брака, цифровая экономика.*

***Keywords:** marriage contract, family, property and non-property relations, parties, parties' agreement, marriage, digital economy.*

В настоящее время большинство людей подходят к созданию семьи более осознанно. Они мыслят наперед, намного шире и глубже, так как будущие семейные отношения будут затрагивать экономическую сторону мужчины и женщины. Современное семейно-брачное право России предоставляет возможность регулировать семейные отношения посредством договоров и соглашений, заключенных между членами семьи.

Составление брачного договора представляется наиболее цивилизованным спо-

собом решения материальных и имущественных вопросов.

С точки зрения законодательного регулирования институт семьи довольно трудно регулировать. Проблема заключается в сложном сочетании таких категорий, как моральные и правовые предписания, личный и общественный интерес. Материальная составляющая семейной жизни является одной из объектов законодательного регулирования, где основной задачей является определение прав и обязанностей супругов в сфере имущественных отношений.

Договорный режим имущества супругов регулируется главой 8 Семейного кодекса Российской Федерации [1].

Российские супруги, с момента появления такой диспозитивной нормы на законодательном уровне, получили право самостоятельно принимать решение о выборе наиболее удобного для них правового режима имущества, находящегося в их собственности.

Российское законодательство заимствовало нормы из зарубежного законодательства, тем самым предоставляя гражданам выбор вариантов самостоятельного применения режима супружеской собственности.

С 2010 по 2015 г.г. количество заключаемых брачных договоров держалось примерно на одном уровне. Начиная с 2016 года, показатели начали расти, и уже в 2018 и 2019 годах граждане нашей страны подписали порядка 100000 тысяч таких соглашений и об этом нам известно из статистики Федеральной нотариальной палаты [6].

Молодые люди в силу своего возраста, а может быть, из-за каких-то социальных предрассудков, в своем сознании держат мысль о том, что при заключении брачного контракта они подвергают сомнению свои искренние чувства, отказывая себе в использовании этой конструкции, тем самым подвергая себя возможным будущим негативным последствиям, с которыми они могут столкнуться.

В Европе, США и Канаде брачное соглашение существует уже целый век и благодаря феминистическим движениям оно является популярным инструментом регулирования равных прав между мужчиной и женщиной. В данных странах примерно 70 % пар заключают вышеупомянутый контракт, в то время как в России на такое идут 3-5 % пар.

Как показывает статистика, брачное соглашение в Европе заключают люди, которые уже собираются подавать на развод, чтобы в суде подолгу не разбираться по поводу раздела имущества, по сути, брачный контракт является для таких людей мировым соглашением.

Несомненно, для многих людей данный вид договора в семейных отношениях является новеллой, но он может помочь супругам обеспечить их имущественные права, обязанности и интересы. Исходя из статистических данных, мы видим, что многие зарубежные страны применяют брачный договор на практике. Во Франции цифра заключения брака достигает 275 тысяч. Двести семьдесят пять тысяч человек хотят узаконить свои отношения. Среди них, примерно 15 % молодых пар, которые прибе-

гают к помощи нотариуса, у которого имеются полномочия заключать брачные контракты. Помимо суммы примерно в 200-300 евро, которая оплачивается нотариусу за данную услугу, данная процедура облагается налогом в 125 евро [26]. Кроме того, в данной стране выделяют несколько вариаций брачного договора. Первый из которого – договор раздельного имущества, где, то имущество, которое принадлежит владельцу, за ним и прописывается в данном контракте, если супруги успели нажить совместное имущество, то оно закрепляется за ними в долях, согласно вложению каждого из них. Если говорить по поводу деления недвижимости, то во Франции все просто. В чьей собственности находится недвижимость до брака, тому она и остается после его расторжения. Имущество, нажитое супругами совместно – делится пополам в равных долях. Рассмотрим интересный факт, в случае кончины одного из супруга, все имущество, ему принадлежавшее, будет делиться между наследниками. Справедливо обстоят дела и с долгами, супруги, по данной форме договора, не несут за них ответственности.

Под общим владением или можно еще назвать данный вид контракта совместным, понимается все имущество, которым владели и владеют супруги.

В данном виде договора неважно, сколько процентов вложил каждый из супругов в общую массу. Как показывает практика, именно в пользу такого брачного контракта пожилые люди в основном делают выбор, так как в отличие от первого вида, в «общем владении» все имущество после смерти одного из супругов достается второму супругу.

На данный момент многие будущие супруги или супруги прибегают в «смешанному» виду брачного договора. Мы считаем, что это самый честный и справедливый вид договора, так как все имущество, приобретенное раздельно, так и остается в собственном распоряжении каждого из них, а имущество, приобретенное совместно, в случае развода делится пополам.

Положительным моментом брачного договора является возможность защитить финансовые интересы каждого из супругов. Если один из супругов является владельцем бизнеса, брачный договор защитит бизнес от разделения между одним супругом и (потенциальным) бывшим другим супругом. Это поможет избежать дорогостоящих судебных издержек в случае развода. Кроме того, любые финансовые или имущественные активы, приобретенные до вступления в брак, могут быть защищены и отложены отдельно от совместной собственности. Это также относится к супружеским долгам и может помочь защитить одну сторону от принятия на себя финансовой ответственности за долги, которые ей не принадлежат.

Хотя некоторые могут рассматривать обсуждение брачных соглашений как признак отсутствия доверия, эта тема на самом деле может помочь парам научиться общаться и обсуждать важные вопросы в отношениях.

В каждой сфере нашей жизни наряду с плюсами возникают и минусы.

Необходимо сказать об отрицательной стороне брачного контракта, а также определить риски, с которыми будущая молодая семья может столкнуться при подпи-

сании такого важного документа, как брачный договор.

Брачный договор может стать помехой для получения законной части имущества. Некоторые положения брачного договора могут также лишиться законной доли в увеличении стоимости бизнеса, даже если один из супругов внес свой вклад в увеличение его стоимости.

Ни один брачный контракт не может предвидеть каждую потенциальную финансовую проблему, которая может возникнуть в течение брака, и это может в конечном итоге осложнить ситуацию, если обстоятельства изменятся. Важно пересмотреть брачный договор всякий раз, когда брак достигает нового рубежа – будь то повышение зарплаты, покупка недвижимости или рождение ребенка.

Анализ опыта зарубежного законодательства и его широкой практики применения способствует формированию предложений по совершенствованию отечественного законодательства в сфере общественных отношений, складывающихся по поводу заключения и исполнения брачных договоров. А именно, представляется целесообразным установить в российском законодательстве обязательную регистрацию брачных договоров (ведение единого реестра) с целью обеспечить защиту интересов кредитора, а также предусмотреть возможность получения заинтересованными лицами соответствующей информации, касающейся брачно-договорных обязательств потенциального должника, влияющих на его имущественное положение.

Необходимо разработать понятие лиц, вступающих в брак, что является важным для правоприменительной практики. Можно предложить следующее определение: «Лицами, вступающими в брак, являются граждане, достигшие брачного возраста 18 лет, за исключением случаев, определенных в законе, добровольно намеревающиеся вступить в брак, независимо от факта подачи этими лицами заявления в органы записи актов гражданского состояния о заключении брака».

Думается также, что некоторая неопределенность, заложенная в ст. 42 СК РФ, может привести и к дальнейшим ошибкам в судебной практике.

Поэтому заслуживает поддержки предложение Л. Б. Максимович об изложении указанной нормы в следующей редакции: «Брачным договором супруги вправе изменить установленный законом режим совместной собственности (ст. 34 СК РФ) и режим собственности каждого из супругов...» [4, с. 136].

Во время GITEX Global 2022 суды Дубая выявили 4,68 цифровых брачных контракта для мусульман и 42 цифровых брачных контракта для немусульман в этом году... На GITEX Global 2022 суды Дубая рассмотрели результаты службы цифрового брака, который отражает качественный скачок в развитии услуг и улучшении институциональной деятельности, чтобы идти в ногу со всесторонним развитием Дубая и принять самое масштабное и всестороннее видение [5, с. 38].

Действующее семейное законодательство прямо не запрещает использование электронных средств для заключения семейно-правовых договоров, поэтому брачный договор может быть заключен в электронной форме [7]. Кроме того, эта форма ускорит и упростит процедуру заключения для (будущих) супругов, особенно когда они

находятся далеко друг от друга. Однако современное семейно-правовое регулирование не позволяет заключить такой договор с использованием цифровых средств. Если какие-либо экономические или технологические новшества потенциально могут укрепить права и свободы в семье, а также усилить их защиту, то такие средства защиты, в частности, возможность заключения брачного договора в электронной форме, должны быть закреплены законодательно.

Библиографический список

1. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. : федер. закон от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система / разработ. НПО «Вычисл. математика и информатика». – Москва : КонсультантПлюс, 1995-2022. – Режим доступа : <http://www.consultant.ru>.
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате / Закон Российской Федерации от 11 февраля 1993 г. (в ред. от 5 июля 2010 г.) // Российская газета. – 1993. – 13 марта; 2010. – 7 июля.
3. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 // КонсультантПлюс : справочная правовая система / разработ. НПО «Вычисл. математика и информатика». – Москва : КонсультантПлюс, 1995-2022. – Режим доступа : <http://www.consultant.ru>.
4. Вылкова, А. И. Институт брачного договора в системе правовой охраны семейных правоотношений / А. И. Вылкова // Молодой ученый. – 2018. – № 13 (199). – С. 160-164. – Режим доступа : <https://moluch.ru/archive/199/48993/>
5. Михеева, Л. Ю. Семейное законодательство и его применение в нотариальной практике / Л. Ю. Михеева // Серия «Библиотека «Нотариального вестника». – 2011 – № 2. – 208 с.
6. Число заключенных в России браков за семь месяцев снизилось на 110 тыс.: Российское государственное информационное агентство федерального уровня. ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://tass.ru/obschestvo/9498087>
7. Трифонова, И. Тенденции развития института брачного договора в цифровую эпоху // Цифровое будущее, экономический рост, социальная адаптация и технологические перспективы. Конспект лекций по сетям и системам / под ред. Т. Колмыковой, Э Харченко [Электронный ресурс]. – том 111. – Springer, Cham. – Режим доступа : https://doi.org/10.1007/978-3-030-39797-5_43

**НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

PRIVACY IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

***Аннотация.** В представленной статье рассматривается конституционное право человека на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации общественной жизни. Современные информационные технологии дают возможность сбора, обработки и использования персональных данных, что часто нарушает права на неприкосновенность частной жизни человека. Противостоять этому необходимо, и для этого нужно использовать специальные механизмы регулирования.*

***Abstract.** The article considers the constitutional human right to privacy in the conditions of digitalization of public life. Modern information technologies enable the collection, processing and use of personal data, which often violates the rights to privacy of a person. It is necessary to resist this, and for this purpose it is necessary to use special regulatory mechanisms.*

***Ключевые слова:** право на неприкосновенность частной жизни, информационные технологии, персональные данные, частная жизнь.*

***Keywords:** the right to privacy, information technology, personal data, private life.*

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий в современном мире оказывает значительное влияние на социум, тем самым воздействуя на правовые, государственные и общественные институты нашей страны. Право на неприкосновенность частной жизни относится к числу основных прав человека в международном и российском праве.

Конституция Российской Федерации закрепляет правила в отношении сбора, хранения и распространения информации о частной жизни лица. Часть 1 статьи 24 Основного закона предусматривает, что совершение действий по отношению к таким сведениям возможны только с согласия лица, которым они принадлежат [1]. Данное положение свидетельствует о предоставлении защиты своего права и охраны информации о частной жизни [2, с. 8].

Многие государства закрепили в своих конституциях, помимо права на неприкосновенность частной жизни, гарантии защиты персональных данных. Несмотря на достаточную краткость формулировки данных норм, предусматриваются дополнительные права для граждан по осуществлению контроля за личной информацией. Такое различие в содержании конституционных норм говорит только о том, что принятие Основных законов подобных государств происходило в период, когда технологии по обработке информации прочно вошли в деятельность органов государственной власти.

Безусловно, развитие информационных технологий позволяет оперативно доставлять, хранить и обрабатывать необходимую информацию, своевременно получать различные сведения и обмениваться ими свободно. Несмотря на такие достоинства, стремительный прогресс цифровых технологий имеет ряд недостатков, которые выражаются в возможности взлома сети и кражи информации и сведений о частной жизни человека [3, с. 27].

Согласно статистике, большинство преступлений в сети «Интернет» связаны с использованием персональных данных, и, как следствие, совершением с их помощью актов мошенничества [4]. По сути современные технологии должны быть направлены на обеспечение защиты права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, выступая одной из гарантий на осуществление данных прав, а на деле становятся способом совершения преступных деяний.

Стоит обратить внимание на правоприменительную практику, которая представляет собой реализацию доступного и свободного поиска, получения и передачи информации. Основным закон, в свою очередь, содержит запрет на сбор, хранение, использование и распространение сведений о частной жизни лица. Можно сделать вывод о том, что конституционный принцип и современная практика противоречат друг другу.

Отметим, что Конституция Российской Федерации устанавливает запрет на любые действия с информацией о частной жизни лица без его согласия, обеспечивая особую защиту данных сведений.

С появлением информационных технологий защита данных о личной жизни людей повысила необходимость законодательного регулирования данных вопросов. Современные Интернет-ресурсы позволяют облегчить способы передачи информации от одного пользователя к другому, а также увеличить скорость обработки подобных сведений. Все это обуславливает тот факт, что права и свободы человека являются высшей ценностью, и произвольное вторжение в частную жизнь недопустимо. Видится необходимым создание специальных механизмов, которые регулировали бы ограничения в сборе и группировке сведений о частной жизни лица. Для этих целей требуется создание новых норм, координирующих правоотношения в сфере информационных технологий, а также наиболее полное толкование ст. 24 Конституции Российской Федерации.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – № 237.

2. Беляевская, О. Я. Право личности на судебную защиту: проблемы классификации / О. Я. Беляевская // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 11. – С. 6–11.

3. Исмаилов, И. Ш. Направления внедрения технологии искусственного интеллекта в банковскую деятельность: перспективы правового регулирования / И. Ш. Исмаилов // Банковское право. – 2020. – № 5. – С. 26–32.

4. Аберхаев, Э. Р. Право на неприкосновенность частной жизни: юридическая характеристика и проблемы реализации / Э. Р. Аберхаев // Актуальные проблемы экономики и права. – 2008. – № 1. – С. 90–94.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИЗНАКА «БЕСПОМОЩНОЕ
СОСТОЯНИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО» В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТИВНЫХ
ПРИЗНАКОВ СОСТАВА УБИЙСТВА

THE CRIMINAL-LEGAL MEANING OF THE SIGN «HELPLESS STATE OF
THE VICTIM» IN THE SYSTEM OF OBJECTIVE SIGNS
OF THE COMPOSITION OF THE MURDER

***Аннотация.** Роль правового регулирования категории беспомощного состояния при убийстве значительна. Поскольку само по себе «беспомощное состояние» – это исключительно оценочное суждение, поэтому сложно отойти от субъективных факторов. Плюсом к этому является постоянное расширение способов влияния на потерпевшего.*

***Abstract.** The role of legal regulation of the category of helpless state in murder is significant. Since the "helpless state" itself is an exclusively evaluative judgment, therefore it is difficult to move away from subjective factors. The advantage to this is the constant expansion of ways to influence the victim.*

***Ключевые слова:** убийство, беспомощное состояние, оценочная категория.*

***Keywords:** murder, helpless state, evaluation category.*

Основания признавать «беспомощное состояние потерпевшего» не находят единого мнения среди практиков и теоретиков, так как в большинстве случаев виновный при совершении противоправных действий осознает и видит «беспомощное состояние». Данное беспомощное состояние, допустим, при психическом расстройстве потерпевшего, должно документально подтверждаться, также тяжелую степень алкогольного опьянения и наркотической зависимости относят к этой группе, ведь при данном состоянии лицо не может противостоять преступнику, дать отпор в происходящей ситуации и осознать фактические направленные на него действия. Беспомощность, или чувство неспособности действовать или реагировать на негативную ситуацию, может испытывать любой человек, особенно во время болезни или когда на него влияет травматическое событие.

Постоянное чувство беспомощности, однако, может длиться долго после того, как фактическая беспомощность человека исчезает. Чувство беспомощности может

подпитываться травмой, горем, стрессом, психическими расстройствами, изоляцией и многими другими факторами. Например, человек, который был изнасилован, может чувствовать себя неспособным выйти из дома без кого-то, кому доверяют сопроводить его или ее. Люди, испытывающие проблемы с психическим здоровьем, особенно депрессию, также могут чувствовать себя беспомощными. Кто-то с большой депрессией может обнаружить, что почти невозможно встать с постели по утрам, чувствуя себя бессильным перед лицом стресса и неспособным поверить, что что-то можно сделать, чтобы облегчить эти чувства. Беспомощность также иногда может представлять проблемы с самооценкой.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [1] в п. 5 говорит, что изнасилование и насильственные действия сексуального характера следует признавать совершенными с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица в тех случаях, когда оно в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обстоятельств не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному. А в п. 6 того же Постановления поясняется, что беспомощным состоянием может быть признано и опьянение, вызванное употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих (психоактивных) веществ, но лишь его степень, которая лишала это лицо возможности понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному лицу.

Беспомощность также может быть инструментом манипуляции. Некоторые люди ведут себя беспомощно, чтобы привлечь внимание других и не чувствовать себя брошенными. Ребенок может намеренно провалить занятия, или взрослый может намеренно попытаться быть уволенным с работы, чтобы вызвать сочувствие и внимание. Притворная некомпетентность является еще одной формой беспомощности, которую можно использовать в качестве инструмента манипуляции.

Беспомощность и жертвенность тесно связаны. Виктимность может быть описана как постоянное состояние чувства жертвы, либо через потерю чувства собственного достоинства и безопасности, либо из-за чувства негатива и уязвимости. Это может подпитываться страхом успеха или проистекать из отсутствия уверенности в себе, а также часто характеризуется сосредоточенностью на том, что нельзя контролировать. Этот фокус часто может привести к дальнейшей потере контроля над жизнью. Менталитет жертвы или убеждение, что другие несут ответственность за все негативные события и обстоятельства, усвоенное поведение, при котором человек манипулирует другими, сознательно или бессознательно, чтобы заботились о нем и воспитывали его. Такое поведение иногда может привести к тому, что человек станет чрезмерно зависимым от лиц, осуществляющих уход, эмоционально и / или финансово.

Исходя из толкования Пленума ВС от 27.01.1999 № 1, он практически сливает

воедино малолетних и престарелых лиц [2]. Данная позиция обусловлена со стороны законодателя тем, что лицо, совершающее преступление, осознает, что относится к той категории, которая неспособна защитить себя и оказать сопротивление в момент убийства. Ярким примером такого лица выступает новорожденный ребенок, который не может оказать сопротивления. Дискуссию среди практиков и теоретиков затрагивает вопрос расценивания убийства новорожденного ребенка, как привилегированную разновидность или как совершенное преступление приотягчающих обстоятельствах.

Рассматривая особенности малолетнего возраста, стоит выделить мнение А.Л. Иванова, согласно которому малолетняя жертва может воспринимать происходящее и оказать сопротивление, если имеет спортивный разряд, обладает навыками боевого искусства, навыками рукопашного боя и т.п., в данных случаях стоит применить ч.1 ст. 105 УК РФ, так как отсутствуют признакиотягчающих обстоятельств [3].

Например, в странах запада существует тенденция, по которой нерожденный ребенок находится в беспомощном состоянии. Высказывается мысль, что аборт – это убийство бессильного, непорочного и беспомощного ребенка, который ничего не может сделать, чтобы защитить себя от этого бессердечного убийства. Аборт должен быть объявлен незаконным, потому что это убийство, независимо от того, во что кто-то верит. Тот факт, что возможная жизнь заканчивается до того, как ей предоставляется возможность жить, является достаточной причиной для людей и правительства, чтобы понять, почему никому вообще не должна быть предоставлена привилегия решать, умрет ли ребенок или он выживет. Эта привилегия может быть отвергнута путем легализации абортов, и, следовательно, любой, кто совершает аборт, преследуется по закону и сталкивается с законом как совершивший убийство.

Российский законодатель пошел по иному пути, легализуя аборты и не рассматривая аборт как убийство человека в беспомощном состоянии.

Эксперты-психологи в беспомощном состоянии выделяют состояние гипноза, однако на законодательном уровне данное состояние не получило официального закрепления. Так как состояние гипноза – искусственное отключение сознания на определенное время и подчинение сознательно-волевой системе другого человека.

В современной психологии две основные теории долгое время конкурировали, чтобы объяснить экстраординарные эффекты, которые может иметь гипноз. Теоретики состояния утверждают, что гипнотические внушения вызывают измененное состояние сознания или гипнотический транс, в котором очень внушаемые люди готовы подчиняться гипнотизеру и вести себя нехарактерно, например, вспоминая забытые события, забывая о том, что они только что сделали, и подчиняясь постгипнотическим внушениям, чтобы выполнить какое-то неловкое действие, когда им дают сигнал.

По мнению Г.К. Кострова, данное состояние стоит относить к беспомощному, ведь при введении человека в состояние гипноза он не контролирует свои действия, не всегда может оказать должное сопротивление, фактически осознавать намерения убийцы, контролировать свои эмоции и волю [4].

Вместе с тем с учетом того, что признак «беспомощное состояние потерпевше-

го» является в высшей степени оценочным, теоретические дискуссии по этой проблеме, пока она существует, будут, на наш взгляд, продолжаться еще долгое время, судебная практика, как отмечалось, противоречива, приводит нас к мысли обратиться к законодательному опыту других стран мира, и в частности Германии. В уголовном законодательстве этой страны предусмотрена ответственность за убийство, совершенное коварным способом. Например, в одном из решений Верховного Суда ФРГ по делу об убийстве подсудимым жены и совместного сына, когда они спали, указывается: «Коварно действует по правилу тот, кто убивает спящего» [5, с. 367]. Думается, что установление ответственности за убийство коварным способом в российском уголовном законодательстве примирит спорящие стороны, поскольку понятием «коварный способ» охватывается широкий круг обстоятельств, являющихся предметом этого спора: сон, опьянение, выстрел из засады, неожиданное нападение в подъезде, нападение со спины, радиоуправляемый взрыв и т.д.

Библиографический список

1. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система / разработ. НПО «Вычисл. математика и информатика». – Москва : КонсультантПлюс, 1995-2022. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 г. № 1 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система / разработ. НПО «Вычисл. математика и информатика». – Москва : КонсультантПлюс, 1995-2022. – Режим доступа : <https://www.vsrfl.ru/documents/own/7794/>
3. Иванов, А. Л. Квалификация убийства малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (п. "в" ч. 2 ст. 105 УК РФ) [Электронный ресурс] / А. Л. Иванов // Молодой юрист. – Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/75392-kvalifikaciya-ubijstva-maloletnego-inogo-lica-zavedomo-dlya>
4. Костров, Г. К. Уголовно-правовое значение угрозы : дисс. ... канд. юрид. наук / Г. К. Костров. – М., 1970. – 166 с.
5. Жалинский, А. Э. Современное немецкое уголовное право / А. Э. Жалинский. – Москва: ТК Велби, 2004. – 560 с.

**Крюков М.В., магистрант кафедры
уголовного права Оренбургского
государственного университета**

**КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И СПОСОБЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

CYBERCRIME: CONCEPT, TYPES AND WAYS TO COUNTER

***Аннотация.** Исследование посвящено разработке фундаментального подхода к теоретическому определению и практическому применению уголовно-правовых средств и способов предупреждения причинения вреда с использованием компьютерных технологий в сфере кибербезопасности.*

***Abstract.** The study is devoted to a fundamental approach to the theoretical foundation and practical application of criminal law means and foreign causes using harmful technologies in the field of cybersecurity.*

***Ключевые слова:** уголовное право, киберпреступность, способы противодействия, виды киберпреступности.*

***Keywords:** criminal law, cybercrime, countermeasures, types of cybercrime.*

В настоящее время ученые справедливо полагают, что исследование криминальной ситуации, изучение ее особенностей и тенденций в XXI веке немисливо без учета основного научно-технического феномена нашего времени – повсеместного применения информационных технологий [8].

Несмотря на внешне различную природу двух самых заметных в последние годы социальных явлений – глобализации преступности и появления глобальной информационной мегасреды, обнаруживается их весьма жесткая связь и тенденция к ее укреплению. Данная взаимозависимость выходит далеко за пределы электронно-криминального явления, обозначаемого термином «компьютерная преступность» или «киберпреступность». Глобализация информационных процессов и появление некоего глобального информационного пространства, которое по сути своей является нематериальным и пока законодательно не урегулировано (да и сама возможность подобного урегулирования – весьма спорный вопрос), приводит не только к появлению новых объектов преступных посягательств (компьютеров и компьютерных сетей). Появляются новые способы совершения преступлений: например, совершение хищений путем изменения или блокирования компьютерных данных. Другие последствия повсеместного распространения компьютерных технологий – почти беспрепятственное формирование и пропаганда криминальной идеологии, использования информа-

ционного пространства в криминальных целях – для связи и обмена опытом, координации действий.

Проблема взаимосвязи преступности и информационных технологий имеет несколько аспектов:

- проблема детерминации роста преступности и ее глобализации информационной мегасредой и электронными средствами массовой коммуникации, а также проблема использования преступниками, преступными группами и сообществами достижений науки и техники (информационные технологии выступают как способ или средство совершения преступления, а также в качестве объекта посягательства);

- проблема правового регулирования процессов, связанных с преступным использованием компьютерных технологий;

- превентивные возможности глобальных информационных сетей и возможность использования информационных технологий правоохранительными органами.

Первый аспект проблемы – детерминация глобализации и роста преступности информационной мегасредой, а также проблема использования достижений науки и техники в преступных целях, связан с одним из наиболее важных направлений интегративных процессов – созданием интернациональной по сути и глобальной по форме сети Интернет, объединившей миллионы компьютеров, расположенных в разных точках Земли. Всемирная сеть Интернет, открывшая широчайшие возможности для получения информации и обмена ею, развивается очень быстрыми темпами и, по некоторым прогнозам, в 2005 году около 1 млрд. компьютеров во всем мире будут подключены к Интернету. Не случайно весьма распространенным стал термин «Интернет-экономика». Конечно, развитие глобальных коммуникативных и информационных систем неизбежно и несет в себе много пользы. Вместе с тем, как и в иных сферах глобализации, новые суперсовременные средства обмена информацией и технические достижения все чаще используются в преступных целях и выступают факторами глобализации преступности.

Транснациональная преступность с использованием компьютерной сети является следствием и одновременно фактором мировой экономической интеграции, осуществляемой с использованием электронных форм торговли и оказания финансовых услуг. Так, например, одним из опасных последствий развития глобальной сети Интернет стало совершение транснациональных компьютерных преступлений, в основе которых лежит использование электронных денег, виртуальных банков, бирж, магазинов. Известны случаи, когда для затруднения обнаружения компьютерных преступлений преступники использовали малогабаритные спутниковые системы связи, благодаря чему такие преступления совершались за доли секунды на значительном расстоянии от объекта преступления. Возникла новая категория преступлений, осуществляемых с использованием компьютерных технологий – киберпреступления, классифицированные на международном уровне на преступления, имеющие национальный характер и не затрагивающие интересов граждан или юридических лиц дру-

гих стран, и компьютерные преступления, имеющие трансграничный характер.

К компьютерным преступлениям, влияющим на процессы воспроизводства преступности, согласно международным классификаторам, можно отнести следующие: использование электронных досок объявлений (BBS) для хранения, обмена и распространения материалов, имеющих отношение к преступной деятельности; хищение информации, составляющей коммерческую тайну; приобретение незаконными средствами или передача информации, представляющей коммерческую тайну без права на то или другого законного обоснования, с намерением причинить экономический ущерб или получить незаконные экономические преимущества; использование компьютерных систем или сетей для хранения, обмена, распространения или перемещения информации конфиденциального характера [1, с. 57].

Сеть Интернет, являясь такой же сферой действия преступников, как и физический мир, все чаще используется для осуществления преступных намерений. Так, террористы используют открытость Интернета для дискредитации правительств и государств, размещения сайтов террористической направленности, порчи и разрушения ключевых систем путем внесения в них фальсифицированных данных или постоянного вывода этих систем из рабочего состояния (что является своего рода дополнением к традиционному виду терроризма) [7, с. 165]. Сеть Интернет широко используется членами террористических формирований для установления и поддержания контактов друг с другом отдельными преступниками и организованными преступными группами, благодаря этой сети возможна передача ценной информации в зашифрованном виде. Интернет применяется для установления педофильных и иных запрещенных сексуальных связей и создания рынка проституции, продажи непристойных материалов и порнографии. Киберпространство дает при этом возможность использовать псевдоним вместо настоящего имени, облегчает установление контактов с партнерами.

Специалисты считают, что хотя такие преступления являются наиболее типичными для онлайн-среды, стоит обратить внимание на то, что электронная почта может быть использована преступниками для планирования или координации практически любых незаконных действий, в том числе угроз, шантажа, вымогательств. По мере того, как приобретают все большее распространение надежные методы кодирования информации, можно ожидать, что преступники будут использовать такую технологию, чтобы избежать обнаружения при планировании и осуществлении любой незаконной деятельности.

Понятие глобального киберпространства является пока непривычным для правоохранительных органов, однако, преступные действия, в которых используются компьютерные коммуникации, представляют большую общественную опасность. Компьютерные преступления опасны не только сами по себе, но и тем, что способствуя совершению общеуголовных преступлений, они тем самым расширяют сферу криминальной деятельности. Однако если этот аспект механизма глобализации преступности достаточно часто анализируется специалистами, в меньшей степени иссле-

дован другой – социально-психологический механизм воспроизводства преступности на основе Интернет-технологий. Речь идет о малоизученном механизме криминогенного воздействия информации, распространяемой с помощью сети Интернет [3, с. 11-13; 4, с. 4].

Сеть Интернет, продуцируя сообщения, тексты, изображения составляет своего рода особую «виртуальную реальность» действительности, представляя специфическую картину реальной жизни. Учитывая массовость пользователей сетью Интернет и объем распространяемой ею информации, можно обоснованно считать ее одним из самых влиятельных и результативных средств массовой коммуникации. Следовательно, все закономерности, присущие механизму действия средств массовой коммуникации на индивида, в данном случае неизбежно будут проявляться. Особенность заключается лишь в том, что пользователь сети Интернет общается только с компьютером и в этом смысле он еще более десоциализирован.

Существуют разные подходы к понятию массовой коммуникации, однако общепризнанно, что массовая коммуникация – это процесс распространения социальной информации с помощью технических средств (печать, радио, телевидение, видеозапись, кино, Интернет) на численно большие и рассредоточенные аудитории, результатом чего является пропаганда и утверждение определенных духовных ценностей, оказание идеологического, политического, экономического или организационного воздействия на оценки, мнения и поведение людей. Массовая коммуникация осуществляется в масштабах всего общества и выступает важнейшей предпосылкой общественного развития и организации [1, с. 59].

Исходя из того, что в настоящее время не осуществляется контроль за содержанием информационных ресурсов Интернета, и, кроме этого, невозможно контролировать или ограничить к ним доступ потребителей информации, резко повышается потенциальная криминогенность данного информационно-коммуникативного ресурса. В лучшем случае, распространяя юридическую информацию, Интернет участвует в формировании правосознания граждан.

Все возрастающее расширение влияния средств массовой коммуникации самым тесным образом связано с криминализацией общественного сознания. Пропаганда жестокости, насилия, извращенных форм сексуального поведения в сети Интернет требует осмысления ее последствий.

Так, по данным, полученным на основе опроса школьников, достигших 15-16-летнего возраста, сцены насилия, в том числе сексуального, жестокости готовы смотреть 58 % опрошенных. Цифра тревожная, особенно если учесть действие «эффекта ореола», о котором говорят психологи. Способность обучения насильственным агрессивным действиям посредством усвоения правил поведения, соблюдаемых и демонстрируемых «героями», «криминальными авторитетами» и т.п., была неоднократно доказана в серии экспериментов. Массовая демонстрация продукции, содержащей насилие и жестокость, обуславливает большую вероятность агрессивного поведения.

Огромное количество ресурсов Интернета посвящено порнографии, сводниче-

ству, поискам сексуального партнера или партнеров. Значительная часть информационных ресурсов Интернета посвящена рекомендациям по изготовлению в домашних условиях наркотиков и взрывчатых веществ, и, возможно, не один террорист прошел подобный «курс молодого бойца» в Интернете. Таким образом, можно сделать вывод, что глобализация преступности зависит во многом от современных средств массовой коммуникации, среди которых особое место занимает глобальная сеть Интернет.

С другой стороны, под воздействием бесконтрольного пользования ресурсами Интернета, с учетом длительности, частоты, интенсивности потребления той или иной информации, происходит существенная деформация личности, ее нравственных и психологических черт.

Киберпреступность – неизбежное следствие глобализации информационных процессов. Простота, легкость, анонимность, доступность и экономия времени – качества, делающие информационные технологии привлекательными для человечества – не могли не привлечь к себе внимания лиц, осуществляющих противоправную деятельность. С ростом использования информационных технологий в различных областях деятельности человека растет и использование их в целях совершения преступлений. Этот рост также является неизбежным процессом, поскольку законодательное регулирование отношений в сфере информационных технологий не может ни опередить их развитие, ни даже идти с ним в ногу.

Проблема киберпреступности, в силу невозможности из-за своей глобальной природы быть ограниченной рамками одного государства, требует серьезных и масштабных исследований, а также выработки единых международных стандартов – от понятийного аппарата до унифицированных правовых норм.

В данной работе употребляется соответствующая международным стандартам дефиниция «киберпреступность». Термин «компьютерная преступность», используемый в отечественной литературе для обозначения противоправной деятельности с применением компьютерных технологий, не отражает точно природу указанного явления, это приводит к тому, что под «компьютерным преступлением» подразумевается гораздо более широкий круг деяний, чем это следует из буквального толкования термина.

Киберпреступность по своей сути гораздо шире компьютерной преступности, и включает в себя целый спектр противоправных деяний. Под киберпреступностью в данной работе понимается совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных. Соответственно, киберпреступление – это виновное противоправное вмешательство в работу компьютеров, компьютерных программ, компьютерных сетей, несанкционированная модификация компьютерных данных, а также иные противоправные общественно опасные деяния, совершенные с помощью или посредством компьютеров, компьютерных сетей и программ, а также с помощью или посредством

иных устройств доступа к моделируемому с помощью компьютера информационному пространству.

Киберпреступность обладает повышенной общественной опасностью вследствие возможности причинения крупного ущерба при минимальных затратах и невысоком риске. Кроме того, киберпреступность характеризуется высокой латентностью, в результате чего статистика правоохранительных органов не отражает достоверной картины состояния киберпреступности как на уровне государства, так и на общемировом уровне. Для оценки состояния киберпреступности необходимо использовать иные способы получения данных и оценки ситуации: обзоры, интервьюирование, методы регистрации обращений.

Рост киберпреступности, произошедший в последние годы, отмечают и специалисты правоохранительных органов государств, и сотрудники организаций, занимающихся исследованиями с помощью альтернативных методов сбора статистических данных. При этом финансовые потери от киберпреступности исчисляются миллионами долларов. В России растущая угроза киберпреступности уже признается на уровне высших должностных лиц, которые говорят о ней как о возможной угрозе безопасности государства. Официальная же статистика РФ сообщает всего о нескольких тысячах компьютерных преступлений. Эта проблема характерна для многих государств. Поскольку киберпреступность является относительно «новым» видом преступной деятельности, а выявление и расследование преступлений усложняется их трансграничным характером, статистические данные еще очень долго не будут отражать достоверную картину электронных посягательств не только на глобальном уровне, но и на уровне отдельно взятого государства [5, с. 8; 6, с. 34].

Тем не менее, несмотря на невысокие показатели официальной статистики во многих государствах, проблемой киберпреступности уже озабочено как немалое количество стран, так и международные организации. В силу трансграничного характера этого явления, уголовно-правовая борьба с ним становится глобальной проблемой. Для эффективной борьбы с киберпреступлениями необходимо как принятие соответствующих уголовно-правовых норм на национальном уровне, так и выработка единых международных стандартов. Одним из необходимых условий действенности принимаемых мер является криминализация хотя бы минимального набора противоправных деяний, совершаемых с помощью компьютерных технологий, во всех государствах мира.

К настоящему времени национальное уголовное законодательство стран мира претерпело существенные изменения, вызванные появлением киберпреступности и необходимостью выработки эффективных мер борьбы с ней. Эти изменения происходили параллельно с принятием международных документов в области борьбы с киберпреступностью. Однако все изменения в национальное законодательство стран, даже если они были обусловлены принятием некоего международного документа, были приняты, развивались и изменялись «автономно». Одни страны предпочли внести изменения в уголовные кодексы, другие – принять специальные законы, направ-

ленные на борьбу с киберпреступностью. Национальное уголовное законодательство стран в этой сфере весьма разнообразно и даже противоречиво. Отсутствие единообразия в национальном уголовном законодательстве стран даже в пределах одного региона, например, Европы, существенно тормозит развитие методов эффективной борьбы с киберпреступностью – явлением, для которого не существует государственных границ. Тем не менее, в некоторых государствах – например, в США, Италии, Германии, – законодательство о киберпреступлениях достаточно хорошо сконструировано и успешно применяется на практике. Опыт этих государств мог бы сыграть положительную роль и в выработке международной стратегии, и в реформировании законодательства в отдельно взятой стране [2, с. 507].

Уголовное законодательство Российской Федерации о преступлениях в сфере компьютерной информации в силу того, что с момента принятия норм человечество в информационном развитии шагнуло далеко вперед, не может эффективно регулировать отношения, складывающиеся при совершении преступлений с использованием компьютерных технологий, не выполняет предназначенных ему охранительной и превентивной функций в этой области. Нормы Главы 28 УК РФ, предусматривающей ответственность за преступления в сфере компьютерной информации, страдают юридико-техническими недостатками, которые способны затруднить их применение. Кроме того, глава 28 содержит норму, представляющую собой явный пример ошибочной криминализации – статью 274 УК РФ.

В настоящей работе предлагается пересмотреть главу 28 УК РФ путем изменения диспозиции статьи 274 (Несанкционированный умышленный доступ к компьютерной системе или ее части, сопровождающийся преодолением системы защиты), включения новых статей, предусматривающих уголовную ответственность за: 1) неправомерное завладение компьютерной информацией; 2) модификацию компьютерной информации; 3) компьютерный саботаж. Кроме того, предлагается исключить статью 274 «Нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети» и ввести в Уголовный кодекс новую норму об ответственности за компьютерное хищение.

Законодательного реагирования требует также возникшая в настоящее время практически у каждого пользователя электронной почты проблема незапрашиваемых почтовых рассылок – спама. Отсутствие норм, регулирующих незапрашиваемые рассылки, приводит к полной безнаказанности лиц, занимающихся этой деятельностью, а также к тому, что большая часть почтового трафика забита подобной корреспонденцией. Тем не менее, предложения по криминализации этого деяния, на наш взгляд, не имеют достаточных оснований. Необходимо принятие норм, запрещающих спам и устанавливающих за его рассылку административную ответственность.

Тенденция роста киберпреступности и тенденция «отставания» социально-правового контроля над ней увязываются в некий порочный круг, разорвать который можно только путем органичного сочетания уголовно-правовых, криминологических и криминалистических стратегий борьбы с этим видом преступлений.

Для борьбы с угрозой киберпреступности, которая, безусловно, будет расти с дальнейшим расширением сферы использования информационных технологий, предоставляя все большие возможности для противоправной деятельности как индивидуумам, так и преступным группам, необходимо постоянное международное сотрудничество. Контролировать киберпреступность и бороться с ней на уровне отдельного государства практически невозможно. Принятие международных норм и стандартов должно сопровождаться внесением изменений в национальное законодательство государств. Координация усилий государств необходима для обеспечения быстрого реагирования на развитие компьютерных технологий и принятия соответствующих норм. В настоящее время в формировании международной стратегии борьбы с киберпреступностью задействованы более сорока стран мира, и процесс этот обещает быть достаточно долгим. Однако, несмотря на все сложности, очевидно, что международному сообществу необходимо прийти к решению проблем унификации законодательства. В противном случае, с учетом трансграничности киберпреступности, определенные несоответствия в законодательстве и нескоординированность уголовной политики позволят лицам, совершившим общественно опасные действия, избегать ответственности и затруднят расследование преступлений и преследование правонарушителей.

Библиографический список

1. Дремин, В. Н. Глобализация информационных систем как фактор глобализации преступности / В. Н. Дремин // Інформаційні технології та безпека. – Киев, 2002.
2. Керимов, В. Э. Профилактика и предупреждение преступлений в сфере компьютерной информации / В. Э Керимов, В. В. Керимов // Черные дыры в российском законодательстве. – 2002. – № 1. – С. 507.
3. Кесарева, Т. П. Криминологическая характеристика и проблемы предупреждения преступности в российском сегменте сети Интернет: автореф. дис... канд. юрид. наук / Т. П. Кесарева. – М., 2002. – С. 11 – 13.
4. Lewis J. A. Assessing the Risks of Cyber Terrorism, Cyber War and Other Cyber Threats. – Washington D. C., 2002. – P. 4.
5. Ляпунов Ю. Ответственность за компьютерные преступления / Ю. Ляпунов, В. Максимов // Законность. – 1997. – № 1. – С. 8.
6. Томас Тимоти Л. Сдерживание асимметричных террористических угроз, стоящих перед обществом в информационную эпоху // Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма. Материалы международной конференции. – М., 2002. – С. 165.
7. Фролов, Д. История информационной преступности / Д. Фролов // Закон. – 2002. – № 12. – С. 34;
8. Черкасов, В. Н. Информационные технологии и организованная преступность [Электронный ресурс] / В. Н. Черкасов. – URL: [http://saitracc.sgap.ru/Pub/cherkasov\(24-03\).htm](http://saitracc.sgap.ru/Pub/cherkasov(24-03).htm).

Кузнецова Е.В., аспирант
кафедры теории государства и
права и конституционного права
Оренбургского государственного
университета

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

REALIZATION OF SOCIAL HUMAN RIGHTS IN THE CONDITIONS OF DIGITAL REALITY

***Аннотация.** В статье проанализировано современное состояние института социальной защиты населения применительно к условиям цифровой трансформации, дана характеристика реализации социальных прав в цифровом мире, приведены перспективные и проблемные аспекты. Особое внимание уделено отдельным элементам реализации цифровых социальных прав в Оренбургской области, отмечена важность перевода социальных услуг в цифровую среду.*

***Abstract.** The article analyzes the current state of the institute of social protection of the population in relation to the conditions of digital transformation, describes the implementation of social rights in the digital world, presents promising and problematic aspects. Particular attention is paid to certain elements of the implementation of digital social rights in the Orenburg region, the importance of transferring social services to a digital environment is noted.*

***Ключевые слова:** цифровая трансформация, автоматизированная информационная система, меры социальной поддержки, социальные услуги, социальная защита.*

***Keywords:** digital transformation, automatic information system, social support, social services, social protection.*

Право, поэтапно шагающее за объективно возникающими жизненными процессами, стремительно идет в направлении признания и приоритетности цифровой трансформации во всех сферах общественной жизни. Концепция поколений прав человека, аккумулирующая в себе содержательный и хронологический критерии, закрепляет несколько поколений прав человека: а) права на личную свободу; б) правопритязания на социальную защиту; в) права человеческого сообщества (коллективные права); г) специальные права; д) информационные права; е) соматические права. Смена характера социального взаимодействия, переход значительной части его элементов в цифровой мир, следующая за этими процессами деконструкция традиционных юридических категорий, некоторым теоретикам позволили говорить об обоснованности выделения поколения информационных (цифровых) прав [1, с. 3].

Вопросы социальной защиты, направленные на поддержание необходимого уровня социального и материального благополучия человека, принадлежащие ко второму поколению прав человека, нуждаются в цифровой трансформации, переходе на уровень доступности в цифровой среде. Указанная необходимость констатируется на уровне законодательства. В соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 06.11.2021 № 3144-р «О стратегическом направлении в области цифровой трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации» приоритетными направлениями цифровой трансформации в социальной сфере признаются повышение уровня жизни граждан, реализация социальных прав граждан в области социального страхования, социальной защиты, труда и занятости населения в формате единого окна с применением цифровых возможностей дистанционно [2].

Цифровая трансформация предполагает качественные изменения устоявшихся экономических и общественных институтов в результате внедрения цифровых технологий [3, с. 11]. По отношению к реализации социальных прав человека и гражданина цифровая трансформация несет в себе не только перспективные возможности развития в виде беззаявительного получения мер социальной поддержки, быстроты решения социального вопроса, и, как следствие, клиентоцентричности государства, но и некоторое количество дискуссионных и проблемных аспектов материализации как небольшого масштаба – обеспечение принципов законности и достаточности при обработке информации о гражданине, так и глобального – возникновение реального и виртуального гражданского общества границы между которыми размыты, ощущение безответственности в интернет-пространстве, провоцирующее попираание правами человека, трудности в вопросах защиты персональных данных и другие [4, с. 23].

Достижение «цифровой зрелости» социальной сферы осуществляется поэтапно на всех уровнях публичной власти. Использование цифровых возможностей при реализации конституционного права на обращение в органы власти позволило сократить долю личных обращений граждан о предоставлении социальных услуг на 5-10 % в год [5]. Обращения граждан по вопросам социальной защиты населения осуществлялись посредством электронных каналов (единый портал, личные кабинеты на сайтах ведомств, мобильные приложения), минуя необходимость посещения органа государственной или муниципальной власти, того или иного ведомства лично.

В Оренбургской области с 2020 г. разработан и внедрен сервис «Активный гражданин», который включает в себя несколько возможностей – сервис по участию в голосовании по вопросам местной жизни, сервис дистанционных обращений с инициативой по насущным вопросам городского и муниципального хозяйства, сервис отображения на интерактивной карте информации об объектах благоустройства, информации по проведению ремонтных работ и т.д. [6]. Функционирование такой автоматизированной информационной системы преследует цели вовлечь граждан в решение вопросов местного значения, дать возможность вести прямой диалог гражданина с органом государственной или муниципальной власти с перспективой обратной связи,

что благоприятствует развитию регулятивных форм непосредственной демократии.

По данным министерства социального развития Оренбургской области, озвученным в ходе стратегической сессии «Цифровая прокачка региона», состоявшейся 17-18 марта 2022 года, с начала 2021 года в министерство социального развития Оренбургской области поступило 6904 обращения граждан, из которых 33 % были направлены посредством возможностей Федеральной системы «Платформа обратной связи» и социальных сетей. Срок рассмотрения таких обращений сокращен и составлял от 1 до 20 дней, вместо законодательно закрепленного срока рассмотрения письменных обращений граждан, который по общему правилу составляет 30 дней со дня его регистрации [7].

Указанные изменения, направленные на упрощение решения вопроса, оказывают благоприятное воздействие на взаимоотношения личности и государства, создавая доверительную обстановку, нацеленную на результат. Кроме того, использование данных цифровых возможностей позволяет наиболее оперативно давать разъяснения обратившемуся гражданину, минуя официальную процедуру регистрации обращения, а также позволяет оказывать эффективную консультацию по вопросам социальной защиты с учетом возможностей обратной связи, когда гражданином в наиболее короткие сроки уточняется та или иная информация по ходу отработки обращения ведомством.

За перспективными возможностями цифровой трансформации социальной сферы стоят также и проблемные вопросы, требующие дальнейшей проработки и совершенствования. Сбор большого количества документов и справок в бумажном виде, разобщенность информационных систем в ведомствах, предоставляющих меры социальной поддержки и оказывающие социальные услуги, наличие дифференцированных условий взаимодействия с гражданами в зависимости от возникшей ситуации тормозят процесс цифровой трансформации, нуждаются в улучшении.

В Оренбургской области с 2013 года успешно функционирует государственная автоматизированная информационная система «Электронный социальный регистр населения Оренбургской области» (ГАИС ЭСРН), содержащая персональную информацию о гражданах, зарегистрированных по месту жительства или по месту пребывания в пределах субъекта Российской Федерации (порядка 90 % населения Оренбургской области), имеющих право на получение социальной помощи, а также о фактически предоставленных мерах социальной поддержки. Система позволяет идентифицировать получателей социальных услуг, выстроить систему персонального учета населения на местном и региональном уровне с возможностью интеграции с системами на федеральном уровне, осуществлять межведомственное электронное взаимодействие с ведомствами и оперативно получать необходимую информацию.

Внедрение новых механизмов ГАИС ЭСРН и совершенствование уже имеющихся предусмотрено в рамках стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Оренбургской области, предусматривающей введение механизма проактивных выплат, беззаяви-

тельный порядок отдельных мер социальной поддержки, переход на использование цифрового консультанта в сфере социальной поддержки населения для повышения доступности и своевременности получения информации по вопросам предоставления мер социальной поддержки и оказания социальных услуг [8].

Социальная сфера, как одна из наиболее приближенных к населению, нуждается в цифровизации, расширении массовых социально значимых услуг, оказываемых в электронном виде, оптимизации процесса работы с обращениями граждан. В результате будут достигнуты цели цифровой трансформации, и что самое главное – снята социальная напряженность, сокращена дистанция между гражданином, обратившемся за помощью, и органом публичной власти, способном ее оказать.

Библиографический список

1. Варламова, Н. В. Цифровые права - новое поколение прав человека? / Н. В. Варламова // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – №4.
2. О стратегическом направлении в области цифровой трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 ноября 2021 г. № 3144-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 01.10.2022).
3. Абдрахманова Г. И. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г / Г. И. Абдрахманова, К. Б. Быховский, Н. Н. Веселитская, К. О. Вишневыский, Л. М. Гохберг. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
4. Авакьян, С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 7.
5. Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2021 г. № 431-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http:// www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2022).
6. Об утверждении Положения о государственной информационной системе «Активный гражданин» Оренбургской области: Постановление Правительства Оренбургской области от 7 декабря 2020 г. № 1046-пп // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http:// www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2022).
7. По данным материалов стратегической сессии «Цифровая прокачка региона», состоявшейся 17-18 марта 2022 года.
8. Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Оренбургской области. – URL: <https://digital.orb.ru/documents/active/85110/> (дата обращения: 01.10.2022).

**Кулагин И.И., студент юридического
факультета Оренбургского
государственного университета**

**Кулагина А.А., студент юридического
факультета Оренбургского
государственного университета**

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DIGITAL TRANSFORMATION OF LEGAL ACTIVITY

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются вопросы влияния цифровизации на юридическую деятельность, анализируются дальнейшие способы внедрения цифровых технологий в юриспруденцию, рассматривается нормативно-правовое регулирование использования «цифры» в деятельности юристов.*

***Abstract.** This article discusses the impact of digitalization on legal activity, analyzes further ways of introducing digital technologies with jurisprudence, examines the legal regulation of the use of "numbers" in the activities of lawyers.*

***Ключевые слова:** Интернет, цифровая трансформация, гражданский процесс, цифровизация, IT-технологии, юриспруденция, законодательство.*

***Keywords:** Internet, digital transformation, civil procedure, digitalization, IT technologies, jurisprudence, legislation.*

Цифровизация, как основной тренд на сегодняшний день, проникла во все сферы повседневной жизни людей, меняя деятельность профессиональных сообществ, а национальные институты находятся на пороге серьезных технологических изменений. Эксперты отметили, что компании и страны заинтересованы в алгоритмизации юридических процедур и нормотворчества, что позволит снизить транзакционные издержки и повысить эффективность. В то же время право, касательно вопроса внедрения новых технологий – это консервативное явление. По некоторым оценкам, уровень проникновения цифровых технологий в юриспруденцию сегодня не превышает 30%, а доля доступных онлайн-юридических услуг не превышает 4-5%. Тем не менее, юридические технологии становятся одной из самых обсуждаемых тем в юридической профессии. В условиях глобальной оцифровки профессиональные юристы, правове-ды, ученые, эксперты и футурологи имеют очень разные оценки и прогнозы относительно относительных перспектив юридической профессии.

Если мы рассматриваем цифровизацию как угрозу для юридической профессии, то в самом пессимистичном случае эта угроза существует. Основной угрозой цифровизации для людей может быть не искусственный интеллект, а сами люди. Особенно если после объективного процесса технологического развития он решит отказаться от достижений юридической науки и практики, созданных веками.

Однако, в данном случае, идет ли речь о законе? Цель закона – выступать в качестве регулятора общественных отношений, то есть отношений между людьми, регулируемых тем или иным законом, а цель алгоритма, в свою очередь, заключается не в надзоре, а в управлении, то есть он не предполагает субъективности. Это единственная причина, по которой юридические алгоритмы не подходят для регулирования общественных отношений, поскольку они формируют суперотношения между одним человеком и искусственным интеллектом или между несколькими искусственными интеллектами. В то же время активно обсуждается вопрос о трактовке искусственного интеллекта как самостоятельного субъекта правоотношений. Помимо попытки сломать существующую правовую парадигму, эти меры очень трудно назвать (принимаются обвинения в чрезмерном консерватизме).

Цифровые технологии сами по себе угрожают юридической профессии. Да, по всем проверенным прогнозам, отрасль претерпит много изменений, как и многие сферы жизни. В этом смысле стоит согласиться с известным юристом Михаилом Барщевским, который выступил против Германа Грифа и указал, что «работа юристов может быть подменена работой интеллектуальной платформы, но только в той части, в которой юрист выполняет какие-то формализованные функции. Но работа адвоката по сложным уголовным или гражданским делам требует анализа целого ряда обстоятельств, которые истолковать можно с точки зрения закона и так, и так».

В этом отношении цифровизацию по-прежнему следует рассматривать как ряд новых возможностей для юридической профессии. Только принятие неправильных практик в процессе адаптации правовой системы и юридических процедур к новой реальности может представлять угрозу.

Сегодняшние юристы не могут себе представить, что в их работе нет правовой справочной системы, которая позволяет повысить уровень законодательства и правоприменения, а также сэкономить много времени и энергии профессиональным юристам. Например, в России передовая технология электронного правосудия была создана в арбитражных судах. А затем ее постепенно начали внедрять в судах общей юрисдикции.

Электронный документооборот приобретает все большее значение в мировой юридической практике. Во Франции уже давно обращаются к электронным носителям информации в нотариальной деятельности, а в Испании суды активно используют электронные документы и публикуют электронные судебные акты.

В октябре 2016 г. юристы заговорили о цифровой революции в юриспруденции. Тогда был предложен алгоритм, созданный американскими и британскими учеными, для угадывания решения Страсбургского суда с вероятностью 79%. Проекты про-

гнозного анализа с использованием искусственного интеллекта также доступны в России (сервис Casebook, который позволяет рассчитать вероятность исхода и продолжительность конкретного дела). Студенты Казанского университета разработали многообещающий проект. Они создали робота-юриста, который может предсказывать судебные решения.

Отдельное место занимают технические платформы lawyer marketing, которые позволяют подбирать экспертов для конкретных задач с учетом специализации, стоимости услуг и других параметров. Аналогичные проекты были созданы в Соединенных Штатах, Соединенном Королевстве и России (Lexoo, Avvo и Legal Space соответственно). По сути, речь идет об уберизации рынка юридических услуг.

Создание юридических программных продуктов позволит в ближайшем будущем существенно изменить структуру рынка юридических услуг и саму юридическую профессию. В ближайшем будущем юридические исследования, простейший юридический анализ и подготовка стандартных документов станут областью искусственного интеллекта, что позволит юристам работать на более высоком профессиональном уровне и усилит конкуренцию выпускников высших учебных заведений в начале их юридической карьеры.

Кроме того, необходимо учитывать, что цифровые технологии уже требуют серьезной правовой поддержки на уровне регулирования своих функций и приложений. Поэтому можно сказать, что механизация юриспруденции предвещает новый виток развития смежных отраслей права. Прежде всего, это относится к гражданскому, уголовному, административному, финансовому праву и отраслям процессуального права. В этом процессе особую роль играет развитие информационного права. Надзор за цифровой экономикой, институциональные преобразования, связанные с цифровизацией и автоматизацией, переориентация государственного управления с репликации процессов на управление изменениями и определение правового статуса криптовалют – все это основные проблемы, стоящие перед отечественной правовой системой, и потребуются юридическая профессия, чтобы ответить. Развитие технических средств, укрепление правовой отрасли, регулирующей вопросы защиты информации, и вышеупомянутые задачи позволят сформировать новый тип независимой юридической практики в новом профессиональном направлении.

Принимая во внимание объективность процесса оцифровки и огромный потенциал внедрения технологий в юридическую профессию, стоит обратить внимание на возрастающее значение юридического образования, которое должно обеспечить фундаментальную межведомственную подготовку специалистов. Поэтому очень важно постоянно обновлять знания, предоставляемые студентам. В подготовке юристов необходимы новые методы, чтобы будущие специалисты могли научиться правильно формировать юридические позиции, открыто дискутировать и общаться, вести переговоры и, наконец, – эффективно использовать профессиональные технические инструменты.

Библиографический список

1. Писаревский, Е. Л. Цифровизация юридической деятельности в социальной сфере / Е. Л. Писаревский // Информационное право. – 2018. – № 4. – С. 22–28.
2. Правовая информатизация и трансформация права в условиях цифровой реальности : матер. Междунар. науч.-практ. online-конф., Москва, 25 июня 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.scli.ru/blog/sostoyalas-konferenciya-pravovaya-informatizaciya-i-transformaciya-prava-v-usloviyakh-cifrovoy>.
3. Тухватуллин, А. Отдельные проблемы управления нацпроектами в муниципальных образованиях [Электронный ресурс] / А. Тухватуллин // БФТ : сайт. – URL: <https://bftcom.com/expert-bft/12578>.
4. Нестеров, А. В. О техническом регулировании в России / А. В. Нестеров // Государство и право. – 2009. – № 8. – С. 93–96.
5. Карцхия, А. А. Цифровая трансформация права / А. А. Карцхия // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 1 (30). – С. 25–29.
6. Rosenblatt F. The Perceptron: A Probabilistic Model for Information Storage and Organization in the Brain // Psychological Review, 1958, vol. 65, no. 6, pp. 386–408.
7. МакГиннис Д.О. Великий подрыв: как искусственный интеллект меняет роль юристов в оказании юридических услуг / Д. О. МакГиннис, Р. Дж. Пирс // Актуальные проблемы экономики и права. – 2019. – Т. 13. – № 2. – С. 1230–1250.
8. Егоркин, С. Исчезновение юридической профессии. Мысли после прохождения гарвардского курса по искусственному интеллекту / С. Егоркин // Закон.ру – первая социальная сеть для юристов : сайт [Электронный ресурс]. – URL: [https:// zaakon.ru/blog/2020/06/09/ischeznovenie_yuridicheskoy_professii_mysli_posle_rohozhdeniya_garvardskogo_kursa_po_iskusstvennomu](https://zaakon.ru/blog/2020/06/09/ischeznovenie_yuridicheskoy_professii_mysli_posle_rohozhdeniya_garvardskogo_kursa_po_iskusstvennomu).
9. Нестеров, А. В. Экспертика: Общая теория экспертизы / А. В. Нестеров. – М. : Тип. НИУ ВШЭ, 2014. – 261 с.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO ILLEGAL TRAFFICKING
OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

***Аннотация.** Статья посвящена одной из серьезнейших проблем современности – наркотизации российского общества и методам борьбы с ней. В качестве основного средства борьбы и противодействия наркотизации выступает уголовное законодательство. Возможность и правильность применения норм уголовного закона, направленных на противодействие наркотизации, являются одной из задач, стоящих перед правоприменителем.*

***Abstract.** The article is devoted to one of the most serious problems of our time - the narcosis of Russian society and methods of combating it. Criminal legislation acts as the main means of combating and countering drug addiction. The possibility and correctness of the application of the norms of the criminal law aimed at countering drug addiction is one of the tasks facing the law enforcement officer.*

***Ключевые слова:** преступление, профилактика преступлений, наркотики, незаконный оборот наркотических средств, противодействие незаконному обороту наркотических средств.*

***Keywords:** crime, crime prevention, drugs, illicit drug trafficking, counteraction to illicit drug trafficking.*

В условиях кризиса современного российского общества получили распространение различные социально-негативные явления, среди которых выделяются преступления, совершаемые несовершеннолетними в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, представляющих угрозу здоровью нации, деформирующих общественное сознание, наносящих значительный ущерб экономике страны, подрывающих силу, авторитет закона и безопасность государства.

Так или иначе, именно губительная сила наркотических средств, а не наказание, предусмотренное санкциями статей Уголовного кодекса, должна вызывать страх у населения. С такой позицией невозможно не согласиться, но если государство полно-

мочно влиять на правоотношения, то почему бы эффективную реализацию норм уголовного и уголовно-процессуального права не рассмотреть как один из способов противодействия наркотизации российского общества? Этот вопрос и является основным направлением исследования данной статьи.

В начале 2021 г. новостная лента пестрила статьями с заголовками, подобными такому: «Число осужденных за наркопреступления сократилось в РФ за последние пять лет на 27%», однако оппонировала им статья «Около половины дел по наркотикам в России не дошло до суда». По данным Генпрокуратуры, наркотические дела являлись одними из самых массовых в России в 2020 году (по ним проходили 12,3 % всех осужденных, больше – только за кражи). Бесперспективность этих дел кроется, прежде всего, в их нераскрытости в ходе досудебного производства и как следствие – прекращение уголовного дела. Иными словами, во многих случаях дело не доходит до рассмотрения по существу в судебном заседании из-за того, что производство по нему прекращается на досудебных стадиях ввиду сложности его раскрытия. Отсюда следует и вывод о снижении количества обвинительных приговоров за наркопреступления, а, следовательно, и уменьшение числа осужденных по ним [1, с. 27].

Но данное заключение нельзя признать логическим и однозначно верным, так как делать вывод о снижении числа осужденных можно, исходя из числа вынесенных оправдательных приговоров, либо же из сведений о снижении числа наркопреступлений в целом. Таким образом, одной из проблем распространения наркопреступлений является их относительно низкая раскрываемость и как следствие – ненаказуемость.

Как известно, законодатель определяет наказание как средство формирования у лица страха возмездия в виде уголовной ответственности за осуществляемое деяние, кроме того работает и воспитательная функция наказания, которая заключается в отказе от совершения преступления с учетом уже имеющихся случаев привлечения к ответственности других лиц. Основной идеей наказуемости является предупреждение преступлений, нежели карательная функция.

Поэтому нормы Уголовного закона – это прежде всего меры противодействия преступности. Распространение наркотиков в России, наркотизация населения в последнее время стали общенациональной проблемой, которая является прямой угрозой национальной безопасности.

Преступления, связанные с оборотом наркотиков, отнесены законодателем к главе 25 УК: «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», и тем самым определена их направленность на подрыв системы, обеспечивающей физическое и психическое благополучие людей, создание угрозы продолжительности активной жизни и ее воспроизводства в обществе, препятствование формированию и развитию личности [2, с. 28].

Неслучайно Уголовный кодекс РФ содержит больше составов преступлений, связанных с оборотом наркотиков, чем Уголовный кодекс РСФСР, что в очередной раз подчеркивает высокую общественную опасность рассматриваемых преступлений. А их наказуемость позволяет уменьшить вероятность причинения вреда обществен-

ным отношениям, представляющим наибольшую ценность и нуждающимся ввиду этого в охране. В этом смысле отношения, обеспечивающие здоровье населения, рассматриваются в ряду приоритетных [3].

Так, согласно справедливому замечанию Конституционного Суда РФ, здоровье является «для каждого неотчуждаемым благом, выступает основой всех прав и свобод человека и необходимым условием их существования и соблюдения». Это положение объясняет направленность законодателя на четкую правовую регламентацию статей закона, устанавливающих уголовную ответственность за наркопреступления, в целях усиления защиты общественных отношений, связанных со здоровьем населения в целом, и как следствие – противодействия наркотизации российского общества.

Кроме того, помимо статей УК, выработана широкая законодательная база по вопросам, связанным с оборотом наркотиков и наркопреступлениями: Федеральный закон от 10 декабря 1997 года «О наркотических средствах и психотропных веществах», Постановление Правительства РФ от 07.02.2006 № 76 «Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 УК РФ», Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 года «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропами, сильнодействующими и ядовитыми веществами» и др.

Таким образом, государственная борьба с данными видами преступлений постепенно приобретает более цельный и действенный характер. Также в статье УК за все время неоднократно вносились изменения, что свидетельствует о направленности внимания законодателя на реформирование в связи с меняющейся обстановкой, распространением наркопреступности и ухудшением здоровья населения в связи с применением наркотиков. Изменения в основном направлены на введение дополнительных мер государственного контроля, а также на усиление борьбы в сфере оборота наркотических средств.

Совершение преступления с использованием наркотических средств отнесено к обстоятельствам,отягчающим уголовную ответственность. Кроме того, правоприменитель может назначать пожизненное лишение свободы за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, в том числе преступления с использованием наркотических средств или психотропных веществ [4, с. 1257].

Как известно, не от количества внесенных в закон изменений, а от их качества, более того, от качества их применения зависит складывающаяся в действительности борьба с преступностью, в том числе и противодействие наркотизации общества. К сожалению, практика показывает, что применение норм законодательства достаточно затруднительно в связи с различными обстоятельствами. Например, суровые санкции за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, не дают положи-

тельного результата. Поэтому необходим поиск иных способов борьбы с наркопреступностью, дополняющих суровые меры уголовной ответственности за сбыт наркотиков.

И, конечно же, важнейшим направлением следует считать профилактику, поскольку любую болезнь легче предупредить, чем ее лечить. Особенно это относится к наркологическим заболеваниям (алкоголизму, наркоманиям, токсикоманиям). Согласно классификации Всемирной организации здравоохранения принято разделять на первичную, вторичную и третичную профилактику:

- первичная профилактика направлена на предупреждение возникновения болезней; эффективное противодействие преступлениям, связанным с распространением новых потенциально опасных психоактивных веществ, – приоритет в деятельности правоохранительных органов

- вторичная профилактика состоит в выявлении групп населения, угрожаемых по развитию заболевания, максимально раннем, полном и комплексном осуществлении лечебных мероприятий. Осуществляются меры для предотвращения рецидивов после лечения алкоголизма, наркомании и токсикомании, включая специальное противорецидивное лечение;

- третичная профилактика ставит целью предотвращение инвалидности путем реабилитационных мер. Трудности профилактики наркомании и токсикомании связаны с тем, что не существуют медицинские способы их предупреждения. Нет таких медикаментов, прививок или иных лечебно-профилактических средств.

Именно в работе по первичной наркологической профилактике и частично по вторичной (максимально раннее выявление потребителей наркотических и токсикоманических средств, алкоголя среди учащихся образовательных учреждений) обязаны участвовать все, кто непосредственно отвечает за их воспитание и нравственное развитие: родители, преподаватели, врачи, сотрудники органов внутренних дел.

Библиографический список

1. Позднякова, М. Е. Наркоситуация в России и новые модели употребления наркотиков / М. Е. Позднякова // Социология медицины. – 2016. – 15(1). – С. 25–30.
2. Шалагин, А. Е. Преступления против здоровья населения. Понятие, виды, общественная опасность / А. Е. Шалагин // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2011. – № 3(5). – С. 28-33.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации федер. закон: [принят 13.06.1996 N 63-ФЗ в ред. от 01.07.2021] // КонсультантПлюс : справочная правовая система / разработ. НПО «Вычисл. математика и информатика». – М. : КонсультантПлюс, 1997-2022. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Рахматуллина, А. И. Сущность и содержание наркомании и наркопреступности среди молодежи и ее профилактика / А. И. Рахматуллина, Е. А. Егорышева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11. – С. 1256–1260.

**Мальцева М.А., студент юридического
факультета Оренбургского
государственного университета**

Научный руководитель

Ерохина Е.В., доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского
государственного университета, канд. юрид. наук, доцент

СЕМЕЙНЫЕ СПОРЫ: АНАЛИЗ ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

FAMILY DISPUTES: AN EXPERIENCE ANALYSIS DIGITAL TECHNOLOGIES

***Аннотация.** Статья посвящена перспективам развития и использования цифровых технологий при решении семейных споров. Определены роль и преимущества цифровых технологий в системе семейного права. Рассмотрены пути решения проблем цифрового правосудия по семейным спорам.*

***Abstract.** The article is devoted to the prospects for the development and use of digital technologies in resolving family disputes. The role and advantages of digital technologies in the family law system are determined. The ways of solving the problems of digital justice in family disputes are considered.*

***Ключевые слова:** семейные споры, правосудие, цифровые технологии, искусственный интеллект, цифровизация.*

***Keywords:** family disputes, justice, digital technologies, artificial intelligence, digitalization.*

Одной из трансформаций судебной системы в мире является цифровая трансформация. Процесс использования цифровых технологий начался в середине 90-х годов XX в. в Сингапуре и Западном побережье США. За последнее время этот процесс ускорился. В 2015 году в Англии и Уэльсе было объявлено, что правительство выделит 500 миллионов фунтов стерлингов на цифровизацию судов, значительная сумма приходится на уголовное и гражданское судопроизводство. Впоследствии лорд Главный судья объявил о радикальных изменениях в судебных процедурах в рамках 700 миллионов фунтов стерлингов программы модернизации судов.

В настоящее время системы правосудия сталкиваются с проблемами, с которыми сталкивались юридические фирмы в 1990-х годах и в начале последнего десятиле-

тия, а именно с сочетанием цифровых технологий и требований клиентов. Что касается цифровизации в семейных спорах, то в настоящее время она широко распространяется в нашем мире. Однако встает вопрос о дискриминации и отсутствии доступа к правосудию у тех лиц, которые находятся в неблагоприятном положении и не имеют доступа к сети «Интернет» и цифровым услугам. На наш взгляд, данную проблему можно решить программным обеспечением интернет-сервисов в общественных местах, таких как библиотеки.

Искусственный интеллект (ИИ) уже широко используется в некоторых профессиях и отраслях. Полагаем, что программное обеспечение с компонентами ИИ может ускорить и упростить анализ юридических документов, а машины на базе ИИ могут просматривать юридические документы и помечать определенные части как имеющие отношение к рассматриваемому делу. Важным вопросом является использование искусственного интеллекта при заключении семейно-правовых соглашений, таких, как брачный договор, соглашение о разделе имущества, алиментные соглашения. Искусственный интеллект может быть применим при оказании квалифицированной помощи членам семьи, которые хотят узнать о предполагаемых правовых последствиях и защите своих прав при заключении ими различных сделок, например, при покупке квартиры в браке, если часть денег является личной собственностью одного из супругов.

Задача юристов не в том, чтобы автоматизировать неэффективные текущие методы работы, или даже судебные процедуры. Задача состоит в том, чтобы внедрять цифровые инновации в работу юристов и системы правосудия способами, которые ранее были невозможны.

Одной из основных областей цифрового прогресса являются судебные документы. Программное обеспечение было разработано для упрощения их использования в судебных органах. Для этого нужны очень хорошие средства поиска и скорость доступа к определенным страницам. Поскольку часто возникает необходимость сравнивать документы и заявления, могут потребоваться два экрана. В тех случаях, когда документ передается через «Интернет» в суде, судье по-прежнему необходимо вести собственные записи для внесения индивидуальных пометок. По-прежнему будет сохраняться требование о том, чтобы некоторые документы были в печатной форме (когда проверяются оригиналы). Но цифровые документы в сочетании с цифровой регистрацией отвечают на многие из существующих проблем, связанных с огромным количеством документов для систем правосудия.

Существует также понимание влияния трудностей на количество дел. В среднем, по семейному делу может быть проведено от трех до пяти слушаний, иногда требуется до 5 копий пакета документов, если задействованы третьи стороны, такие как местные власти. Ошибки при сопоставлении, индексировании и копировании на бумажном носителе отнимают много времени и легко допускаются. Размещение документов в неправильном разделе, в неправильном порядке или в неправильном месте может серьезно повлиять на результат. В этих случаях прогресс часто достигается

путем рассмотрения в суде отдельных спорных вопросов, например, решения вопроса о том, являются ли имущество супругов общим или личным имуществом, или это имущество вообще принадлежит третьей стороне. Существует значительная польза в том, чтобы иметь электронную таблицу через «Интернет» или иным образом совместно использовать в суде, чтобы все участвующие в деле работали с одним и тем же документом, например, программа Google-документ. Эта форма позволяет заполнять и обновлять документ совместно и одновременно в режиме реального времени по мере рассмотрения дела. Что, в свою очередь, ведет к большей прозрачности для сторон. Системы отображения документов гарантируют, что все присутствующие на слушании просматривают один и тот же документ, возможно, даже работают над одним и тем же документом, и одновременно переворачивают страницы. Кроме того, очевидно, что делать заметки судьям на ноутбуке или компьютере гораздо удобнее, чем делать заметки от руки, особенно потому, что их можно затем переработать в судебное решение.

Из-за ограниченного финансирования в последние годы большинство систем семейного правосудия не имели возможности проводить надлежащий анализ данных. Предстоящей огромной задачей будет являться классификация фактов, о которых сообщалось в решениях на всех уровнях судов по семейным делам, включая дела, которые были урегулированы без слушаний, чтобы избежать концентрации на делах с высоким конфликтом и/или больших деньгах. Только после того, как эта задача будет выполнена, процесс искусственного интеллекта может быть запущен.

В спорах, касающихся детей, все же необходимо придерживаться устных слушаний, включая сбор доказательств. Но опять же, стадия доказывания может быть отделена от стадии вынесения решения суда, которая может быть удаленной и без необходимости посещения здания суда и зала судебного заседания. Хотя нельзя не отметить огромную роль социальных сетей в области предоставления доказательств, например, в спорах об алиментах. Если одна из сторон, вовлеченных в спор по семейному праву, начинает останавливаться в роскошных отелях в отдаленных местах, это может быть признаком того, что у алиментоплательщика больше денег, чем он показывает.

Системы семейного правосудия во всем мире сталкиваются с проблемой прозрачности судов по семейным делам; сложность достижения баланса между открытостью правосудия и деликатностью личных семейных вопросов, особенно там, где речь идет о детях. В 2016 году Китай приступил к очень смелому проекту прямых трансляций из всех судов по всему Китаю. Такое использование цифровых технологий – простой способ полностью открыть суды.

Достоинства цифровых семейных судов: тематические исследования показали, что удобство и доступность удаленных слушаний увеличили количество истцов, явившихся в суды по семейным делам, и сократили количество неявок. Удаленные слушания являются одним из наиболее важных способов, с помощью которых суды могут значительно улучшить доступ людей к правосудию. Они также менее пугают

стороны в жесточенных разводах или несовершеннолетних, которые сильно пострадали от дел о домашнем насилии.

Кроме того, за счет расширения юридических онлайн-услуг, включающих электронную подачу дел, пользователи могут следить за ходом судебного разбирательства в любом месте, в любое время и с любого устройства.

Недостатки цифровых семейных судов:

1) Обращение в суд за защитой своих семейных прав имеет обычно долгую предварительную историю, которую невозможно изложить только как информацию. Стороны часто желают поделиться своей бедой, их истории наполнены эмоциональным смыслом, их трагедией. В этом смысле, конечно, человеку лучше контактировать с другим живым человеком, нежели с машиной.

2) В семейно-правовых спорах, в особенности там, где речь идет о защите интересов ребенка, судья подчас вынужден выступать одновременно в двух ролях – традиционной роли беспристрастного наблюдателя, оценивающего аргументы и доказательства, и роли гаранта обеспечения равенства сторон в процессе, компенсируя очевидную беспомощность участника процесса, самостоятельно представляющего свои интересы в суде, либо участника (ребенка), чьи интересы в процессе не представлены.

3) Наилучшие интересы ребенка, закрепленные в Конвенции ООН «О правах ребенка» определяются, исходя из уникального набора факторов, характерных для данной ситуации. Это делает невозможным применение ИИ в качестве замены судьи в тех категориях семейно-правовых споров, которые затрагивают права и интересы ребенка, поскольку опереться на предыдущие решения при их определении алгоритм не сможет.

Таким образом, для того, чтобы цифровые технологии в семейном праве работали на будущее, как и должно быть, все участники системы семейного правосудия должны сыграть свою роль. Но у некоторых сторон есть четкая руководящая роль.

В конечном счете, цифровые технологии в семейном правосудии касаются правосудия в семьях. В обществе есть запрос на систему, которая поможет семьям, разводящимся, пройти процесс развода как можно лучше. Юристы, занимающиеся семейным правом, хотят отстаивать справедливость, наилучшие интересы ребенка и эти цели не изменятся с появлением цифровых технологий, однако способ работы определенно изменится.

Библиографический список

1 Кравчук, Н. В. Искусственный интеллект в разрешении семейных споров: перспективы и пределы использования [Электронный ресурс] / Н. В. Кравчук. – Режим доступа: http://inion.ru/site/assets/files/6476/2021_ss_pravo_tcifrovye_tekhnologii.pdf.

Михеева А.Ю., студент Оренбургского
института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

DIGITALISATION OF HEALTH CARE: THE LEGAL DIMENSION

***Аннотация.** Стремительное проникновение цифровой экономики во все сферы государственного регулирования не прошло мимо системы здравоохранения. Медицина и фармакология, благодаря государственному реформированию, получили возможность развития по пути цифровизации, однако, как показывает практика, расширение правового регулирования новых отношений неминуемо ведет за собой возникновение принципиально новых проблемных аспектов.*

***Abstract.** The fast influence of the digital economy into all areas of state regulation has not passed unnoticed by the health care system. Medical and pharmacology, as a result the state reforms, got an opportunity to develop along the path of digitalization, but in practice the expansion of legal regulation of new relations inevitably leads to the emergence of fundamentally new troubling aspects.*

***Ключевые слова:** Цифровая экономика, цифровизация, система здравоохранения, медицинское законодательство, телемедицина, нормативно-правовое регулирование.*

***Keywords:** Digital economy, digitalization, healthcare system, medical legislation, telemedicine, legal regulation.*

«Цифровая экономика – это не отдельная отрасль. По сути это уклад жизни, новая основа для развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы и всего общества»

Из выступления В. В. Путина на заседании
Совета по стратегическому развитию
05.07.2017 г.

Россия на сегодняшний день, равно как и другие развитые страны, находится в постоянном и непрерывном процессе формирования цифровой экономики, которая затрагивает все сферы государственного регулирования: политические, социально-экономические, производственные и многие другие. Этот динамичный процесс не обошел стороной и медицину.

Президентом Российской Федерации был подписан Указ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», который определяет основополагающие цели и задачи национального развития России до 2030 года. Особое внимание уделяется такой цели, как Цифровая трансформация, предполагающей:

- достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления;
- увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 % [5].

Вектор такого развития был взят из Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [6]. В нем национальные проекты «Здравоохранение» и «Цифровая экономика» еще разведены, однако сложно представить себе успешную реализацию указанных в указе положений и достижение контрольных показателей без соотношения с благосостоянием и качеством жизни граждан, которое напрямую зависит от современного и передового совершенствования системы здравоохранения в рамках цифровизации.

Однако следует заметить, что еще до принятия национальных проектов, в сфере медицины и фармакологии стали происходить значительные изменения, вызванные стремлением внедрения информационных технологий. Принятый федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» [8] в значительной степени дополняет Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [7] и определяет совершенно новые аспекты медицинского законодательства. Так, данный закон вводит и раскрывает понятие «телемедицинские технологии», т.е. такие информационные технологии, которые способствуют коммуникации пациента с медицинской организацией и ее персоналом на расстоянии с использованием передовых технологий (проведение консультаций, дистанционного медицинского осмотра, консилиумов и иных форм взаимодействия в двух системах: врач – врач и врач – пациент). Помимо этого закон предусматривает возможность безбумажного документооборота, в том числе и внедрение электронных рецептов, которые будут направляться непосредственно в аптеки. Самые значимые и ощутимые для организаций, осуществляющих медицинские услуги, положения предполагают собой создание Единой государственной информационной системы в здравоохранении (ЕГИСЗ). С ее помощью стала происходить передача, хранение, систематизация самых разнообразных сведений: от информации о медицинских организациях и их работниках и до данных об оказании медицинской помощи [8].

Правовой статус ЕГИСЗ полным образом раскрывается при анализе Постановления Правительства РФ № 140 от 09.02.2022 «О Единой государственной информа-

ционной системе в сфере здравоохранения» [4], которое имеет значительные отличия от его предшественника – Постановления Правительства РФ № 555 от 05.05.2018 [3]. Помимо закрепления основных задач, функций, порядка доступа, сроков предоставления сведений и обмена данными, выделяется наличием федерального реестра медицинских документов о смерти и рождении гражданина, федерального реестра медицинских освидетельствований на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием. Так же к важным нововведениям можно отнести такие, как введение сведений об обращении лекарственных препаратов и значительное расширение информации, размещаемой и предоставляемой пользователям ЕГИСЗ. Ко всему прочему включается новый пользователь системы – образовательные организации.

Несмотря на то, что мы наблюдаем активную и качественную работу законодателя в сфере цифровизации здравоохранения, следует принять наличие проблемных аспектов, зачастую встречающихся при реализации всех указанных выше нормативно-правовых актов.

Во-первых, безбумажный документооборот должен был снизить нагрузку на врачей, однако, как показывает практика, существует постоянная необходимость дублирования информации на бумажные носители (статистические талоны, осмотры, ко всему прочему все еще существует необходимость заполнения бумажных амбулаторных карт).

Во-вторых, тенденции изменения положений о ЕГИСЗ свидетельствуют об увеличении информации, доступной для пользователей. М.С. Журавлева в своей научной работе на тему «Защита персональных данных в телемедицине» пишет, что развитие телемедицинских технологий обязательно должно сопровождаться комплексным правовым обеспечением. При этом не стоит недооценивать важность правовых аспектов защиты персональных данных в телемедицине. От выработанных подходов к защите персональных данных напрямую зависит доверие общества к телемедицине и готовность бизнеса к предложению инновационных решений в здравоохранении [1]. Автор считает необходимым внедрение новых и совершенствование уже действующих механизмов защиты конфиденциальных данных пациентов с опорой не только на российское законодательство, но так же и на зарубежную практику.

В-третьих, большой проблемой в современных реалиях остается низкая цифровая грамотность сотрудников медицинских учреждений, в связи с отсутствием опыта работы в постоянно меняющихся информационных системах, большом количестве предъявляемых требований, отсутствием систематизированного и постоянного обучения на цифровых платформах или в рамках повышения квалификации, низкая заинтересованность работодателей в разрешении вопроса. В рамках ликвидации проблемы одним из возможных путей решения представляется введение отдельных курсов по информационной грамотности работников организаций.

В-четвертых, информационная система ЕГИСЗ предполагает собой масштабную платформу с огромным количеством активных пользователей, ежедневно выполняющих в системе колоссальный объем работы, которая дает сильную нагрузку на плат-

форму. Поэтому нередко происходят сбои, программа работает медленно. От повышения качества цифровых продуктов напрямую зависит работа всех организаций, осуществляющих медицинскую деятельность.

Подводя итог, хочется отметить, что использование цифровых технологий ознаменовало новую веху развития медицины и всей системы здравоохранения в целом. В связи с приходом цифровизации увеличилась эффективность управления лечебно-диагностической и профилактической работой медицинских организаций, усилилось доверие пациентов к медицине в целом, повысилось качество и доступность медицинской помощи и снизилось количество врачебных ошибок [2]. Однако при дальнейшем развитии следует принимать и учитывать множество факторов, к которым, например, относиться учет специфики реальной работы организаций, технологические возможности государства по обеспечению работы всей системы здравоохранения, стремительное развитие медицинской отрасли права и постоянное ее изменение.

Библиографический список

1. Журавлева, М. С. Защита персональных данных в телемедицине / М. С. Журавлева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 3. – С. 72-84.
2. Панова, Т. В. Информационные технологии в Российской медицине: перспективы и возможности / Т. В. Панова // Экономические науки. – 2017. – №150. – С. 53-56.
3. О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения: Постановление Правительства РФ от 5 мая 2018 г. № 555 (признан утратившим силу с 1 марта 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 20. – Ст. 2849.
4. О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения: Постановление Правительства РФ от 9 февраля 2022 г. № 140 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 8 – Ст. 1152.
5. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 30. – Ст. 4884.
6. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.07.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 20. – Ст. 2817.
7. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.06.2022): федер. закон от 21 ноября 2011 г. №323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 48 – Ст. 6724.
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья: федер. закон от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 31 (ч. I) – Ст. 4791.

Никитин Е.А., магистрант
кафедры уголовного процесса и
криминалистики Оренбургского
государственного университета

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ
ЭКСПЕРТИЗ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ОБ ИЗНАСИЛОВАНИЯХ**

**PROBLEMATIC ASPECTS IN THE PRODUCTION OF FORENSIC
EXAMINATIONS IN CRIMINAL CASES OF RAPE**

***Аннотация.** На сегодняшний день изнасилование является одним из наиболее тяжких преступлений против личности и половой свободы, и в то же время, несмотря на внушительное количество раскрытых и расследованных преступлений данной категории, остаются вопросы, которые вызывают трудности и требуют особого внимания. В статье рассматриваются комплекс судебных экспертиз, проводимых в рамках расследования данной категории преступлений, и проблемы, с которыми может столкнуться правоприменитель для последующей разработки методических рекомендаций.*

***Abstract.** To date, rape is one of the most serious crimes against the person and sexual freedom, and at the same time, despite the impressive number of solved and investigated crimes of this category, there remain issues that cause difficulties and require special attention. The article examines the complex of forensic examinations carried out as part of the investigation of this category of crimes and the problems that a law enforcement officer may face for the subsequent development of methodological recommendations.*

***Ключевые слова:** судебная экспертиза, изнасилование, потерпевшая, обвиняемый, заключение эксперта.*

***Keywords:** forensic examination, rape, victim, accused, expert opinion.*

На сегодняшний день в Российской Федерации, несмотря на тенденцию к снижению совершения тяжких и особо тяжких преступлений против личности, в общем количестве на 5,1 % по итогам 2020 года аналогичного периода прошлого года, вместе с тем число зарегистрированных изнасилований и покушений на изнасилование увеличилось, что на фоне общего снижения преступности свидетельствует о росте удельного количества преступлений против половой свободы и неприкосновенности. Все это однозначно указывает на распространенность и недостаточную изученность данной категории преступления и как следствие наличие проблем в правоприменительной деятельности [4, с. 21], [5, с. 26].

Каждое преступление индивидуально и сбор доказательств зависит от конкретных обстоятельств его совершения, вместе с тем есть перечень следственных и про-

цессуальных действий, обязательных для органа предварительного следствия, среди которых особое значение имеет производство судебной экспертизы.

Особую роль экспертиза занимает, потому что доказательственную базу большинства уголовных дел о совершении изнасилования составляют заключения экспертов и показания потерпевшей и свидетелей.

В первую очередь следует разобраться, что же такое изнасилование. По мнению законодателя, изнасилование – это половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам, либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей [1, с. 116].

Что касается способов совершения изнасилований, то законодатель изначально выделил их, а именно – применение насилия и использование беспомощного состояния потерпевшей. Оба эти способа на практике определяются при помощи судебных экспертиз.

Согласно ст. 196 УПК РФ, назначение и производство судебной экспертизы обязательно, если необходимо установить среди прочего характер и степень вреда, причиненного здоровью, психическое состояние подозреваемого, обвиняемого в совершении в возрасте старше восемнадцати лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройств сексуального предпочтения (педофилии), психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания [2, с. 161].

Одним из самых распространенных способов совершения изнасилования является применение насилия в отношении потерпевшей, и, само собой, на лице и теле потерпевшей остаются соответствующие следы – телесные повреждения. Они могут быть разнообразными, синяки, ссадины, кровоподтеки, раны и даже странгуляционные борозды, которые оставляет обвиняемый на теле жертвы, преодолевая ее волю к сопротивлению.

Вместе с тем мало кому известно, что помимо указанных следов практически в каждом случае остаются следы на половых органах потерпевшей, так как, применив к жертве насилие, преступник преодолевает внешнюю форму ее сопротивления, однако желания потерпевшей вступить с ним в половую связь он не получает и в процессе самого полового акта у потерпевшей на самих половых органах и в области их расположения остаются характерные следы.

В случае, если у потерпевшей не имеется видимых телесных повреждений, следователь может принять решение о нецелесообразности направления ее на судебно-медицинскую экспертизу, или в постановлении о назначении экспертизы не поставить вопрос о наличии у нее характерных для изнасилования телесных повреждений, что может в дальнейшем привести к утрате прямых и, что немаловажно, неопровержимых доказательств.

Таким образом, перед судебно-медицинским экспертом ставятся следующие

вопросы:

- имеются ли у потерпевшей телесные повреждения? Каков механизм и срок их образования? Какова степень тяжести причиненного вреда здоровью этих телесных повреждений?

- имеются ли телесные повреждения в области половых органов?

- цела ли девственная плева? Если нет, то какова возможная давность ее повреждения?

- поручить эксперту получить смывы с содержимым влагалища.

Также зачастую следователи, уделяя особое внимание судебно-медицинской экспертизе потерпевшей, совсем забывают об обвиняемом, на теле и половых органах которого также остаются следы. В данном случае следует ставить подобные вопросы и поручать эксперту получить мазки-отпечатки с полового члена.

Две эти судебно-медицинские экспертизы должны быть обязательно проведены при расследовании каждого уголовного дела об изнасиловании.

Если с вопросами все понятно, то возникает вопрос о том, каким образом и руководствуясь чем судебно-медицинский эксперт будет получать образцы для сравнительного исследования. Ответ на данный вопрос кроется в ч. 4 ст. 202 УПК РФ, согласно которой, если получение образцов для сравнительного исследования является частью судебной экспертизы, то оно производится экспертом. В этом случае сведения о производстве указанного действия эксперт отражает в своем заключении [2, с. 166].

Может возникнуть вопрос, для чего же вообще необходимы данные образцы, ответ на который находится на поверхности. Данные образцы для сравнительного исследования являются биологическими и могут содержать в себе сперматозоиды, кожный эпителий, кровь, пот, слюну и т.д., то есть могут содержать генетическую информацию лица, совершившего преступление или лица, в отношении которого оно совершено.

По данным объектам, а также иным, изъятым в ходе предварительного следствия предметам биологического происхождения, проводятся судебная биологическая или генетическая экспертиза. Сразу стоит обратить внимание, что для их производства эксперту нужны образцы буккального эпителия (слюны) и крови потерпевшей, обвиняемого и иных лиц, которыми могли быть оставлены биологические следы.

При выборе вида экспертизы следует понимать, что заключение биологической экспертизы будет вероятностным и происхождение тех или иных следов будет не исключено, а генетическая экспертиза дает конкретный ответ с указанием конкретного лица. Также распространена ситуация при которой у нескольких участников одна группа крови или генотип одинаковые, в данном случае биологическая экспертиза окажется бесполезной, поскольку разграничить происхождение объектов экспертизы попросту не смогут. Вместе с тем, при всех неоспоримых плюсах генетической экспертизы, у нее есть один большой минус, а именно длительный срок ее производства, вплоть до нескольких месяцев.

Как уже было отмечено ранее, одним из способов совершения изнасилования

является использование беспомощного состояния потерпевшей. Данный способ отличается тем, что у преступника нет необходимости применять насилие, поскольку потерпевшая в силу возраста, психического развития или иных причин не способна оказывать сопротивление. Законодателем в примечании к ст. 131 УК РФ указано, что лицо, не достигшее двенадцатилетнего возраста, автоматически находится в беспомощном состоянии [1, с. 116]. В иных случаях для определения наличия или отсутствия такового необходимо производство комплексной комиссионной сексолого-психолого-психиатрической судебной экспертизы. Перед комиссией экспертов, в том числе, следует ставить вопросы о том, способна ли потерпевшая в силу своего возраста и психического развития правильно воспринимать обстоятельства дела, совершенные с ней действия и оказывать сопротивление и о том, не имеет ли потерпевшая склонности к фантазированию.

Производство аналогичной судебной экспертизы в отношении обвиняемого не имеет никакого доказательственного значения и необходимо для назначения ему наказания, поэтому особое внимание им в данной работе уделять нет смысла.

Помимо рассмотренных экспертиз могут проводиться и иные, в зависимости от фактических обстоятельств, может быть обвиняемым были оставлены отпечатки пальцев или обуви и т.д., но они, как правило, не вызывают никаких проблем, поскольку являются более распространенными и при их производстве не возникает такое количество «подводных камней».

Подробное исследование вопроса производства судебных экспертиз представляет значительный не только теоретический, но и практический интерес. Как было отмечено, в данной категории преступлений зачастую основным доказательством выступает именно заключение эксперта, и вопрос необходимости производства тех или иных видов судебных экспертиз стоит очень остро. В практическом отношении изучение данного вопроса даст возможность обеспечить работников правоохранительных органов рекомендациями и указаниями для эффективного использования их при раскрытии и расследовании изнасилований.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: офиц. текст: по состоянию на 24 сентября 2022 г. // Российская газета. – 2022. – № 77.
2. Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации: офиц. текст: по состоянию на 07 октября 2022 г. // Российская газета.– 2022. – № 92.
3. Еремин, А. С. Первоначальный этап расследования изнасилования, сопряженного с причинением вреда здоровью / А. С. Еремин. – Краснодар, 2011.
4. МВД, Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2020 года. – Москва, 2020.
5. МВД, Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-июль 2021 года. – Москва, 2021.
6. Скорченко, П. Т. Расследование изнасилований / П. Т. Скорченко. – Москва, 2004.

**Новикова Е.Н., обучающийся направления
подготовки «Государственное и
муниципальное управление»
Оренбургского филиала РАНХиГС**

Научный руководитель

Морозов А.И., доцент кафедры юриспруденции и гуманитарных дисциплин
Оренбургского филиала РАНХиГС, канд. юрид. наук, доцент

**О ВЛИЯНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗВИТИЕ РЕБЕНКА
И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕГО МЕСТА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**ON THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON CHILD DEVELOPMENT
AND DETERMINATION OF ITS PLACE IN MODERN SOCIETY**

***Аннотация.** Цифровые технологии – неотъемлемая часть жизни детей в XXI веке, они изменили жизнь детей, создав новые возможности и риски для их благополучия и реализации прав. Дети проводят больше времени в цифровой среде, чем когда-либо прежде, и в более раннем возрасте. Успешная государственная политика должна уравновешивать потенциальные возможности с рисками, обеспечивая при этом, чтобы все дети обладали знаниями и навыками, необходимыми для полной навигации и участия в цифровых сферах. В этой научной работе представлен обзор некоторых последних тенденций в доступе к цифровым технологиям и их использовании детьми, а также освещены некоторые политические проблемы, с которыми сталкиваются системы образования.*

***Abstract.** Digital technology is an integral part of children's lives in the 21st century and has changed children's lives, creating new opportunities and risks to their well-being and rights. Children are spending more time in digital environments than ever before, and at an earlier age. Successful public policy must balance potential opportunities with risks, while ensuring that all children have the knowledge and skills needed to fully navigate and participate in digital realms. This research paper provides an overview of some recent trends in children's access to and use of digital technologies and highlights some of the policy challenges facing education systems.*

***Ключевые слова:** цифровизация, навыки, кибербезопасность, сетевое поколение, цифровая этика детства.*

***Keywords:** digitalization, skills, cybersecurity, online generation, digital ethics of childhood.*

Считается, что дети современного поколения коренным образом отличаются от малышей предыдущего столетия. Главной причиной этого умозаключения является, конечно, неотложное присутствие сети Интернет в человеческой жизни.

Ранее молодежь традиционно перенимала опыт старших поколений, годами училась и усваивала новую информацию. Сегодня же дети и молодые люди могут не только самостоятельно поглощать пласты новизны из разных жизненных сфер, но и даже помогать своим родителям, учителям в освоении и использовании информационных технологий. Это поколение называют по-разному: цифровые аборигены, поколение Google, сетевое поколение, Homo Zappiens, iПоколение, поколение приложений, поколение Z и так далее.

Бытует мнение, что дети, родившиеся в цифровую эпоху, владеют информационными технологиями лучше взрослых лишь потому, что это им было дано от рождения, и они просто не знают другого образа жизни.

Вместе с тем проведенные в Австрии, Австралии, Канаде, Швейцарии, США и Нидерландах научные исследования (например, Kvavik, 2005; Kennedyetal., 2007; Bullen, Morgan, Belfer&Qayyum, 2008; Ebner, Schiefner &Nagler, 2008; Paul A.Kirschner, Pedro De Bruyckere, 2016) подвергают сомнению существование так называемых цифровых аборигенов.

В 2001 году Марк Пренски, писатель, футуролог и специалист по образованию, рассуждая о сложностях современного образования, предложил разделить обитателей цифрового мира на два типа — «аборигенов» и «иммигрантов» [2, с. 557].

К цифровым аборигенам Пренски отнес поколение, которое росло вместе с новыми технологиями. Всю свою жизнь они живут в окружении цифровой техники. Язык компьютеров и новых технологий для них родной. В их сознании жизнь реальная и жизнь в Сети неразрывно связаны. В свою очередь, цифровые «иммигранты» — это люди, которые родились раньше и начали открывать для себя Интернет уже во взрослом возрасте. Они постоянно учатся адаптироваться к этой среде, но при этом сохраняют свой акцент, как и все иммигранты. Пренски уделяет особое внимание ситуации, когда в сегодняшних вузах преподаватели (цифровые иммигранты) учат студентов (цифровых аборигенов) высоким технологиям. Разные типы мышления приводят к разным правилам общения и поведения, которые необходимо учитывать для экологичного сосуществования в пространстве.

Так, например, иммигранты звонят, чтобы удостовериться, что электронное письмо дошло. Для них это ответственное отношение к делу: так они подстраховались. Для аборигенов звонок вдогонку письму – чрезмерная назойливость. Аборигены не сомневаются в надежности электронной коммуникации.

Еще одним важным примером является и то, что для аборигенов нормально находиться на связи 24/7. Они почти всегда онлайн. А потому на электронные сообщения отвечают быстрее и раздражаются, если ответов на их письма приходится ждать слишком долго. Иммигранты же не торопятся отвечать на сообщение сразу же. Они помнят то время, когда письма писали от руки, а почта доставляла их неделю. Поэтому небольшая задержка в ответе на электронное сообщение для них норма.

В опубликованном отчете EU Kids Online (2011), посвященном европейским школьникам, термин «цифровой абориген» занял первое место в списке десяти круп-

нейших мифов о молодежи и технологиях. Утверждение о том, что дети знают больше, чем их родители, преувеличено. Так, только один из пяти школьников использует цифровые технологии для создания новых интернет-ресурсов, в то время как большинство используют Интернет только для потребления готового контента [3, с. 47].

Сегодня использование современных технологий, таких как ядерно-магнитный резонанс и магнитно-энцефалографическое сканирование, позволяет ученым изучать человеческий мозг в реальном режиме времени. Установлено, что при рождении мозг ребенка и анатомически, и функционально является незрелым. Но растущий детский мозг невероятно пластичен. Это обусловлено тем, что рост мозга сопровождается масштабными перестройками межнейронных связей, что тесно связано с обучением. Поэтому цифровые навыки не даются при рождении даже в цифровой среде и генетически не передаются по наследству. К тому же, было бы наивным полагать, что ребенок сам освоит цифровую грамотность, если родители не будут прилагать к этому никаких усилий.

В 2017 году на одной из конференций TEDx было предложено использовать новую классификацию развития детей в зависимости от степени участия их родителей в процессе освоения ими технологий цифрового мира [5, с. 336] .

Цифровые сироты воспитывались родителями, которые предоставили им почти неограниченный доступ к цифровым технологиям, но никак не сопровождали своих детей на этом пути. Такие дети, как правило, чувствуют себя в Сети как дома, предпочитают виртуальное общение, а у большинства из них вовсе отсутствуют навыки реального межличностного взаимодействия.

Цифровые изгнанники – практически не используют цифровые технологии. Некоторые родители хотят, чтобы их дети как можно позже вошли в цифровой мир, и откладывают это вступление до тех пор, пока подростки не достигнут определенного возраста, при котором советы родителей отходят на второй план, а в силу вступает переходный возраст вместе со всеми вытекающими последствиями. Из-за отсутствия опыта многие из детей первыми подвергаются рискам и попадают в различные неприятности в цифровом мире, связанные, например, с мошенничеством или дискриминацией.

Другие цифровые изгнанники, следуя примеру своих родителей, могут стать неолуддитами. Подразумевает критику влияния научно-технического прогресса (особенно в области компьютерных технологий) на человека и общество [4, с. 155]. Неолуддиты сопротивляются современным технологиям и призывают к возвращению некоторых или всех технологий на более примитивный уровень.

Цифровые наследники обладают глубокими техническими навыками, в основном благодаря своим родителям и учителям. Взрослые наставники поощряли и направляли их в цифровом образовании. Уже в школе эти ребята знают, как создавать сайты, работать с видео, умеют программировать. В будущем они смогут не просто настраивать, а улучшать и создавать новые цифровые инструменты для реального мира.

Таким образом, несмотря на свою опасность, современные технологии – один из важнейших ключей к полноценной успешной жизни на пути каждого начинающего пользователя вне зависимости от его возраста. Благодаря цифровому развитию можно не только расширять кругозор и общаться с интересными людьми по всему миру, но и получать огромное количество бесплатной полезной информации, проходить курсы повышения квалификации, осваивать новые профессии, вносить вклад в научное развитие и, конечно же, помогать ребенку в его социализации.

В целях обеспечения безопасности цифровых наследников 29 ноября 2021 года основатели Альянса по защите детей в цифровой среде подписали хартию «Цифровая этика детства». Сам Альянс был создан в сентябре 2021 года по инициативе девяти крупнейших российских IT-компаний и медиахолдингов.

Представители бизнеса в присутствии Президента России В.В. Путина добровольно взяли на себя повышенные обязательства по защите детей в сети. В основе «цифровой этики детства» лежит пять принципов: уважение ребенка как личности; совместная ответственность за обеспечение безопасности детей в цифровой среде; обеспечение комплексной защиты персональных данных детей и сохранение личной и семейной тайны; инклюзивный подход; сохранение ценностных ориентиров в онлайн-пространстве [1].

В связи с вышеизложенным, полагаем необходимым разработать Дорожную карту цифровизации молодежи, которая бы включала в себя правовые базы, методические и психолого-педагогические рекомендации для молодежи и старшего поколения. Только соблюдая комплекс правил по общению с ребенком можно сохранить дружеские отношения и оградить ребенка от возможной опасности.

Библиографический список

1. Цифровая этика детства»: объединяющая повестка и ценностный подход [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/comments/2021/12/02_a_14271187.shtml?updated
2. Caroline Flisher. Getting plugged in: An overview of Internet addiction // Journal of Pediatrics and Child Health. – Volume 46, Issue10, October 2010. – P. 557-559.
3. Livingstone, S., Haddon, L., Georzig, A., & Olafsson, K., EU Kids Online. Final Report // London School of Economics & Political Science, 2011. – P. 42.
4. Brosnan, M.J. (1998). Technophobia: the psychological impact of Information Technology. pg 155. – London: Routledge.
5. Воронина, И. А. Цифровой портрет молодого человека в сети интернет: социально-правовой аспект / И. А. Воронина, А. В. Кирпичникова // Образование и право. – 2022. – № 3. – С. 335-337.

Петрищев И.Ю., магистрант кафедры
уголовного права Оренбургского
государственного университета

**ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ МИГРАНТОВ**

**VICTIMOLOGICAL PREVENTION OF CRIMES COMMITTED
AGAINST MIGRANTS**

***Аннотация.** В статье определяется важность разработки криминалистической характеристики преступлений против иностранных граждан, рассматриваются основные элементы криминалистической характеристики, отмечается важность учета статуса иностранного гражданина. Делается вывод о необходимости создания единой криминалистической характеристики преступлений, связанных с иностранными гражданами.*

***Abstract.** The article defines the importance of developing the criminalistic characteristics of crimes against foreign citizens, examines the main elements of the criminalistic characteristics, and notes the importance of taking into account the status of a foreign citizen. It is concluded that it is necessary to create a unified criminalistic characterization of crimes related to foreign citizens.*

***Ключевые слова:** криминалистическая характеристика, иностранный гражданин, потерпевший, личность преступника, способ совершения преступления.*

***Keywords:** criminalistic characteristics, foreign citizen, victim, identity of the criminal, method of committing the crime.*

Современная миграционная ситуация в России сформирована в результате изменений в различных сферах жизни, происшедших на постсоветском пространстве в конце XX века. Миграционные процессы приобрели глобальные масштабы, охватив все социальные слои и группы, став чрезвычайно важным фактором развития общества. С одной стороны, мигранты являются группой лиц, совершающей преступления, а с другой стороны – они подвергаются различным преступным посягательствам. На ситуацию, связанную с виктимностью мигрантов, значительное влияние оказывает негативное отношение к ним со стороны местных жителей, языковые барьеры и много других сопутствующих проблем.

По сведениям МВД России, за период с 2010 г. по 2020 г. на 22,2% выросло число преступлений, совершенных в отношении мигрантов, на 29,7% уменьшилось число преступлений, совершенных самими мигрантами.

Анализ миграционной ситуации за 2020 г. показал, что более 60% мигрантов въезжают в г. Москву, Московскую область, в г. Санкт-Петербург и Ленинградскую область, Иркутскую область, в Краснодарский и Приморский края, то есть экономически развитые районы, где рабочие места привлекательны как для мигрантов, так и для местного населения. Вместе с тем социологические опросы свидетельствуют о росте недовольства граждан России фактом нахождения на территории страны трудовых мигрантов, вызванном предположением, что они создают конкуренцию за рабочие места в период экономических спадов. Результаты опроса общественного мнения, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2018 г. показали, что за ограничение числа приезжающих в Россию мигрантов высказалось 51% опрошенных. Аналогичный опрос в 2019 г. проводила автономная некоммерческая организация Аналитический центр Юрия Левады (АНО Левада-Центр) и, согласно их данным, за ограничение числа мигрантов в России высказалось 64% респондентов. Несмотря на неоднозначное отношение к мигрантам в обществе, руководство Российской Федерации проводит политику, направленную на сближение со странами бывшего СССР, и ряд принимаемых решений создает благоприятные условия для выбора бывшими соотечественниками нашей страны в качестве постоянного места жительства или работы [1].

Целью государственной миграционной политики Российской Федерации является не только увеличение численности населения страны, но и обеспечение рынка труда высококвалифицированной рабочей силой, что требует создания условий и механизмов для привлечения востребованных специалистов.

Так, Президент Российской Федерации поставил перед Правительством страны стратегическую задачу по увеличению числа иностранных граждан, обучающихся в российских вузах, а также трудоустройству лучших из них в Российской Федерации. Обеспечение виктимологической безопасности является необходимым условием стабильного проживания мигрантов в России, что крайне важно, учитывая предубеждение существенной части населения. Вместе с тем криминологическая наука уделяет значительное внимание исследованию причин совершения преступлений мигрантами, оставляя за пределами научных интересов причины совершения преступлений в отношении их.

Большинство преступлений против иностранных граждан совершается в местах их максимального скопления – на вокзалах, в аэропортах, в гостиницах, общежитиях. Также можно отметить такие места, как съемные квартиры, места работы, продовольственные и вещевые рынки.

Такое отношение сформировано ввиду сложившегося мнения о меньшей защищенности иностранных граждан. Многие иностранцы не в полной мере или совсем не владеют русским языком, что затрудняет их обращение в правоохранительные органы. Кроме того, учитывая длительность процесса расследования, иностранные граждане, покидающие территорию Российской Федерации, могут не обращаться в правоохранительные органы ввиду отсутствия времени.

В связи с этим первоочередной задачей совершенствования процесса расследования преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан, является беспрепятственное обеспечение их переводчиком, а также быстрое проведение всех необходимых следственных действий [3, с. 47].

Учитывая краткосрочность пребывания большинства иностранцев в населенных пунктах, где производится расследование, их обязанность соблюдать правила передвижения по территории страны пребывания вынуждает следователя в кратчайшие сроки выполнять все следственные действия с участием таких граждан. В связи с этим необходимо рассматривать деятельность по расследованию данной категории преступлений как одно из приоритетных направлений работы органов предварительного следствия.

Вопросы разработки криминалистической характеристики преступлений, совершенных с участием иностранных граждан как на стороне потерпевшего, так и на стороне подозреваемого и обвиняемого, длительное время находятся в центре внимания российских специалистов, что вызвано особой сложностью предмета. Уголовный процесс с участием иностранных граждан неизбежно актуализирует проблему поиска точек соприкосновения российского и международного права. При разработке криминалистических методик, помимо учета законодательных положений, необходим также учет теоретических положений и практических рекомендаций по расследованию преступлений с участием иностранных граждан или в отношении иностранных граждан.

Практика выделения криминалистической характеристики преступлений, совершенных иностранными гражданами, криминалистической характеристики преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан, различных методик расследования данных преступлений имеет давние исторические корни. Данными вопросами в разное время занимались такие ученые, как Б.И. Дергай, А.Г. Крамарев, В.П. Лавров, Л.Я. Драпкин, С.В. Швец, Е.А. Острога, О.Ю. Шадрин, Н.А. Жукова, С.А. Хмелев и др. Однако, как справедливо пишет О.А. Александрова, иностранный гражданин в российском уголовном процессе независимо от процессуальной роли пользуется особым статусом не только в уголовно-процессуальном значении, но и в международно-правовом, и в криминалистическом [4, с. 56]. В связи с этим вместо использования терминов «преступления, совершенные иностранными гражданами», и «преступления, совершенные против иностранных граждан», представляется более обоснованным использовать термин «преступления, связанные с иностранными гражданами».

Выделение в качестве самостоятельного отдельного вида криминалистической характеристики преступлений, связанных с иностранными гражданами, позволит на первоначальном этапе расследования сформировать необходимый объем информации по делу с целью его успешного расследования и привлечения виновных лиц к предусмотренной законом ответственности.

Таким образом, криминалистическая характеристика преступлений, совершенных против иностранных граждан, играет решающее значение для расследования

данных уголовных дел, для обеспечения прав иностранных граждан и укрепления законности в стране. Представляя собой модель данного вида преступности, криминалистическая характеристика раскрывает все основные элементы преступлений против иностранных граждан.

Библиографический список

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/>
2. Галенская, Л. Н. Правовое положение иностранцев в СССР / Л. Н. Галенская. – М., 1982. – 160 с.
3. Криминалистика: Техника, тактика, организация и методика расследования преступлений: учебник / под ред. А. А. Кузнецова, А. Г. Филиппова. – Т. 2. – Омск: Изд-во Ом. ВШМ МВД РФ, 1993. – 558 с.
4. Особенности расследования отдельных категорий уголовных дел и уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц / под ред. И. Г. Смирновой. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 333 с.

Радошнова Н.А., студент Оренбургского
института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ТАЙНУ ПЕРЕПИСКИ
В ЦИФРОВОМ МИРЕ**

**PROBLEMS OF REALIZING THE RIGHT TO SECRET
CORRESPONDENCE IN THE DIGITAL WORLD**

***Аннотация.** В представленной статье исследовано конституционное право человека на тайну переписки в цифровую эпоху, проблемы его реализации в интернет-пространстве и способы их преодоления. Рассматриваются применяемые меры ответственности, а также предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере.*

***Abstract.** In the presented article, the constitutional right of a person to the secrecy of correspondence in the digital age, the problems of its implementation in the Internet space and ways to overcome them are investigated. The applied measures of responsibility are considered, as well as proposals for improving legislation in this area.*

***Ключевые слова:** конституционное право, право на тайну переписки, цифровизация, права человека, социальные сети и мессенджеры.*

***Keywords:** constitutional law, the right to privacy of correspondence, digitalization, human rights, social networks and instant messengers.*

Жизнь в современном обществе невозможно представить без цифровых технологий, которые окружают нас во всех сферах деятельности. Безусловно, они облегчают нашу жизнь, позволяя связываться с другими людьми и получать необходимую нам информацию за доли секунды. Но всегда ли интернет-пространство является надежным способом коммуникации между людьми?

Впервые право на тайну переписки было провозглашено во Всеобщей декларации прав человека в 1948 году [1]. Затем данное право нашло свое отражение в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года [2] и в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года [3]. Конечно, на момент принятия указанных правовых актов процесс цифровизации еще не был запущен, поэтому данные документы защищают права человека на тайну его переписки на бумажных носителях.

Конституция Российской Федерации 1993 года [4] в ч. 2 ст. 23 гарантирует каждому право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и

иных сообщений. В Основном законе нашего государства электронные переписки также не закреплены в качестве отдельного вида, однако происходящие изменения в сфере цифровых технологий приводят к замене бумажных переписок на электронные, а, следовательно, и к необходимости защищать их.

В настоящее время люди переходят с телефонных разговоров на общение посредством сообщений в социальных сетях и мессенджерах, что позволяет им мгновенно обмениваться файлами, текстовыми, аудио- и видео- сообщениями, поэтому вопрос защиты интернет-переписки является крайне актуальным, ведь применение даже современных способов связи недостаточно надежно, поскольку правовое регулирование значительно отстает от сложных технологий [5].

Право пользователей на тайну отправляемых ими сообщений считается нарушенным, когда доступ к переписке получен третьими лицами без согласия на то отправителя. Такого рода правонарушения происходят достаточно часто, к тому же лица, совершающие их, порой даже и не задумываются о неправомерности своих действий. Причем, распространение тайны, содержащейся в сообщениях, может происходить не только в виртуальном пространстве, но и в реальной жизни. Помимо самого текста сообщений, объектом права на тайну переписки является и сам факт переписки между определенными лицами [6, с. 137].

Право лица на тайну переписки может нарушаться путем намеренного прочтения его сообщений третьими лицами, которые либо имеют доступ к его устройствам, либо доступ к его учетным записям в социальных сетях. В обоих случаях проблема заключается в воспитании и правосознании правонарушителей. И если в первом случае обезопасить себя можно установлением пароля на своих гаджетах, то со вторым дела обстоят чуть труднее. Незаконный вход в чужую учетную запись – достаточно частое явление, причиной которого является низкий уровень безопасности при входе в аккаунт. Многие социальные сети и мессенджеры в целях решения данной проблемы вводят двухфакторную аутентификацию, но не многие из пользователей ее принимают.

Также распространение сведений, содержащихся в сообщениях, могут осуществлять и их получатели. Практически на всех интернет-платформах, предназначенных для общения, имеется возможность пересылать сообщения другим пользователям. Но как часто, пользуясь такой возможностью, мы перед этим получаем согласие отправителя? В большинстве случаев люди, совершая данные действия, даже не задумываются о том, что в этот момент они нарушают права другого человека, а тем самым нарушают и закон. К подобным действиям можно отнести и скриншоты переписок, которые также делаются без согласия лица, отправившего сообщение.

Что касается мер ответственности за правонарушения в данной сфере, то в российском законодательстве предусмотрена уголовная ответственность за нарушение прав граждан на тайну переписки, но и здесь имеются некоторые недостатки. Уголовный кодекс Российской Федерации [7] закрепляет в качестве преступления «нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных

сообщений граждан», однако в данной норме отсутствует конкретизация действий, которые можно расценивать как нарушение. В связи с отсутствием точного перечня правонарушений пользователи социальных сетей и мессенджеров не всегда могут оценить свои действия как нарушения прав другого лица.

Таким образом, применение современных технологий не всегда обеспечивает защиту передаваемой между пользователями информации, несмотря на кажущуюся надежность за счет пароля для входа в учетную запись. Цифровые технологии позволяют не только мгновенно обмениваться сообщениями с различными пользователями, но и незаконно читать и распространять эти сообщения. Для предотвращения таких ситуаций и обеспечения права на тайну переписки необходимы меры государственного воздействия на лиц, нарушающих такие права. Для совершенствования правового регулирования ответственности в данной сфере, необходимо внести некоторые изменения в действующее законодательство, а именно указать точный перечень действий, влекущих нарушение прав граждан на тайну переписки. А поскольку цифровое пространство постоянно развивается, то во введенный перечень необходимо также регулярно вносить изменения. Не стоит забывать, что задача государства – признавать и защищать цифровые права граждан от всевозможных нарушений, обеспечивая при этом конституционно-правовую безопасность личности, общества и государства [8, с. 94].

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. – 1995. – № 67.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – № 237.
5. Нарутто, С. В. Тайна связи / С. В. Нарутто. – М.: ИБ «Юридическая пресса», 2020.
6. Петрухин, И. Л. Личная жизнь: пределы вмешательства / И. Л. Петрухин. – М.: Юрид. лит., 1989. – С. 192.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) // Российская газета. – 1996. – № 113-115.
8. Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85 - 102.

Романюк А.В., студент Оренбургского
института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ

LEGISLATIVE REGULATION OF THE PROTECTION OF INFORMATION RIGHTS OF CITIZENS IN DIFFERENT COUNTRIES

Аннотация. В данной статье проанализированы законодательства различных стран в сфере защиты цифровых прав граждан. Выявлена различная степень защищенности человека в виртуальной реальности в различных уголках мира, в связи с чем необходимым признается унификация и усиление защиты пользователей сети Интернет от киберпреступлений.

Abstract. This article analyzes the legislation of various countries in the field of protection of digital rights of citizens. The different degree of protection of a person in virtual reality in different parts of the world has been revealed, in connection with which it is necessary to unify and strengthen the protection of Internet users from cybercrime.

Ключевые слова: информационные права, киберпреступность, законодательство, сравнительно-правовой анализ, информационно-телекоммуникационная сеть Интернет.

Keywords: information rights, cybercrime, legislation, comparative legal analysis, information and telecommunication network Internet.

В жизнь каждого из нас прочно вошло такое достояние информационной революции, как информационно-телекоммуникационная сеть Интернет. Мы пользуемся ею каждый день, чтобы посмотреть новости, узнать что-то новое, получить ответы на всевозможные вопросы, пообщаться с близкими. Однако немногие из нас задумываются о той опасности, с которой любой пользователь киберпространства может столкнуться на просторах «мировой паутины». Дело в том, что, находясь в цифровой реальности, человек может быть подвержен угрозам различного характера, оскорблениям, вымогательству, унижению чести и достоинства, кибербуллингу и многому другому. В этой связи интересным представляется рассмотреть, каким образом современные государства защищают права и законные интересы своих граждан в киберпространстве.

Сравнительно-правовой анализ степени защищенности населения от различных посягательств в информационной среде стоит начать с изучения законодательной

базы России. Дело в том, что Россия, будучи могущественной державой, но все еще отнесенной лишь к категории развивающихся стран, являющейся в части территориально отнесенной к Европе, но имеющей более восточные традиции и аспекты мировосприятия, является уникальным примером сочетания высокого уровня развития информационного пространства и немалого количества пробелов в нормативной базе, регламентирующей данную сферу общественных отношений.

Основным законодательным актом Российской Федерации, регулирующим общественные отношения в информационной среде, является Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 [2], который гарантирует свободу получения, производства и передачи информации, открытость информации о деятельности государственного аппарата, достоверность и своевременность предоставления информационного ресурса.

Согласно рассматриваемому федеральному закону, подлежит удалению или ограничению информация, выраженная в неприличной форме, оскорбляющая человеческое достоинство и общественную нравственность, являющаяся недостоверной, распространенной с нарушением авторских и смежных прав, выступающая агитацией к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности.

Таким образом, специальный закон Российской Федерации, определяющий порядок оборота информации в киберпространстве, лишь приводит перечень информации, признанной государством недопустимой, не вводя ответственности как таковой за ее опубликование, сбор, хранение и распространение, а только признавая ее подлежащей удалению. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что *lex specialis* в области защиты субъектов информационного права от неправомерных действий в интернет-пространстве, не в полной мере отвечает реалиям нового времени, требующим признания высокого уровня опасности совершения общественно опасных деяний на просторах сети «Интернет» и введения эффективных мер, противодействующих киберпреступности.

Стоит перейти к зарубежному опыту законодательного закрепления защиты информационных прав граждан.

Так, Закон США о конфиденциальности 1974 г. (Privacy Act of 1974) закрепляет право каждого человека на получение доступа к записям, содержащим сведения о нем, и внесения в них поправок, а также возможность узнать, использовались ли эти сведения в одном из исключительных случаев, предусмотренных данным законом, что позволяет пользователям Интернета в США ощущать себя в безопасности, ведь конфиденциальные, порой личные и интимные, сведения о них находятся под защитой. Стоит отметить, что и россияне имеют похожее право, что определяется положениями Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [1].

Самым интересным для изучения законодательным актом Великобритании в анализируемой нами сфере общественных отношений является закон The Protection of the Children Act, Sexual Offences Act 2003 г., устанавливающий запрет на оборот порнографических материалов с несовершеннолетними.

В некоторой степени похожим образом законодательство Германии разрешает проблему распространения незаконного контента, к которому относятся разжигание ненависти, клевета, оскорбления в адрес религии: Интернет-ресурсам, располагающим аудиторией численностью, превышающей 2 млн. человек, предписывается удалять указанный контент в течение суток.

«Для защиты молодого поколения от вредного контента в Федеративной Республике Германия действуют законы «О распространении материалов, вредных для молодежи» от 1953 г. и «О барьерах в Интернете» от 2009 г.» [3, с. 58]. Данные акты регламентируют специальный «черный список», содержащий сайты, транслирующие порнографию и насилие.

Наличие специальных законодательных актов отражает существование в Германии механизма, работа которого направлена на защиту цифровых прав пользователей Интернет-пространства.

По сравнению с другими странами, в Китае был принят беспрецедентный подход к организации информационной безопасности [4, с. 25]. Дело в том, что в КНР с 2003 г. действует специальный «фильтр» контента «Золотой щит», из-за него китайцы не могут пользоваться зарубежными ресурсами: запрещены Google, BBC, Facebook, Wikipedia, Twitter, YouTube. К тому же, в Китае блокировке подлежат ресурсы, критикующие власть, запрещена анонимность, а сами граждане имеют право пользоваться лишь компьютерами отечественного производства с обязательным наличием программы Green Dam (Зеленая плотина), позволяющей правительству контролировать деятельность своих граждан в сети Интернет.

Более строгим, чем в Китае, законодательством по отношению к сети Интернет является только нормативная база Корейской Народной Демократической Республики, ведь доступ в Интернет здесь практически полностью отсутствует. Граждане Кореи имеют доступ лишь к пропагандистским материалам, им предоставлена возможность выхода в национальную сеть Кванмен, сайты которой на корейском языке и принадлежат различным образовательным учреждениям и промышленным организациям, социальные сети отсутствуют вовсе.

Анализ законодательства в информационной сфере двух азиатских республик – КНР и КНДР – позволяет определить, что для данных государств информационной безопасностью является скорее не состояние защищенности их граждан в виртуальной реальности, а отсутствие в государстве какого-либо инакомыслия, защищающего правительство страны от недовольства населения.

В рамках сравнительно-правового анализа законодательств стран мирового общества нельзя не отметить те нормативные акты, которые приняты ими коллегиально с целью защиты информационных прав человека.

Так, в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. № 68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» отмечается, что в рамках современных информационных технологий, у самих государств появляется возможность злоупотребления полномочиями и нарушения важнейших прав человека и

гражданина, в связи с чем государства должны признавать информационные права каждого человека и строго регламентировать возможность их ограничения.

На сегодняшний день важным инструментом защиты информационных прав человека является «Руководство по правам человека для интернет-пользователей» (Рекомендация СМ/Rec(2014)6, принятая комитетом министров Совета Европы 16.04.2014), ведь именно оно запрещает необоснованное вмешательство со стороны государства в информационные права людей.

Рассмотренные акты международно-правового характера иллюстрируют обеспокоенность всего мирового сообщества проблемой незащищенности граждан как пользователей такого новшества современного мира, как информационно-телекоммуникационная сеть Интернет.

Таким образом, мы смогли проследить различный уровень нормативной регламентации законодательствами различных стран современного мира гарантированности и защиты цифровых прав и свобод человека и гражданина, определить существенную степень «недосказанности» в информационных законах членов мирового сообщества, отсутствие в мире единого подхода к определению общественного значения сети Интернет, установить различную степень защищенности человека в виртуальной реальности.

Безусловно, сделаны значительные шаги к признанию, закреплению, гарантированности и защите информационных прав человека и гражданина, необходимыми остаются их детальная регламентация, усиление защиты пользователей сети Интернет от киберпреступлений, достижение единства в понимании и закреплении информационных прав на всем земном шаре, ведь пользуются Интернетом практически все члены мирового сообщества, следовательно, у каждого из нас должны быть равные информационные права.

Библиографический список

1. О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 31. – Ст. 3451.
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 31. – Ст. 3448.
3. Воскресенская, Е. В. Корпоративное право России и Германии: сравнительно-правовое исследование: монография / Е. В. Воскресенская. – Санкт-Петербург: Астерион, 2010. – 120 с.
4. Воскресенская, Е. В. Сравнительно-правовой анализ законодательств зарубежных стран в сфере защиты прав граждан в сети Интернет / Е. В. Воскресенская // Colloquium-journal. – 2019. – № 20 (44).
5. Зорькин, В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума / В. Д. Зорькин // Российская газета (Столичный выпуск). – 29.05.2018. – № 115 (7578).

Рябцева Р.Ю. – магистрант кафедры
гражданского права и процесса
Оренбургского государственного
университета

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В ЦИФРОВОМ МИРЕ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО
ХОЗЯЙСТВА**

**ACTUAL PROBLEMS OF THE REALIZATION OF HUMAN RIGHTS
IN THE DIGITAL WORLD IN THE FIELD OF HOUSING AND
COMMUNAL SERVICES**

***Аннотация.** В статье рассмотрены современные проблемы реализации прав человека в цифровом мире в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Представлено взаимодействие информационных систем государственных и муниципальных органов в данной сфере, выявлены ключевые проблемы, представлены новые способы оптимизации процесса для реализации прав человека в цифровом мире сфере жилищно-коммунального хозяйства и способы их защиты.*

***Abstract.** The article examines the current problems of the realization of human rights in the digital world in the field of housing and communal services. The interaction of information systems of state and municipal bodies in this area is presented, key problems are identified, new ways of optimizing the process for the realization of human rights in the digital world in the field of housing and communal services and ways of their protection are presented.*

***Ключевые слова:** цифровое пространство, цифровизация, информационное взаимодействие, цифровая власть, межведомственное взаимодействие, «цифра», ГИС ЖКХ.*

***Keywords:** digital space, digitalization, information interaction, digital power, interdepartmental interaction, "digit", GIS housing and communal services.*

Правовой основой создания, эксплуатации и модернизации системы являются Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства», Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Жилищный кодекс Российской Федерации, другие федеральные законы, регулирующие указанные в части 1 статьи 1 настоящего Федерального закона отношения, и принимаемые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты Российской Федерации [2].

Внедрение новейших информационных технологий диктует новые реалии для человека и неизбежно влечет видоизменение существующего уклада. Технологии больших данных, искусственного интеллекта, виртуальная среда, информационный обмен данными создают новый экономический строй международного, государственного, муниципального взаимодействия и конкуренции.

В период пандемии процессы автоматизации способствовали резкому ускорению «погружения» человека в цифровую среду. Это сопровождается развитием новых возможностей для государства и бизнеса, в тоже время несет с собой новые, очень серьезные угрозы и риски, как для прав и интересов человека и гражданина, так и для государственного суверенитета, являющегося необходимым условием реализации прав и свобод.

Само собой, современные технологии – это необходимая и стратегически важная вещь, которая способствует выходу государства на новый экономический уровень, а также развитию ее территорий.

Проблемы реализации прав граждан характеризуются тем, что с появлением «цифры» (применение современных IT- решений в различных сферах с целью оптимизации процесса управления и т.п.) коммерческий сектор экономики отличается низкой социальной ответственностью бизнеса, сбора и перепродажи данных, полученных в обход правового поля, усиливающейся дискриминацией пользователей, что противоречит конституционным правам граждан, без прогнозирования возможных социальных рисков и без сценарного моделирования последствий цифровизации для будущего людей.

Отметим, что цифровое, а также научно-технологическое развитие является необходимым условием обеспечения суверенитета страны, конкурентоспособности нашей экономики. Однако все это не может и не должно достигаться путем умаления достоинства граждан, возможности реализации ими всей полноты конституционно-гарантированных прав и свобод.

Сегодня мы не имеем кодекса, который по аналогии с Правилами дорожного движения, Земельным, Воздушным и Морским кодексами регулировал бы отношения и деятельность в цифровом пространстве. Расплывчатость виртуальных границ цифрового пространства и неопределенность в применяемой юрисдикции не должны приводить к ошибочному выводу о невозможности правового регулирования отношений в цифровом пространстве [1].

Цифровая трансформация должна содействовать развитию страны, повышению уровня жизни граждан, созданию комфортных условий для их проживания, раскрытию индивидуальности каждого человека.

Стоит отметить, что цифровая трансформация будет способствовать развитию государства, общества и каждого отдельного человека только при соблюдении прав и свобод человека и гражданина, общественной безопасности, поддержании общественной нравственности и социального порядка, в совокупности всего объема конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Цифровизация, в свою очередь, способствует новому мировому порядку, в котором наблюдается вытеснение конституционного строя и угроза гражданскому обществу.

Важным аспектом в поправках Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» является пункт «м», статьи 71 Конституции РФ, который уделяет особое значение обеспечению безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных. Значимость принятых решений нельзя недооценивать, т.к. цифровизация тесно вошла в нашу повседневную жизнь и проникла во все сферы жизни. В связи с этим неизменно растет потребность в повышении уровня технологических и юридических аспектов защиты данных, а также роли в этом государстве.

Цифровая безопасность граждан является важным направлением охранительной функции государства.

Одним из важных рисков в указанной сфере является неконтролируемый сбор информации о гражданах, которые в условиях цифровизации неизбежно становятся участниками обмена информации.

На сегодняшний день возможно «узнать все» о гражданине, а затем использовать данные о нем для рекламы, продаж, пропаганды, манипуляции и управления. Создается новый, особый вид власти над гражданами. А также – головокружительное ощущение всевластия и всемогущества, как писал Ф. М. Достоевский, – «административный восторг».

Эта цифровая власть особая, новая, она не создается обычными механизмами делегирования власти и полномочий, такими как выборы, назначения «сверху» или законодательство, а возникает «по месту», по самому факту получения доступа к данным, и является «параллельной» веткой власти.

Эту новую, фактическую власть получают чиновники и их ИТ-специалисты, а также менеджмент и ИТ-специалисты крупных частных ИТ-корпораций. Параллельная «цифровая» власть в России и в мире пока фактически никак не регламентирована. Не говоря о практике почти неисполняемого федерального закона в современных реалиях № 152-ФЗ «О персональных данных». Эта власть сейчас проявляет себя как ей угодно, существуя в «серой зоне» или правовом вакууме.

Большинство представителей нового цифрового класса получают в среднем высокие зарплаты, уязвимы к подкупу, причем их число и возможности доступа к данным быстро растут в ходе цифровизации. У представителей нового цифрового сословия (или класса) сейчас имеет место принципиальный разрыв между полученными по факту возможностями применения цифровых технологий и крайне низкой ответственностью за их ненадлежащее или скомпрометированное использование [3].

Рассматривая основные аспекты реализации прав человека в цифровом мире в сфере жилищно-коммунального хозяйства на примере, ГИС ЖКХ – информационный портал, созданный с целью сделать сферу ЖКХ для граждан проще, целостнее, удоб-

нее и прозрачнее. Сегодня в разных регионах России существует множество разрозненных систем и сайтов, которые предлагают разные возможности для взаимодействия с управляющими компаниями, ТСЖ, органами власти. Официальный сайт ГИС ЖКХ dom.gosuslugi.ru создан, чтобы исправить это [5]. В действительности сталкиваемся с тем, что исполнение законов носит формальный характер. При интеграции данных возникает множество ошибок: наличие старых объектов недвижимости, которые были отчуждены ранее, объектов, которые не принадлежали никогда собственнику, включенных в перечень «относящихся» к гражданину, а те, которые должны принадлежать, отсутствуют, что говорит о неполноте и недостоверности предоставляемых данных в пункте 5 части 1 ст. 7.4 ФЗ № 210, тем самым не обеспечивается достоверность и актуальность информации. Так же нарушены права и обязанности в части 6, ст. 7 № 209-ФЗ, неверно указанная площадь объекта, неактуальное количество прописанных граждан в занимаемом помещении, несвоевременное обновление информации, нарушая принципы создания, эксплуатации и модернизации системы (пункт: 1, 4, 5, 8 часть 1, ст. 4 № 209-ФЗ).

Считаем, что в связи с переходом на информационное взаимодействие, ошибки, допущенные работниками государственных структур при переходе на цифру, должны ими же и исправляться. Гражданин не должен нести ответственности за допущенные ошибки. В конечном счете, мы сталкиваемся с тем, что, обнаружив на сайте ошибку, пишем жалобу в инспекцию или в техподдержку и видим отписки, что нужно обращаться в другие инстанции, при этом гражданин тратит свое время, ресурсы, деньги, делая платные запросы в Росреестр для получения выписки из ЕГРН, доказывая, что это не его объект и по итогу вопрос своевременно не решается, а то и вовсе заходит в тупик. Появляется цепь других сопутствующих проблем: гражданин, не разобравшись, может погасить чужую задолженность, ФССП, находясь в межведомственном информационном взаимодействии, может ошибочно списать денежные средства с карт, взыскивая за несуществующий долг (ст. 70 ФЗ № 229); наложить временные ограничения на выезд должника из РФ (ст. 67 ФЗ № 229) – происходит утечка данных (ФЗ № 152). Гражданин без вины становится виновным. На этом месте может оказаться любой, у которого нет электронных средств коммуникаций, нет необходимых знаний и умений, нет здоровья, чтоб пройти все инстанции и собрать необходимые документы, нет денег для получения дополнительных справок.

Игнорируется использование межведомственного информационного взаимодействия, где можно в кратчайшие сроки получить нужный результат п. 1, ст. 7.1 № 210-ФЗ.

В итоге, ответственность перекладывается на гражданина. Из-за ошибки, халатности одного невнимательного специалиста при переходе на цифру, привлекается множество других специалистов, а также страдает гражданин.

Опираясь на вышеописанное, при переходе на цифру, предлагаем обязать структурные подразделения государственных и муниципальных управлений не отписываться, направляя гражданина в различные инстанции, а напрямую делать межведом-

ственный информационный запрос, получая необходимые документы, справки, выписки и т.д., тем самым решая вопрос, исправляя ошибки и предоставляя достоверную в полном объеме информацию п. 2, ч. 1, ст. 5 ФЗ № 210.

В случае отказа служащего сделать межведомственный информационный запрос, выносить ему предупреждение, с последующим дисциплинарным взысканием, в связи с ненадлежащим исполнением своих должностных обязанностей.

Поставив на должный уровень взаимодействие государственных и муниципальных информационных систем, минимизируется количество ошибок в расчетах, утечки информации, актуальности, достоверности, создадутся более комфортные условия для граждан при получении необходимых данных, снизится уровень напряженности в обществе.

Библиографический список

1. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf>

2. О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства: федер. закон от 21.07.2014 № 209-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система / разраб. НПО «Вычисл. математика и информатика». – М. : КонсультантПлюс, 1997-2022. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

3. Проблемы реализации охранительной функции государства в сфере защиты прав человека в цифровом пространстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-ohranitelnoy-funktsii-gosudarstva-v-sfere-zaschity-prav-cheloveka-v-tsifrovom-prostranstve/viewer>

4. Обзор приказа ФСТЭК РФ от 18.02.2013 № 21 «Об утверждении Состав и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sps-ib.ru/analitika:fstek21>

5. Проблемы цифровой трансформации жилищно-коммунального хозяйства муниципального образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-tsifrovoy-transformatsii-zhilishchno-kommunalnogo-hozyaystva-munitsipalnogo-obrazovaniya/viewer>

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

PROBLEMS OF COMBAT TERRORISM IN MODERN RUSSIA

***Аннотация.** Данная статья посвящена исследованию проблемных вопросов противодействия терроризма в Российской Федерации. Автор рассматривает методы борьбы с терроризмом, закрепленные в законодательстве, их эффективность в современных реалиях для российского государства.*

***Abstract.** This article is devoted to the study of problematic issues of countering terrorism in the Russian Federation. The author examines the methods of combating terrorism, enshrined in legislation, their effectiveness in modern realities for the Russian state.*

***Ключевые слова:** террористический акт, терроризм, проблемы, законодательство, противодействие.*

***Keywords:** act of terrorism, terrorism, problems, legislation, counteraction.*

Сегодня вопрос борьбы с терроризмом является одним из основных вопросов для любого государства. А с учетом сложившейся ситуации, ввиду проведения специальной операции на территории Украины, обеспечение безопасности российского государства является в настоящее время приоритетной задачей. Ведь террористические акты на территории нашей страны с 2014 года значительно увеличились. Киевский режим уже давно применяет террор как в отношении с собственными гражданами, так и для решения внешнеполитических проблем. Массовое уничтожение людей в одесском Доме профсоюзов, перекрытие Северо-Крымского канала, политические убийства на собственной территории, в ДНР и ЛНР, многочисленные диверсионные атаки на Крым. Теперь к этому добавились открытый террор в отношении мирных жителей, огульно обвиняемых в коллаборационизме, садистское обращение с пленными, систематические бомбардировки жилых кварталов. Запад замалчивает и покрывает преступления украинских неонацистов. Все перечисленное – это только лишь малая часть действий террористического характера. Поэтому актуальность исследуемой в рамках данной статьи темы не вызывает сомнений.

Российская Федерация вносит значительный вклад в борьбу с терроризмом. Борьба с терроризмом – один из приоритетов нашего государства. Система антитер-

рористических мер в Российской Федерации включает следующие направления:

- 1) профилактическая политика против террористической угрозы.
- 2) противодействие прямой террористической угрозе.
- 3) ликвидация последствий терроризма [5, с. 43].

Согласно Уголовному кодексу РФ, терроризм связан со взрывами, поджогами, транспортными происшествиями и т.д. Специфика террористической угрозы носит массовый характер, так как терроризм вызывает панику среди населения стран мира, особенно России.

Террористы часто ставят властям стран мирового сообщества ультиматум: их требования выполняются, или население этих стран подвергается большой опасности, пока не будет уничтожено.

Есть две группы террористических сайтов:

1) Объекты, предусмотренные для таких целей, как ослабление и ликвидация: внутренняя и внешняя безопасность страны, международные отношения, принципы и интересы, политическая независимость государства, безопасность гражданского населения.

2) Безопасность населения и материальных особенностей страны: здоровье и жизнь граждан страны, нормальное функционирование материальных объектов и сооружений с прямым террористическим воздействием.

Некоторые эксперты считают, что терроризм в России в основном направлен на него, потому что на самом деле это преступный террористический акт.

В России есть неизбежное наказание за осуществление террористической деятельности.

В нашей стране органами государственной власти и муниципальными органами проводится ряд мероприятий по предупреждению и декриминализации террористического акта среди гражданского населения. Проводится просветительская работа, проводится пропаганда среди населения страны, соответственно граждане в целях профилактики и предупреждения должны информировать и своевременно информировать власти при наличии необходимой информации о предстоящем террористическом акте в целях его предупреждения и предотвращения.

В настоящее время в России действует основной закон «О противодействии терроризму». Этот закон определяет все меры по борьбе с террористической деятельностью, определяет различные методы формирования антитеррористических подразделений и их деятельность против террористической угрозы.

В РФ действует ряд субъектов, осуществляющих антитеррористическую деятельность:

- 1) Президент Российской Федерации
- 2) государственные органы и органы местного самоуправления, которые дают все необходимые инструкции по предотвращению террористической угрозы.
- 3) Федеральное Собрание Российской Федерации, определяющее правовые меры против терроризма.

4) прокуратура Российской Федерации, которая контролирует деятельность должностных лиц, призванных к борьбе с терроризмом.

5) Правительство Российской Федерации, в частности, функционирует как организатор антитеррористической деятельности.

6) федеральные органы исполнительной власти, выполняющие функцию борьбы с терроризмом. Сюда входят следующие структуры: Вооруженные Силы Российской Федерации, Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации и Министерство гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий Российской Федерации [3, с. 9].

Основным законом по борьбе с терроризмом в России является Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Этот закон определяет основные принципы борьбы с терроризмом, правовые и организационные рамки для предотвращения терроризма и борьбы с ним, а также правовые и организационные рамки использования вооруженных сил в борьбе с терроризмом. Этот закон служит отправной точкой для создания и принятия других подобных ему законов, так Россия в системе законодательства о терроризме радикальна и неизменна.

Понятие терроризма закреплено в Федеральном законе от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», согласно которому терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [1]. Терроризм можно раскрыть как использование силы против людей или же как деятельность с целью запугивания и принуждения правительства страны, официальной организации или же гражданского населения к выполнению собственных политических, религиозных и общественных намерений.

Терроризм как социально-правовое явление может быть классифицировано по целому ряду оснований, в том числе по объему (масштабу) действий, по целям и направленности, по мотивам, по последствиям (состоявшимся или ожидаемым) – применительно к жертвам – массовые, групповые, одиночные, по материальному ущербу – катастрофического, особо крупного, по морально-психологическому вреду – вызвавшему панику, запуганность населения, недоверие к власти, по численности и организованности участников (включая секты и подпольные террористические организации) [4, с. 27]. Возможна классификация по использованным орудиям, способам и финансовым средствам: использование ОМУ: оружия группового поражения, обычного автоматического стрелкового оружия, оружия ближнего боя, не летального оружия и спецсредств и т.д. На наш взгляд, характеристику способов осуществления терактов необходимо дополнить классификацией используемых средств (взрывчатка, огнестрельное или холодное оружие, ОМУ, новые виды биологических вирусов; информация, носители информации (вирусы ПК, программные продукты, программы, алгоритмические языки).

Помимо закона о борьбе с терроризмом, существует ряд других законов. Например, 30 декабря 2008 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации о противодействии терроризму», статья 205 (террористический акт), статья 206 (захват заложников), статья 208 Уголовного кодекса (организация незаконного вооруженного формирования) [2], ранее полномочия федерального судьи и 12 присяжных заседателей теперь представляют собой программный инструмент, состоящий из 3 судей федерального суда общей юрисдикции.

Федеральный закон от 5 октября 2009 года подтверждает концепцию противодействия терроризму, устанавливает основные цели и задачи противодействия этому явлению. Также 14 июня 2012 года Президент Российской Федерации подписал Указ «О порядке определения уровня террористической угрозы, который предусматривает дополнительные меры по обеспечению безопасности человека, общества и государства». 25 ноября 2014 г. Президент Российской Федерации подписал закон о борьбе с незаконным оборотом взрывчатых веществ и взрывных устройств. 31 декабря 2014 года Президент Российской Федерации подписал закон, запрещающий представителям экстремистских религиозных организаций заниматься любой законной деятельностью сроком на 10 лет.

В последнее время в России из-за негативной ситуации во внешнеполитической сфере терроризм значительно укрепил свои позиции. Это и сирийский конфликт, и холодная война с США, и такие неприятные события на международной арене, где Россия выступает против своей воли, но достойно противостоит и продолжает противостоять всем вызовам, подготовленным к ней.

Как выше мы отмечали, борьба с терроризмом в настоящее время – это главная задача государств. Но, к сожалению, сложившаяся ситуация вокруг Украины только обострила отношения между странами, количество терактов в нашем государстве резко растет.

Развитие идеологии нацизма следует рассматривать как прямое террористическое действие, направленное на формирование пагубного мышления и поведения граждан. Деструктивные действия властей киевского режима привели к масштабному разрастанию идей нацизма, формирования военизированных, а впоследствии и профессиональных военных подразделений нацистского толка.

После смены Президента и прихода к власти Зеленского народ Украины охватила надежда, что террористическая деятельность прекратится, но, к сожалению, это не так. Киевский режим все больше укрепился, и после начала военной операции России террористические акты участились не только в отношении граждан ДНР И ЛНР, но и в отношении России и Белоруссии. Усугубляется ситуация и тем, что получая поставки оружия и военной техники от стран Европы и США, власти Украины используют их для того чтобы сохранить террористический режим, и доказательством является организация Азов, которая в нашей стране признается террористической, а власти Украины ее поддерживают.

Подтверждают наши слова последние события, происходящие на территории России и Белоруссии. Приведем несколько примеров террористических актов в России:

1) В Сочи молодой человек стал администратором интернет-сообщества запрещенного и признанного террористическим в России движения «Колумбайн». Права администрирования террористическим интернет-ресурсом он получил от гражданина Украины, именующего себя «Белая роза», причастного к склонению в ноябре 2021 года жителя Казани к совершению нападения на школу.

2) В Рязанской области пресекли активность сторонника МКУ («Маньяки: культ убийств», экстремистская, запрещенная в России организация, созданная украинским неонацистом Егором Красновым), который вербовал новых adeptов.

3) Задержали 18-летнего жителя Тверской области по подозрению в том, что он мог готовить террористические акты на объектах транспорта. А в декабре 2021-го ФСБ провела масштабную спецоперацию, задержав более ста молодых людей, вовлеченных в ряды проукраинской неонацистской группировки.

4) Теракт на Крымском мосту. Подрыв Крымского моста произошел утром в субботу 8 октября 2022 года. Взрывом было обрушено около 250 м шоссеного полотна, сгорело семь цистерн грузового поезда. Погибли четыре человека.

И с каждым днем число таких террористических актов растет.

События, связанные с 9 мая, т.е. с днем празднования Великой Победы, просто не могут не поражать. Так, Зеленский в своем инстаграме выставил фото с солдатом, на форме которого был значок СС, т.е. черепа, и сделал двусмысленную запись в отношении России. Конечно, запись потом была быстро удалена, но, как говорится, интернет все помнит. Такое поведение руководителя Украины непозволительно, т.к. его действие направлено на влияние на молодежь, провоцируя национальную ненависть к русскому народу. Видимо после постоянного переписывания учебников по истории, руководитель Украины забыл, что большими усилиями русского народа были освобождены земли от фашистов, и не без помощи других славян (Украинцев, Белорусов), поэтому игнорирование данного праздника только еще раз подтверждает, что Киевский режим давно следует рассматривать как террористический.

Страны мира, в том числе и Россия, независимо от своей политической ориентации, сотрудничают в осуждении терроризма и вместе принимают все необходимые меры для борьбы с ним.

Внешняя безопасность России обеспечивается рядом правовых, организационных и инженерно-технических мер. Внутренняя безопасность осуществляется путем создания позитивной психологической атмосферы, поскольку террористы наносят серьезный удар по психике мирных жителей, вызывают панику и разногласия в своей массе и приводят к общей дестабилизации ситуации в стране.

Превентивные меры властей по борьбе с террористической угрозой – это психологическое давление на террористов, что позволяет им понять, что любые акты насилия не заставят руководство изменить свои позиции и что террористы несут ответ-

ственность за все зло, которое они совершают с уязвимым населением страны.

В целом, приоритетной задачей в борьбе с терроризмом является решительное противодействие, которое является бескомпромиссным, жестким и жестоким. В настоящее время антитеррористическая политика России достигла высокой эффективности благодаря адекватному вниманию к самой проблеме и серьезному финансированию антитеррористической деятельности, проводимой сформированными в деятельности государства антитеррористическими подразделениями.

Сам терроризм – это глобальное явление и результат социальных, экономических и политических противоречий в мировом сообществе. В то же время терроризм представляет собой большую угрозу для всего государства и его граждан. Со временем терроризм развивается и принимает новые формы, иногда ставя перед федеральными ведомствами задачи, требующие нестандартного мышления и действий.

Таким образом, подводя итог, стоит еще раз подчеркнуть, что терроризм теперь представляет угрозу национальной безопасности России. Несмотря на недавние успехи, система мер по борьбе с террористическим злом требует дальнейшего развития и обработки. Однако значительные достижения России в области контртеррористической политики заставляют их чувствовать и заслуживают должного уважения и внимания.

Библиографический список

1. О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. –1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Журавлев, О. Г. О проблеме борьбы с терроризмом / О. Г. Журавлев // Молодой ученый. – 2020. – № 49.1. – С. 9-10.
4. Петрищев, В. Е. Что такое терроризм, или введение в террорологию / В. Е. Петрищев. – М.: Высшая школа, 2018. – С. 27-29.
5. Попова Л. И. Глобальная угроза терроризма: современное состояние и меры противодействия / Л. И. Попова // Вопросы безопасности. – 2021. – № 2. – С. 41-53.

Сирица А.С., студент юридического факультета
Оренбургского государственного университета
Мацакян Л.Э. – студент юридического факультета
Оренбургского государственного университета

**ЦИФРОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В РФ:
РЕГУЛИРОВАНИЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ**

**DIGITAL LEGISLATION IN THE RUSSIAN FEDERATION:
REGULATION AND FURTHER DEVELOPMENT**

***Аннотация.** Авторы затрагивают проблемы цифровизации в законодательстве, ее дальнейшее развитие в РФ. Основное внимание обращено на пробелы в законодательстве и их дальнейшее решение.*

***Abstract.** The authors touches upon the problems of digitalization in legislation, its further development in the Russian Federation. The main attention is paid to the gaps in the legislation and their further solution.*

***Ключевые слова:** информатизация, законодательство, цифровое право, информационное право, информация, защита прав.*

***Keywords:** informatization, legislation, digital law, information law, information, protection of rights.*

Становление информатизации в России является приоритетной задачей, определяющим фактором развития нашего государства. В тоже время процесс информатизации в системе государственных органов власти РФ, юридических лиц, а также индивидуальных предпринимателей влечет появление новых рисков в сфере информационной безопасности. Необходимо исследовать основные проблемы ответственности за преступления в области информационного права, которые совершаются в глобальных IT- системах. Рост правонарушений в информационной сфере занимает первостепенное значение в различных сферах информационных отношений. На государственном уровне специалистами разрабатываются способы борьбы с подобными противоправными деяниями.

Развитие бизнеса в области банковских и страховых услуг, международные платежи, которые обладают опцией индивидуальной маршрутизации, услуги персонального валютного контроля, у которого есть полностью мобильная связь, в чатах, видеосвязь, цифровая платформа для совершения конверсионных операций и производно финансовых инструментов дает тоже уникальные услуги, но широкое использование сети Интернет, создание информационного общества приводит к тому, что возникают проблемы в области обеспечения защиты информации, растут правонарушения в информационной сфере. Соответственно, в центре внимания специалистов

находится определение соразмерной и эффективной юридической ответственности за их совершение.

Основной и актуальной проблемой на сегодняшний день остается проблема ответственности за преступления и правонарушения в области информационного права в связи с их развитием и динамикой, а также ростом числа именно подобного роста преступлений. По данным МВД России, в 2020 г. число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возросло на 73,4%, в том числе с использованием Интернета – на 91,3%, средств мобильной связи – на 88,3%. В 2021 г. зарегистрировано около 518 тыс. киберпреступлений, при этом 75% IT-преступлений связаны с кражей персональных данных, платежной информации или денежных средств. Официальный представитель МВД России Ирина Волк отметила, что примерно 25% всех преступлений, которые совершаются и регистрируются на территории РФ, связаны с применением IT-технологий. По итогам шести месяцев 2022 года МВД России зафиксировало 249 тыс. преступлений, совершенных с помощью информационных технологий. В перечень таких деяний входят мошенничества через телефонные звонки, кардинг, фишинг и другие виды киберпреступлений.

Современные тенденции развития цифровизации в России, а также рост применения информационных технологий требует защиты нашего общества от кибератак, и иных информационных правонарушений, а также законодательное закрепление правильного и грамотного использования информационного пространства в обществе.

Информационное право связано с оборотом информации, созданием и функционированием информационных систем в целях обеспечения безопасного удовлетворения информационных потребностей общества, а также организаций и государства.

Цифровое право включает в себя регулирование отношений в сфере IT-проектов, публикации информации в сети, блокчейна, обработки персональных данных, больших данных, искусственного интеллекта и других сферах. В конечном счете сфера действия цифрового права расширяется с тем, как цифровизация входит в новые области нашей жизни.

Правительством РФ предлагается внесение изменений в ФЗ «О персональных данных», так как законодательство в области защиты персональных данных приобретает первостепенное значение в области защиты персональных данных. Информация, полученная в результате обезличивания персональных данных, не позволит без использования дополнительной информации определить принадлежность персональных данных конкретному субъекту.

Следующее направление – это регулирование отношений в области защиты информационной безопасности. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», вступивший в силу с 1 января 2018 году, является одним из первых законом в этой сфере. Данный закон ввел понятия объектов и субъектов критической информационной инфраструктуры. Также данный закон ввел обязанности организаций по обеспечению безопасности объектов [1, с. 4].

Третье направление, которое можно обозначить, – это нормативное правовое регулирование сбора и обработки значительных массивов обезличенной информации. Для этого в ГК РФ введена конструкция договора об оказании услуг по предоставлению информации (ст. 783.1 ГК РФ) [2, с. 4]. Такой договор предполагает защиту от получения информации третьими лицами. Появление в ГК РФ такой статьи подтверждает возможность оборота персональных данных. Тем самым сделан первый шаг на пути к регулированию оборота персональных данных и формированию их легального рынка.

Также нужно выделить четвертое направление. Данное направление отвечает за упрощение процедур, сокращение времени разработки и обновления документов при помощи информационной системы в области стандартизации.

Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», который получил рабочее название «Закон о цифровых правах», принят на заседании Госдумы в третьем, окончательном чтении и вступил в силу с 1 октября 2019 г. [3, с. 4]. Данный закон вводит в Гражданский кодекс статью 141.1 «Цифровые права». В статье закреплены базовые определения «цифрового права», означающие в юридической терминологии аналог «токена» [4, с. 4]. Новая статья позволяет определить свое место в системе объектов гражданских прав по обороту цифровой продукции, в том числе куплю-продажу, а также предоставить защиту гражданам и юридическим лицам по сделкам с цифровыми правами.

Те изменения, которые вводятся в законодательство, новые нормативные правовые акты помогут настроить элементы правового регулирования и правового воздействия данной сферы. В дальнейшем должны быть созданы механизмы защиты пользователей сети интернет от дискриминационного поведения со стороны различных сервисов и приложений. Нужно положить начало развитию взаимовыгодных и равноправных отношений между пользователями и цифровыми сервисами.

Библиографический список

1. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федер. закон от 26.07. 2017 г. № 187-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
3. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть I) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8568bf88dfcddf96ec39cede2444c36c998fbde3/

**ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПОЗНАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ**

**JUVENILE DELINQUENCY IN MODERN RUSSIA: THEORETICAL,
METHODOLOGICAL AND APPLIED PROBLEMS OF ITS COGNITION
AND PREVENTION**

***Аннотация.** С позиции криминологии рассматриваются некоторые особенности поведения несовершеннолетних. Внимание акцентируется на характеристике современного состояния преступности несовершеннолетних, на основных направлениях и проблемах предупреждения их преступного поведения.*

***Abstract.** From the standpoint of criminology, some features of the behavior of minors are considered. Attention is focused on the characteristics of the current state of juvenile delinquency, on the main directions and problems of preventing their criminal behavior.*

***Ключевые слова:** преступность несовершеннолетних, состояние, тенденции, причины преступного поведения несовершеннолетних, субъекты предупредительной деятельности.*

***Keywords:** juvenile delinquency, state, trends, causes of juvenile delinquency, subjects of preventive activity.*

Преступность лиц несовершеннолетнего возраста на всем протяжении развития отечественной науки криминологии привлекала и продолжает привлекать особое внимание ученых. Естественно, отдельному рассмотрению подлежали свойственные данному виду преступности особенности:

- 1) теоретико-методологические подходы к исследованию данного вида преступности;
- 2) специфика ее проявлений;
- 3) особенности, связанные с возрастом;
- 4) свойства и характеристики личности несовершеннолетних преступников;
- 5) комплекс причин и условий, основные факторы, оказывающие влияние на преступность лиц несовершеннолетнего возраста;
- 6) особенности и характеристики существующих общественных отношений, од-

ними из участников которых являются лица несовершеннолетнего возраста (общественные отношения, которые подлежат охране);

7) особенности реализуемых мер и основных субъектов предупреждения преступности лиц несовершеннолетнего возраста;

8) иные значимые характеристики преступности лиц несовершеннолетнего возраста, отражающие важные, в части криминологического познания рассматриваемого вида преступности, данные.

Сегодня, рассуждая об особенностях, присущих современной преступности несовершеннолетних, Е.Е. Панфилов, в контексте исследования криминализации лиц несовершеннолетнего возраста, выявил и описал в своем диссертационном исследовании: «Новое криминологическое звучание приобретает массовое распространение в молодежной среде криминальной субкультуры, включение подростков в деструктивные интернет-сообщества, влияющие на выработку у несовершеннолетних стойких антисоциальных установок, нередко приводящих к совершению преступлений» [1, с. 4].

Так, по своим масштабам прослеживается внедрение информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизни современного человека. Подобное распространение оказывает значительное влияние на социальную адаптацию всех категорий граждан, при этом значимая роль подобных технологий усматривается именно в процессе социализации, формирования личности, развития лиц несовершеннолетнего возраста.

В целом, социальные сети оказывают негативное влияние на формирование и развитие лиц несовершеннолетнего возраста. Исследование показало, что значительное количество несовершеннолетних в современной России проводят свое свободное время в интернет-пространстве, в онлайн-социальных сетях. Основными причинами этого усматриваются существующие проблемы несовершеннолетних в реальной (офлайн) жизни. Исходя из чего, превентивная функция видится именно в главном институте социализации личности – семье. Таким образом, основная роль в процессе становления, формирования, развития и воспитания несовершеннолетнего, а также и контрольно-надзорная функция отводятся именно семье.

Как показывает практика, меры предупреждения преступности, в частности общесоциальные, разрабатываются разными специалистами: экономистами, социологами, политологами, социальными психологами, специалистами по управлению и т.п. При этом важно их сотрудничество с криминологами. Роль криминологов в этом случае заключается в следующем:

во-первых, проводя регулярные и глубокие криминологические исследования, они представляют информацию о причинности и детерминации преступности (в нашем случае несовершеннолетних) в определенный период, указывают, какие именно взаимодействия каких обстоятельств здесь прослеживаются и могут оцениваться как криминогенные;

во-вторых, криминологи должны активнее привлекаться в качестве консультан-

тов при разработке различных документов по развитию и оздоровлению общества [2, с. 480];

в-третьих, криминологи должны проводить по поручениям заинтересованных организаций криминологическую экспертизу разного рода законопроектов, в том числе касающихся социально-экономических преобразований. В этом случае они отвечают на вопрос, как скажется на причинном комплексе преступности и, в конечном счете, на ней самой принятие того или иного закона, подзаконных актов и т.п. или как скажется на преступности реорганизация тех или иных правоохранительных органов.

Важным моментом организации предупредительной деятельности является ее кадровое и иное ресурсное обеспечение. Что касается кадрового обеспечения, то, прежде всего, следует указать на целесообразность усиления в образовательных организациях криминологической подготовки специалистов для правоохранительных, контролирующих органов и иных субъектов предупредительной деятельности, сотрудники которых должны обладать высокой криминологической культурой. Определенные резервы для повышения эффективности предупредительной деятельности содержит в себе последовательная специализация на ней структурных подразделений или хотя бы отдельных сотрудников, сочетаемая с профильным обучением, переподготовкой и повышением квалификации [3, с. 27].

Безусловно, предупреждение преступности несовершеннолетних требует комплексного подхода. Известно, что в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних входят комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Федерации, органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел, учреждения уголовно-исполнительной системы (п. 1 ст. 4 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»). А это значит, что для повышения результативности предупреждения преступности несовершеннолетних требуется развитие системы взаимодействия всех указанных органов. Уровень такого взаимодействия необходимо значительно повышать.

Библиографический список

1. Панфилов, Е. Е. Предупреждение делинквентного поведения несовершеннолетних, осужденных без изоляции от общества: уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Е. Панфилов. – Курск, 2020. – 21 с.
2. Демидова-Петрова, Е. В. Криминогенность несовершеннолетних в призмах криминологически значимых проявлений экстремизма / Е. В. Демидова-Петрова // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2018. – Т.

160. – Кн. 2. – С. 476–486.

3. Демидова-Петрова, Е. В. Особенности молодежного экстремизма в России в условиях информационной глобализации // Современные криминологические проблемы и пути их решения: сб. материалов Всероссийской научно-практ. конф. с межд. участием в рамках Саратовского Международного юридического форума (8 июня 2021 г., Саратов). – Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2021. – С. 26–28.

Трясцын А.С., студент Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева

Голоблани К.Д., студент АНО ВПО «Прикамский социальный институт»

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

DIGITALIZATION AND HUMAN RIGHTS DURING THE PANDEMIC

***Аннотация.** Работа посвящена рассмотрению опыта различных государств по использованию последних достижений науки и техники в период пандемии коронавируса для борьбы с инфекцией. Кроме этого, затрагивается вопрос о соотношении предпринятых мер с правами человека. Со ссылками на международные правовые акты, а также на решения органов конституционного контроля ряда государств в статье обосновывается неизбежность нарушения некоторых прав и свобод граждан в период пандемии, а также высказываются опасения по поводу использования такой практики в будущем.*

***Abstract.** The paper is devoted to the review of the experience of various states on the use of the latest achievements of science and technology during the coronavirus pandemic to combat infection. In addition, the question of the correlation of the measures taken with human rights is raised. With references to international legal acts, as well as to the decisions of the constitutional control bodies of a number of states, the article substantiates the inevitability of violations of certain rights and freedoms of citizens during the pandemic, and also expresses concerns about the use of such practices in the future.*

***Ключевые слова:** пандемия, коронавирус, цифровизация, информатизация, права человека, контроль.*

***Keywords:** pandemic, coronavirus, digitalization, informatization, human rights, control.*

Быстрое развитие информационных технологий приводит к тому, что мы уже практически не представляем своей жизни без использования продуктов информационной сферы – оплата покупок телефоном, биометрические ключи, видеосвязь и многое другое уже не вызывают удивления и давно стало обыденностью.

Данные примеры являются ярким проявлением цифровизации, под которой в теории понимается процесс внедрения цифровых технологий генерации, обработки,

передачи, хранения и визуализации данных в различные сферы человеческой деятельности [3, с. 17].

Цифровизация тесно связана с другим явлением, получившим название «информатизация», который определяется как научно-технически и социально-экономически организованный процесс удовлетворения информационных потребностей на основе использования компьютерной техники, современных телекоммуникационных систем и информационных технологий [2, с. 74].

Необходимо отметить, что активным участником обоих названных процессов является государство, которое, путем применения продуктов цифровизации и информатизации, стремится выполнить ряд задач, связанных, прежде всего, с защитой населения, обеспечения его безопасности.

Ярким примером этого являются меры, предпринятые многими государствами в период коронавируса, направленные на борьбу с инфекцией, выявление и контроль заболевших, а также на защиту здоровых граждан.

Например, в России были введены QR-коды в качестве сертификатов вакцинации от коронавируса, кроме этого, в некоторых регионах страны прибывшие из-за границы граждане получали СМС с напоминанием о необходимости соблюдать самоизоляцию; в других — МЧС через операторов связи рассылало требования вернуться домой [7].

Аналогичные примеры можно увидеть и в других странах. В частности, в Италии было разработано приложение для смартфона, позволяющее отследить маршрут зараженного коронавирусом человека и предупредить людей, контактировавших с ним. На Тайване инфицированным лицам выдавался мобильный телефон и записывалось их местоположение по данным GPS, чтобы полиция могла отслеживать их передвижения и следить за тем, чтобы они не удалялись от места изоляции [4]. В Польше было разработано обязательное государственное приложение для смартфонов, которое требовало, чтобы люди, находящиеся на карантине, делали селфи с отметками времени и GPS-координатами своего нахождения несколько раз в день [8].

Как можно увидеть, приложения и технологии разрабатывались в самых разных странах, позволяя отслеживать передвижения людей и нарушение ими ограничительных мер при помощи GPS-трекеров, данных мобильных телефонов, транзакций с помощью банковских карт или комбинации всех этих способов. Любые носимые устройства, включая фитнес-браслеты или «умные часы», мгновенно превратились в способ слежения и контроля.

Перечисленные явления стали в большей степени отрицательно оцениваться населением. Прежде всего, возникали вопросы о том, как указанные действия соотносятся с правами человека? На каком основании правительства стали вмешиваться в частную жизнь своих граждан? Насколько правомерной является слежка за населением?

В связи с этим, органы конституционного контроля многих государств начали проверять предпринимаемые меры на предмет их соответствия законодательству. Так, например, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от

25.12.2020 № 49-П отметил, что жизнь и здоровье человека – высшее благо, без которого утрачивают свое значение многие другие блага и ценности, а потому забота об их сохранении и укреплении образует одну из основополагающих конституционных обязанностей государства, в связи с чем государство возлагает на себя ответственность за обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения [1].

Похожее положение было высказано Конституционным Судом Словакии, который в своем решении от 13.05.2020 указал на то, что пандемия Covid19 и необходимость защиты жизни и здоровья населения оправдывают определенные нарушения основных прав, а именно права на уважение частной жизни и защиту права на ее неприкосновенность [5].

Но при этом, как отмечает Конституционный Суд Боснии и Герцеговины в решении от 22.02.2020 № AP 1217/20, необходимо учитывать баланс между потребностями защиты общества в целом и индивидуальных прав отдельного гражданина [5]. Такой же позиции придерживается и Конституционный Суд Российской Федерации в вышеупомянутом Постановлении от 25.12.2020 № 49-П, указывая на то, что законодатель, осуществляя защиту прав и свобод человека и гражданина и устанавливая соответствующее правовое регулирование, обязан предусмотреть эффективные гарантии соблюдения иных прав и свобод граждан, адекватные целям сохранения жизни граждан и их здоровья [1].

Следует сказать и о том, что многие международные документы обязывают государства предпринимать меры по обеспечению инфекционной безопасности. Так, например, подпунктом «с» пункта 2 статьи 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах установлено, что государствами должны быть предприняты меры, направленные на профилактику, лечение и контроль эпидемических, эндемических, профессиональных и других заболеваний. В Конституции Всемирной Организации Здравоохранения отмечено, что наивысший достижимый уровень здоровья является одним из фундаментальных прав каждого человека. А в статье 25 (1) Всеобщей декларации прав человека закреплено право каждого человека на такой жизненный уровень, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи [6].

Действительно, коронавирус представлял собой угрозу мирового масштаба, угрожая всему населению планеты. В таких условиях было важным и необходимым предпринять действенные ответные меры по противодействию распространению инфекции. Использование информационных технологий в период пандемии во многом позволило успешно бороться с коронавирусом, сдержать его наступление. Современные достижения науки и техники стали важными инструментами для содействия принятию скоординированных мер в связи пандемией.

При этом, как справедливо отметила комиссар Совета Европы по правам человека Дунья Миятович: «Императив обеспечения здоровья населения не должен стать карт-бланшем для слежки за частной жизнью людей» [8]. Технологии, разработанные в период пандемии не должны быть использованы государствами во вред своему

населению – для вторжения в частную жизнь или ограничения возможностей участия в жизни общества. В этой связи необходимым является обеспечение правового регулирования использования цифровых технологий для защиты населения от эпидемиологических угроз.

Подводя итог, следует сказать следующее: несомненно, ограничения прав человека в период пандемии имели место, но они были не спонтанными – все предпринимаемые государствами меры были имели одну цель – борьба с коронавирусом. В таких условиях контроль населения не был «блажью» руководства страны, это были необходимые действия для защиты своих граждан и противодействия инфекции. В будущем государства должны быть готовы к появлению такого рода угроз – должны быть приняты нормативно-правовые акты, регламентирующие использование продуктов информационной сферы для защиты населения. В противном случае неизбежной будет ситуация, когда под маской обеспечения инфекционной безопасности будет скрываться «цифровой диктат».

Библиографический список

1. По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.12.2020 № 49-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2021. – № 1 (часть II), – ст. 289.

2. Кузнецов, П. У. Информационные технологии в юридической деятельности: учебник для вузов / П. У. Кузнецов [и др.] ; под общей редакцией П. У. Кузнецова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2022. – 325 с.

3. Плотников, В. А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в Российской экономике / В. А. Плотников // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 4(112). – С. 16-24.

4. AI and control of Covid-19 coronavirus. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/ai-and-control-of-covid-19-coronavirus> (дата обращения: 29.09.2022).

5. e-Bulletin de jurisprudence constitutionnelle. Collection spn̄iSociale relative n̄iS COVID-19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.su/xkSUE> (дата обращения: 29.09.2022).

6. Международные стандарты права на физическое и психическое здоровье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/ru/special-procedures/sr->

health/international-standards-right-physical-and-mental-health (дата обращения: 29.09.2022).

7. Нездоровая прозрачность: как пандемия упрощает контроль над гражданами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/28/04/2020/5ea759419a7947d0c6e3a3a3> (дата обращения: 29.09.2022).

8. Обеспечение здоровья населения не должно стать карт-бланшем для слежки за частной жизнью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4332762> (дата обращения: 29.09.2022).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

DIGITALIZATION AND HUMAN RIGHTS: CHALLENGES OF OUR TIME

***Аннотация.** Целью статьи выступает анализ процесса трансформации прав человека в современном цифровом обществе. Выделены положительные и отрицательные аспекты влияния цифровизации на реализацию прав и свобод человека и гражданина. Также рассмотрены вопросы, связанные с правами граждан, которые требуют совершенствования законодательства Российской Федерации для того, чтобы отвечать современным условиям развития.*

***Abstract.** The purpose of the article is to analyze the process of transformation of human rights in a modern digital society. The positive and negative aspects of the impact of digitalization on the realization of human and civil rights and freedoms are highlighted. The issues related to the rights of citizens, which require improvement of the legislation of the Russian Federation in order to meet modern conditions of development, are also considered.*

***Ключевые слова:** права человека, цифровизация, цифровая модель, технологии, интернет, ограничения прав.*

***Keywords:** human rights, digitalization, digital model, technologies, Internet, restrictions of rights.*

Цифровизация стала невероятно популярной в последнее время, затрагивая практически все сферы жизнедеятельности человека и гражданина и изменяя стереотипы мышления, особенно в правовой сфере. В настоящий момент все правовые системы столкнулись с вопросом сущности права в цифровую эпоху. Перед законодателем каждой из стран встала проблема создания новых инструментов регулирования, проблема поиска баланса интересов усложняющегося субъектного состава. При этом уже устоявшиеся способы регулирования не всегда эффективны в силу специфики новых общественных отношений.

Проблемы, с которыми информационные технологии заставили столкнуться право, побуждают юристов к поиску решений. Появление новых технологий, новых объектов и связанных с ними правоотношений в отсутствие специального регулирования зачастую сопровождаются ситуацией, когда правовая система уже не способна предложить адекватные решения.

В социально-политическом аспекте следует обратить внимание на то, что информационные технологии меняют текущую реальность, а именно «формируют новые возможности для реализации прав граждан на участие в управлении государством посредством гражданских или общественных инициатив (в том числе правозащитных) в информационно-цифровом пространстве». Появление Интернета существенно повлияло на образовательный процесс, расширив возможности граждан на получение образования посредством обращения к цифровым источникам информации и виртуальным образовательным технологиям [4, с. 130].

Актуальность и востребованность проблем, связанных с оказанием услуг населению в электронной форме, также отражены в Указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. Содержание данного нормативного правового акта указывает на повышение значимости цифровой информации в обществе и приоритеты государства в отношении цифровизации общественных отношений. Формирование в государстве информационно-цифрового пространства правоотношений посредством внедрения современных технологий оказывает существенное влияние на развитие социальных коммуникаций и государственных процессов. Так, многие государственные учреждения и частные организации активно создают и используют информационные системы для оптимизации и ускорения рабочих процессов и доступа к информации. В исследовании, посвященном электронному государству, К.А. Брагой отмечает: «Наши личные данные управляются через различные государственные регистры. В этой ситуации защита данных становится важной задачей».

В области международного сотрудничества Российской Федерации в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина в цифровую эпоху была провозглашена Окинавская хартия Глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. Среди правил Хартии основными являются: внедрение и полноценное использование дистанционной идентификации, электронной подписи и иных средств, направленных на установление безопасного функционирования информационного оборота; при обработке персональных данных – создание и обеспечение развития эффективных механизмов защиты частной жизни граждан вместе с предоставлением доступного потока информации. Граждане должны быть защищены от неправомерного информационного вмешательства со стороны государства, кроме случаев и в порядке, нарушающих закон. Поэтому, важное значение имеет международный обмен опытом в области цифровизации, надзор за деятельностью сотрудников внутренних дел по предотвращению компьютерных преступлений [1, с. 9].

Необходимо обеспечивать права человека в социальных сетях. Многие пользователи используют социальные сети в качестве платформы для заработка. Но тогда возникает и другая проблема: как регулировать эту ситуацию и защищать права других граждан. По мнению автора, законодателю стоит разработать нормативную базу, регулирующую права и обязанности, способы защиты и гарантии в социальных сетях. На примере разясним мысль: сегодня некоторые пользователи являются блогерами, осуществляющими рекламу для своих коллег с целью привлечения аудитории, следо-

вательно, и прибыли. Но при этом рекламодатель не деликтоспособен в отношении своей пропаганды. А если это несовершеннолетний гражданин, не обладающий дееспособностью. Тогда договор на совершение рекламы признается ничтожным. Для дееспособных нами предлагается возможность приобретения статуса «Индивидуального предпринимателя». Следовательно, данные граждане будут обладать большими обязанностями и ответственностью (например, обязанность платить налог). Важно предусмотреть ненадлежащую рекламу для защиты потребителя, а из этого и вытекает реализация обеспечения прав в социальных сетях.

Ввиду сказанного, сегодня как никогда требуется научный анализ защиты прав человека в цифровой индустрии, что позволит в будущем регулировать ситуацию для исключения негативных моментов, связанных с коллапсом органов государственной власти и местного самоуправления в области защиты прав в цифровизации. Конституционно-правовое регулирование деятельности надлежащих органов требует дальнейшего развития и совершенствования в процессе государственных реформ. Изучение правовых и организационных основ реализации прав человека в «диджитал» индустрии позволит выявить проблемы и внести предложения по совершенствованию системы цифрового развития в рассматриваемой сфере.

Юридические вопросы, связанные с правами граждан, можно разделить на три типа вопросов [8]:

- нарушения прав в результате (использования) новых технологий;
- противоречия в правах, возникающие в результате использования новых технологий;
- новые вопросы, возникающие в результате использования новых технологий, на которые еще не существует прав.

Первая и вторая категории являются знакомыми проблемами для юристов. Типичными примерами в первой категории являются вопросы о том, в какой степени сложный анализ данных нарушает неприкосновенность частной жизни человека, или в какой степени использование профилирования рисков является потенциально дискриминационным в отношении определенных групп людей.

Типичными примерами во второй категории являются вопросы о том, в какой степени человека можно прослушивать (интерес неприкосновенности частной жизни) в целях уголовного расследования (интерес безопасности) или в какой степени человек может оскорблять религию (свобода религии в сравнении со свободой слова). По всем этим вопросам имеется большое количество литературы и прецедентного права.

Третья категория, однако, гораздо меньше обсуждается в литературе, юридической практике и научных дискуссиях. Типичным примером третьей категории является «право быть забытым», иногда называемое «правом на забвение», которое с 2016 г. было добавлено в России в Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2]. На практике данное право реализуется редко, так же как и теоретическое, несуществующее «право на аноним-

ность».

Как считает К.Н. Евдокимов, число нарушений прав человека и количество преступлений, которые предусмотрены ст. 272 Уголовного кодекса РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации), ст. 273 УК РФ (создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ), ст. 159.6 УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации), с каждым годом будут увеличиваться и, вероятно, не попадут в официальную статистику ввиду пробелов уголовного законодательства, а также отсутствия квалифицированных специалистов в данной сфере [3, с. 93].

Регулирование этих вопросов в дальнейшем позволит совершенствовать законодательство Российской Федерации, чтобы оно отвечало, как внешним, так внутренним меняющимся условиям развития.

Библиографический список

1. Николаев, А. И. Права человека в условиях информационного общества / А. И. Николаев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2017. – № 1. – С. 10-14.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 402.
3. Евдокимов, К. Н. Структура и состояние компьютерной преступности в Российской Федерации / К. Н. Евдокимов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 1 (35). – С. 86-94.
4. Талапина, Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху / Э. В. Талапина // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2019. – № 3. – С. 122–146.

**Юлиева Э.Д., студент юридического
факультета Оренбургского
государственного университета**

Научный руководитель

Загороднева Е.В., преподаватель кафедры уголовного процесса и
криминалистики Оренбургского государственного университета

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ DIGITALISATION OF CRIMINAL PROCEDURE

***Аннотация.** В данной статье автор поднимает актуальную на сегодняшний день проблему – цифровизация уголовно-процессуальных отношений. Трансформация права диктует новые правила толкования права, в связи с чем автор приводит возможные исходы применения цифровизации на стадии судебного производства.*

***Abstract.** In this article the author raises a topical issue of today - digitalization of criminal procedural relations. The transformation of law dictates new rules of law interpretation, in this regard the author gives possible outcomes of digitalization application at the stage of court proceedings.*

***Ключевые слова:** Уголовный процесс, цифровизация, судопроизводство, принцип судопроизводства.*

***Keywords:** Criminal procedure, digitalisation, judicial proceedings, principle of judicial proceedings.*

Становление цифровизации не обошло стороной уголовный процесс, как бы современники этому не противились. Доступность уголовного судопроизводства на этапе всеобщей цифровизации общества является одним из ключевых условий реализации принципа доступности уголовного процесса.

Принимая во внимание положительные черты, обретаемые институтом уголовного процесса, следует также отметить ряд проблем, решение которых необходимо для удачного внедрения цифровизации в уже сложившуюся систему судопроизводства:

- одной из важнейших проблем цифровизации уголовного процесса на данный момент видится целесообразный переход от простого к сложному, а не от простого к невозможному. Так, при принятии решения к переходу на цифровое использование справок по уголовному делу можно обозначить более сложным механизмом действий по сравнению к письменному документообороту, в то время как переход от начальной стадии, на которой сейчас и находится уголовный процесс, к стадии полной транс-

формации всей системы судопроизводства видится как фантастический сценарий.

Необходимо также учитывать и возможность влияния цифровых технологий на сущность уголовного процесса, то есть, как именно скажется участие искусственного интеллекта в рамках судопроизводства. Здесь неизбежно возникнут острые вопросы, касающиеся гласности, непосредственности судебного разбирательства, его регламента, обеспечения равенства сторон. Помощник судьи, с недавних пор, был наделен процессуальными полномочиями, что не осталось незамеченным юридическим сообществом. Возник вопрос о пределах вмешательства помощника в справедливость отправления правосудия. Представим, что часть этих полномочий будет делегирована гибриднему интеллекту, который при этом должен остаться подконтрольным человеку. Ответы на эти вопросы в конечном итоге с доктринального уровня должны перейти на законодательный уровень и найти отражение в тексте УПК РФ;

- прямым результатом наличия пробелов в уголовно-процессуальном законе можно назвать и отказ от использования видео-конференцсвязи. При более детальном изучении норм уголовно-процессуального кодекса становится ясно, что законодатель не готов к применению на практике цифровых технологий. Необходимы определение тех проблемных положений уголовного судопроизводства, которые могут быть решены с использованием достижений цифровой революции и, соответственно, системные изменения законодательства;

- необходимо создать условия для защиты персональных данных, а также предусмотреть отдельный вид уголовной ответственности за несанкционированное подключение и разглашение данных о проводимом уголовном судопроизводстве. Следует также предусмотреть привлечение новых рабочих мест, специализация сотрудников должна иметь техническую направленность, при этом сотрудники должны иметь базовые знания в сфере юриспруденции;

- не стоит забывать и о возможностях преобразования уголовного судопроизводства в соответствии с уровнем развития соответствующих технологий. То есть первичным будет развитие технологий обработки натурального языка, а уже вторичным – применение этой технологии для фиксации показаний участников процесса. В связи с чем, ожидания правоприменителей должны соответствовать реальным возможностям технического прогресса;

- насыщенность уголовного процесса информационными технологиями закономерно потребует повышения уровня технологической компетентности правоприменителей [4, с. 94]. Большинство современных следователей, судей, работников аппарата суда работают только с офисными программами, справочными информационными юридическими системами и рядом прикладных приложений. Расширение необходимых знаний и умений в области новых технологий обусловлено необходимостью их внедрения в сферу уголовного судопроизводства. Такие простейшие термины как «большие данные», «машинное обучение» и «распределение данных» не присутствуют в сознании юристов-практиков по ряду причин, однако, их необходимо будет включить в свой лексикон для дальнейшего употребления в профессиональной дея-

тельности. В связи с чем, рациональным является решение по повышению квалификации уже имеющих образование сотрудников, а также включение в образовательную программу учебных предметов, позволяющих в конечном итоге поднять уровень информационной базы у будущих юристов.

Решение вышеназванных задач не может быть одномоментным: оно требует продуманной стратегии, обсуждения всех плюсов и минусов нарастающей цифровизации уголовного судопроизводства, формулировки предложений по системному изменению уголовно-процессуального законодательства.

Переход от бумажного документооборота к электронному оформлению дела, сопровождаемый не скачкообразными, а постепенными, переходящими друг в друга изменениями, позволит осуществить стабильное становление уголовного процесса в рамках неизбежной трансформации права. Политика конфиденциальности, при этом, не должна нести в себе ущемляющие права личности факторы. Согласие участника уголовного процесса должно являться обязательным условием для продолжения операции по достижению истины в судебном производстве.

Вместе с тем, становление цифровизации в уголовном процессе может поставить под вопрос независимость судей. И.П. Попова предполагает в таком случае не только независимость судей, но и всей судебной системы [5, с. 241]. Принцип независимости судей является гарантом судебной власти, который, в свою очередь, подразумевает должную функцию теории разделения властей. Следующий принцип – принцип равноправия сторон уголовного судопроизводства – в случае невозможности использования всеми участниками уголовного судопроизводства цифровых технологий, государственные органы, осуществляющие производство, должны быть обязаны предоставить данным лицам возможность участия в процессе путем оснащения их всем необходимым. При этом возможности властно-наделенных участников процесса не должны отличаться от возможностей стороны защиты. Требование к форме документа, то есть образец заполнения документа, в отличие от содержания документа необходимо прописать в законе с целью урегулирования оснований отклонения электронных документов при опубликовании на платформе. Так, например, О.И. Андреева и О.А. Зайцев предлагают придерживаться такого направления, как, если бы в дальнейшем будущем удалось сохранить обычные для настоящего времени технологии по осуществлению судопроизводства, однако с использованием незначительного количества электронных средств коммуникации [1, с. 194]. Чрезвычайно важно, чтобы разрабатываемые и принимаемые уголовно-процессуальные нормы в данном направлении в полной степени учитывали права и законные интересы субъектов уголовно-процессуальных отношений, прописывали надлежащие механизмы регулирования общественных отношений, возникающие в связи с использованием информационно-цифровых технологий в российском уголовном судопроизводстве.

Вышеописанные принципы позволят применять цифровые технологии в должном объеме, не нарушая при этом целостность судебной системы, а также в полной мере будет защищено право на получение справедливого судебного разбирательства.

На практике российские суды во всех регионах страны без ограничений рассматривали материалы об избрании, продлении, отмене или изменении мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий, о помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства соответственно судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы [2, с. 9].

Исходя из всего вышеперечисленного, мы приходим к выводу о том, что для упрощения и облегчения документооборота в системе судопроизводства необходимо внедрить цифровые технологии в уголовный процесс, благодаря этому станет возможным произвести облегченный поиск в обширном массиве данных, собранных различными структурами и хранящимися в архивах дел. Следует также отметить и невозможность резкого перехода от обыденного уголовного судопроизводства к электронному судопроизводству. Связано это с тем, что, с одной стороны, правовая природа и характер уголовно-процессуальной деятельности, которая требует участия человека как на досудебных стадиях рассмотрения дела, так и непосредственно в отправлении правосудия, а с другой стороны, недостаточной готовностью общества отказаться от традиционных форм взаимодействия с судебной системой. Ряд объективных и субъективных причин не позволяет в данное время воспользоваться всем гражданам возможностью проведения судопроизводства через электронное правосудие. Таким образом, можно также судить и о нарушении права каждого гражданина на доступ к правосудию. В связи с этим, мы придерживаемся мнения Н.В. Софийчук и Л.А. Колпаковой, которые в своей работе предлагают ввести не полное электронное ведение судопроизводства, а создать некий информационный ресурс, позволяющий в сжатые сроки производить поиск того или иного дела с целью привлечения данных справок в полноценный уголовный процесс [6, с. 79]. Данное предложение отвечает вышеописанным нами критериям, а именно: не переходящий в резкий контраст от обычного судопроизводства в электронный процесс, уголовное дело, тем не менее, обретает новую структуру, отвечая новым вызовам времени, в данном случае – цифровизации. В силу некоторых несовершенств электронных ресурсов в сфере уголовного судопроизводства, становится понятна невозможность отказа от бумажного документооборота в целом, однако, существует prerogativa использования как письменных, так и электронных носителей информации.

Библиографический список

1. Андреева, О. И. Правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений в цифровую эпоху / О. И. Андреева, О. А. Зайцев // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 455. – С. 190-198.
2. Андреева, О. И. Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса: вызов

вы времени / О. И. Андреева, О. В. Качалова // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 36. – С. 5-15.

3. Гаврилин Ю.В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества / Ю. В. Гаврилин, А. В. Победкин // Труды академии управления МВД России. – 2019. – № 3 (51). – С. 27-38.

4. Марковичева, Е. В. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства / Е. В. Марковичева // Цифровизация и право. – 2020. – № 3. – С. 86-99.

5. Попова, И. П. Реализация принципов судебной власти в условиях цифровизации судопроизводства / И. П. Попова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 4 (91). – С. 235-246.

6. Софийчук, Н. В. К вопросу о доступе граждан к правосудию в условиях цифровизации уголовного судопроизводства / Н. В. Софийчук, Л. А. Колпакова // Lex Russica. – 2020. – № 11. – С. 71-80.

Содержание

Введение	3
Гвоздева Е.А. Взаимодействие органов прокуратуры со средствами массовой информации	4
Кузнецов А.Б. Проблемы внедрения современных цифровых технологий	10
Кустикова Н.В. Цифровизация деятельности органов исполнительной власти	17
Сиваев В.С. Преступления в сфере информационных технологий: современные тенденции	20
Воронина И.А. Электронное правительство в России	23
Ерохина Е.В. Проблемные вопросы инклюзивности и доступности семейного онлайн правосудия	30
Кирпичникова А.В. Частная жизнь в контексте цифровизации	34
Конопляникова Т.В. Защита персональных данных граждан в свете новых законодательных инициатив.....	37
Кузнецов А.В. Использование электронных средств платежа при совершении мошенничества (ст. 159.3 УК РФ).....	42
Мельников И.Н., Журавлев К.А. Актуализация правоотношений гражданского общества в цифровой среде	46
Носенко Л.И. Реализация некоторых принципов при рассмотрении дел по конкурентным спорам	51
Рузаева Е.М. Информационные обязанности субъектов трудового правоотношения	54
Саблин Д.А., Посадский П.С. Современное понимание правового статуса сенатора в Российской Федерации: перспективы и тенденции развития	59
Толочкова Н.Г. Некоторые вопросы, связанные с правовым статусом субъектов малого и среднего предпринимательства	65
Черпанцева Ю.С. Основные тенденции цифровизации системы социальной поддержки граждан, пострадавших от воздействия радиации	71
Шаймуллин Р.К. Отдельные вопросы совершенствования мер по противодействию новым формам проявления коррупции, связанным с использованием цифровых технологий	77
Юрченко Л.В. Достаточность оснований и достаточность доказательств для назначения судебного заседания	81
Бауэр Д.А. Цифровизация и ее уголовно-правовые риски	86
Башкирова Я.И. О несформированности в антимонопольном законодательстве РФ необоснованно высокой цены, необоснованно низкой цены	90

Гайнулова Ю.М. К вопросу о регулировании и защите прав человека в эпоху цифровизации	93
Гладников А.Е. Особенности привлечения к административной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства, связанные с ограничением доступа на рынок хозяйствующих субъектов	97
Гладышева А.А. Информационные технологии в административном судопроизводстве: сущность, перспективы и проблемы	102
Головина Е.П., Кабаргина Д.Д. Юридическая ответственность за нарушение избирательного законодательства	107
Григорян А.А. Компьютерные преступления: сущность, особенности и возможности предотвращения	111
Гуць А.В. Воспитание и психологическая устойчивость человека в условиях современного мира	115
Дахцигель К.М. Вопросы применения положений антимонопольного законодательства к деятельности цифровых платформ	118
Дзагоев А.И. Криминологические аспекты антинаркотической цифровизации	123
Ермизина А.А. Эстетика сотрудника правоохранительных органов в цифровом мире	129
Жилина Т.О. Концепция развития сферы государственных услуг в условиях цифровизации	136
Жугин М.А. Ответственность в сфере антимонопольного регулирования	140
Каламина Е.И. Предупреждение мошенничества с использованием телекоммуникационных и компьютерных сетей	146
Каштанова Я.В. Брачный договор как правовой институт защиты финансовых интересов супругов в условиях цифровизации экономики	150
Копылова В.А. Неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации	155
Крайнов Д.С. Уголовно-правовое значение признака «беспомощное состояние потерпевшего» в системе объективных признаков состава убийства	158
Крюков М.В. Киберпреступность: понятие, виды и способы противодействия	162
Кузнецова Е.В. Реализация социальных прав человека в условиях цифровой реальности...	170
Кулагин И.И., Кулагина А.А. Цифровая трансформация юридической деятельности	174
Леснов Д.С. Уголовно-правовое противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ	178
Мальцева М.А. Семейные споры: анализ опыта использования цифровых технологий	182

Михеева А.Ю. Цифровизация системы здравоохранения: правовой аспект	186
Никитин Е.А. Проблемные аспекты при производстве судебных экспертиз по уголовным делам об изнасилованиях	190
Новикова Е.Н. О влиянии цифровых технологий на развитие ребенка и определение его места в современном обществе	194
Петрищев И.Ю. Виктимологическая профилактика преступлений, совершенных в отношении мигрантов	198
Радошнова Н.А. Проблемы реализации права на тайну переписки в цифровом мире	202
Романюк А.В. Законодательное регулирование защиты информационных прав граждан в различных странах	205
Рябцева Р.Ю. Актуальные проблемы реализации прав человека в цифровом мире в сфере жилищно-коммунального хозяйства	209
Сабиров М.М. Проблемы борьбы с терроризмом в современной России	214
Сирица А.С., Мацакян Л.Э. Цифровое законодательство в РФ: регулирование и дальнейшее развитие	220
Сухоруков Д.П. Преступность несовершеннолетних в современной России: теоретико-методологические и прикладные проблемы ее познания и предупреждения	223
Трясцын А.С. Цифровизация и права человека в период пандемии	227
Шнякина Ю.А. Цифровизация и права человека: вызовы современности	232
Юлиева Э.Д. Цифровизация уголовно-процессуальных отношений.....	236

Современные проблемы реализации прав человека в цифровом мире

**Материалы всероссийского круглого стола
(с международным участием)
20 октября 2022 г.**

Подписано в печать 16.11.2022
формат 60x84/16. Усл. печ. л. 15,25.
Тираж 100 экз.

ООО «Типография «Южный Урал»
пер. Свободина, 4, т (3532) 66-22-11
ИНН 5610211724
